

Мстислава Чёрная

Невеста с ноутбуком

Цикл: Попаданки с гаджетом

Глава 1

Познакомиться с мамой Рома предложил совершенно неожиданно, и мне бы заподозрить неладное, но разве ждёшь подставы от без пяти минут жениха?

Мы стоим у перехода на светофоре. Напротив через дорогу — кондитерская. И взгляд невольно прилипает к витрине: яркие глазированные торты, сочные фруктовые корзинки, белоснежные пышки безе. Если пирожные хотя бы вполтину вкусны, как красивы... Выглядят настоящими кулинарными шедеврами.

— Котёнок, давай купим и зайдём к маме? Она здесь неподалёку живёт. Знаешь, она давно о тебе спрашивала и будет рада.

— А? Но...

— Пойдём, — Рома озвучивает решение раньше, чем я успеваю отказаться и ловко переключает моё внимание на витрину. — Котёнок, я в сладком не разбираюсь. Как думаешь, какой торт лучше взять?

Я слегка удивляюсь напору, и мы заходим в кондитерскую.

— Ром, а что твоя мама любит? — выбор-то огромный.

Он пожимает плечами, теряется, глаза бегают.

Странно... Как можно не знать таких вещей?

— Ну... Котёнок, давай купим на твой вкус?

— Лучше коробку «Ассорти», — предлагаю я компромисс.

Рома не возражает, указывает продавцу на самый большой набор, просит красиво завернуть, расплачивается.

Я всё пытаюсь понять, что не так. Раньше Рома никогда свою маму не упоминал, зато как-то обмолвился, что снимает квартиру, потому что приехал из другого города.

— Ром, но это неловко: вламываться вот так вот, без предупреждения.

— Всё будет в порядке, — отмахивается он. — Уверен, вы друг другу понравитесь.

Мы выходим из кондитерской, Рома заворачивает за угол и ведёт меня дворами. Многоэтажки отгораживают гул оживлённого проспекта, мы шагаем по пятнам света и тени, бросаемой старыми раскидистыми липами. Мы проходим мимо детской площадки. На лавочке молодая мамочка качает ногой коляску, а взгляд не отрывает от экрана телефона.

Я всё ещё сомневаюсь.

Знакомство с родителями — это важный шаг. Я же не готовилась, не настроилась, и одета недостаточно празднично. Пусть Рома беззаботно уверяет, что мы с его мамой легко поладим, я всё равно не могу не думать, как она ко мне отнесётся. Вдруг я ей не понравлюсь?

Рома ловит меня за руку и указывает на многоэтажку, огороженную высоким забором. Я оторопело останавливаюсь. По-разному бывает, но я не ожидала, что мама Ромы живёт в элитном доме.

Когда мы проходим через калитку, из будки выглядывает кучерявый, похожий на пуделя охранник, но ни о чём не спрашивает, а вот уже в подъезде консьерж нас останавливает.

— О нас должны были предупредить, квартира двести третья, — небрежно отмахивается Рома.

Сверившись со списком, консьерж кивает:

— Да, проходите.

— Твоя мама...?

— Долгая история, — улыбка у Ромы выходит натянутой.

Мне всё меньше хочется знакомиться именно сейчас.

Лифт открывает свой зев, и Рома подталкивает меня вперёд, нажимает пятый этаж. Я нервно сглатываю и прикидываю, как незаметно вытащить платок, чтобы вытереть взмокшие ладони.

Плавный ход кабины почти незаметен. Лифт мягко останавливается, створки открываются.

В глаза бросаются вазоны с зеленью и бежевые в тёмную штриховку ковровые дорожки. Богато... И дверь в двести третью квартиру внушительная. На чёрном фоне переливается серебром три фигурные цифры номера.

Рома нажимает на ручку, дверь открывается, будто было незаперто.

То есть нас ждали? Ну да, ждали, раз мы у консьержа записаны. Получается, что Рома всё заранее спланировал. А почему не предупредил? Зачем притворяться, что предложение увидеть маму спонтанное?

Рома галантно забирает у меня ветровку и снова подталкивает меня вперёд:

— Проходи, не надо разуваться.

Щёлкает замок, а затем Рома захлопывает внутреннюю дверь, тоже запирает.

Нехорошее предчувствие бьёт по нервам, а в памяти всплывают рассказы журналистов о трагедиях, начавшихся с точно такой же, как у меня, доверчивости.

Я отступаю от Ромы в коридор.

Он смотрит на меня, кривится с брезгливой насмешкой. Сердце проваливается в пятки, я рефлекторно стискиваю ручку сумки на плече.

За спиной раздаются шаги. Я рывком оборачиваюсь. На миг у меня перехватывает дыхание, я чувствую, как глаза вылезают из орбит. Откуда здесь он?! В начале коридора, лучась самодовольством, стоит Макс. Золотой мальчик и редкостный урод, которому я месяц назад отказала. Да, месяц назад я ему отказала, а три недели назад со мной познакомился Рома...

Чёрт, какая же я дура слепая...

Я снова оборачиваюсь.

Рома блокирует собой проход. С виду поза обманчиво расслабленная, он стоит привалившись к стене, руки скрещены на груди. Ухмылка отвратительная. Меня передёргивает от омерзения.

За спиной Макса появляются его дружки, и вот это совсем худо.

Мне дадут в полной мере оценить ловушку.

Макс громко причмокивает губами, и его голос разрезает тишину:

— Удивлена, что это я, Недотрога? Кажется, ты не рада? А я рад. Очень-очень рад. Я столько ждал, и сегодня мы познакомимся поближе, — он делает недвусмысленный жест: соединяет указательный и большой пальцы в кольцо, а выпрямленными пальцами другой руки ритмично двигает.

Я всё же смотрю на Рому. Надеяться, что у него внезапно проснётся совесть глупо, но не получается задавить порыв искать защиты у того, кому ещё пять минут назад я всецело доверяла.

От прежнего Ромы не осталось даже тени. Он обливает меня молчаливым презрением, а затем открывает рот. Лучше бы не открывал.

— Котёнок, зачем выпендривалась? Дала бы Макс, и ничего бы сейчас не было. И мне бы не пришлось с тобой столько возиться. Знаешь, когда они с тобой закончат, я отдельно тебя накажу.

— Я буду кричать!

Старалась говорить спокойно, но к концу фразы голос срывается.

Есть шанс, что соседи вызовут полицию?

Моя угроза вызывает лишь смех.

А отсмеявшись, Макс довольно ухмыляется:

— Конечно, будешь, Недотрога. А когда пойдёшь по кругу, и вовсе будешь орать от удовольствия. Не стесняйся, здесь новый ремонт, звукоизоляция на высшем уровне специально для таких случаев. Как тебе моя предусмотрительность?

Я тянусь к мобильнику. Вырваться я вряд ли смогу, а вот сделать экстренный вызов...

— Не это ищешь? — окликает Рома, подхватывает мою ветровку, небрежно отброшенную на «рога» вешалки, и вытаскивает из кармана мой телефон.

На глаза наворачиваются слёзы.

— Недотрога, убедила. Если ты сама подойдёшь и хорошо попросишь, я, может быть, буду не слишком груб. Ну?

Предложение Макса действует на меня как доза убойного успокоительного. Страх и отвращение не исчезают, но отходят куда-то вглубь сознания, они больше не мешают мне думать, искать вариант спасения.

Я зажата в коридоре. Ни с Максом и его кодлой, ни с Ромой, мне не справиться, тем более мало добежать до двери, её ещё нужно отпереть. Если каким-то чудом оттолкну Рому, Макс успеет меня догнать.

Выхода нет.

Я бросаюсь в единственное доступное мне помещение — в ванную. Я успеваю щёлкнуть задвижкой, до того, как дверь дёрнули с той стороны. Дверь сотрясается под ударом, меня накрывает запоздалой волной ужаса. Я сама себя загнала в тупик. Умнее было бы пробиваться в комнату. Да хоть бы выбросить стул в окно, начать кричать.

— Выходи по-хорошему, хуже будет, — раздаётся полный ярости голос Макса.

Как же, я снова посмела отказать.

— Выходи, — поддакивают его дружки, и дверь вздрагивает.

Нет-нет-нет.

Сумка всё ещё на плече. Я выхватываю ноутбук. Без интернета он бесполезен, но вдруг удастся подключиться к вайфаю? Если повезёт, поймается сигнал городской сети. Я сегодня ею уже пользовалась, так что по идее должна автоматом подключиться, без смс с паролем.

Мне безумно везёт, вайфай ловится.

Я понятия не имею как вызвать полицию не по телефону. В голову приходит лишь дикий вариант написать хоть кому-то и попросить набрать полицию вместо меня, а затем поднести мобильник к динамику компьютера, чтобы я могла поговорить. Бред...

Дверь безостановочно сотрясается, задвижка вот-вот слетит, а мне даже заклинить дверь нечем.

Экран ноутбука полностью перекрывает надпись:

«Приложение Система 2.02 установлено. Запустить Перерождение?»

Что?! Пропади к чёрту! Я рефлекторно тянусь в правый верхний угол, но крестика не обнаруживаю. Чёрт!

Дверь ходит ходуном. Они там что, таран принесли?!

Ближе к правому верхнему углу «да», и я нажимаю. Ну же!

Помеха с экрана исчезает, но сделать я ничего не успеваю. Задвижка не выдерживает очередного удара, дверь распахивается.

— Попалась? Что это ты тут делаешь?

Я успеваю заметить тянущуюся ко мне волосатую руку, сознание меркнет.

Когда я открываю глаза, я обнаруживаю, что я больше не в ванной, перед носом бордовая ткань, напоминающая плюш. Пыльный плюш. Но главное, я одна и неприятных ощущений в теле нет, то есть меня не тронули. Пока...

— Леди, вы проснулись? Мы подъезжаем ко дворцу.

Глава 2

Голос раздаётся над самым ухом, я вздрагиваю от неожиданности и испуганно оборачиваюсь. Напротив сидит ряженая, смотрит на меня с искренним недоумением. Больше, к счастью, никого, и это обнадеживает.

Я оглядываюсь чуть спокойнее. Я внутри покачивающейся, время от времени поскрипывающей коробки, обитой тем самым бордовым плюшем, к которому я прижималась. Ряженая сказала «подъезжаем». Карета? Очень похоже. Почему я леди? И вообще...

— Где они? — хрипло спрашиваю я.

Меня сюда Макс притащил? Как-то не верится.

— Леди, о ком вы? Вам приснилось что-то плохое? Лорд, леди и молодой лорд в экипаже впереди.

Ничего не поняла, кроме того, что прямо сейчас я в относительной безопасности, а значит, надо как можно скорее разбираться..

Я протягиваю руку и приоткрываю штору, но смотрю не в окно, а на свою кисть. Сжать пальцы, разжать. Рука, определённо, моя, потому что я ею управляю, но в то же время не моя. У меня были самые обычные пальцы: не толстые, не тонкие, не короткие, но и не длинные. Кисть полностью изменилась — вытянулась, приобрела изящество руки потомственной пианистки. Изменилась форма ногтей, а между указательным и средним пальцем появилась каплевидная родинка.

В окно я смотрю, уже догадываясь, что увижу.

Перерождение, говорите?

Кто бы мог подумать, что это не злая шутка.

Карета кренится на повороте. Благодаря изгибу подъездной дороги, я могу рассмотреть, что дорога запружена каретами. Впереди переливается огнями обещанный дворец. Я задёргиваю штору.

— Леди? — беспокойно спрашивает меня...

Кто она, кстати?

— Я в порядке.

Система, не знаю, что ты такое, но спасибо тебе, что ты есть.

Я откидываюсь назад и прикрываю глаза — поверить не могу, что я спасена, что можно просто сидеть, слушать скрипы, не бояться тянущейся ко мне волосатой руки.

Да...

Тот факт, что я попала в другой мир, а ничем иным случившееся быть не может, я принимаю неожиданно легко. Отчасти, из-за того, что я была готова бежать куда угодно, лишь бы спастись, отчасти... испугаться по-настоящему не получается. Эмоции притупились, зато в голове кристальная ясность. Я открываю глаза, бросаю осторожный взгляд на женщину. Никакая она не ряженая. Хотя для меня её наряд смотрится как одежда из прошлой эпохи, для неё её платье обыденное, современное.

Что будет, если я честно огорошу женщину сообщением, что в тело её подопечной вселилась чужая душа? Наверняка расстроится, и это мягко сказано. Признание прямой путь либо в тюрьму, либо в лечебницу для умалишённых.

Куда исчезла та, кто занимала это тело до меня? Хм... Меня Система спасла, и я не хочу верить, что она навредила другой девушке. В любом случае, это не то, с чем я могу сейчас разобраться.

Лучше подумать о чём-то более практичном. Например, как себя не выдать.

Карета, последнюю сотню метров двигавшаяся рывками, останавливается окончательно. Дверца распахивается. Молодой парнишка в ливрее подставляет скамеечку и молниеносно отскакивает. Мне протягивает руку молодой щеголь с холёной розовощёкой физиономией и зализанными назад пшенично-льняными волосами. Упомянутый женщиной молодой лорд?

Откуда-то я знаю, как правильно опереться — не касаться открытой кожи, а обхватить за руку чуть выше запястья, за плотную ткань рукава фрака. Второй рукой подхватываю пышную вызывающе сочно-розовую юбку, чуть приподнимаю, чтобы не показать щиколоток, спускаюсь. Обернуться я не

успеваю, щёголь тянет меня вперёд, но слышу, как почти сразу раздаётся цокот копыт, моя карета освобождает место для следующей.

А впереди стоит пара. Мужчина в чёрном фраке и дама в тёмно-зелёном платье, расшитом золотыми узорами от лифа до подола. Видимо, лорд и леди, родители щёголя: у дамы точно такие же пшенично-льняные волосы, а у мужчины нос с горбинкой, доставшейся и сыну.

Дама окидывает меня оценивающим взглядом с ног до головы:

— Шелли, вы помните мои наставления?

Нет, конечно, я их слышать не слышала.

Шелли... Совсем недавно это имя мне где-то попадалось. Забавное совпадение.

— Помню, — тихо отвечаю я, опускаю голову и старательно изображаю смущение.

Дама удовлетворённо кивает, опирается на локоть старшего лорда, и они вдвоём начинают восхождение по широкой лестнице. Щёголь ведёт меня следом. Хм, если он сын этой пары, то кто я? Дочь? Но тогда почему меня отсадили в отдельную карету?

У распахнутых дверей нас встречает лакей, и старший лорд небрежно отдаёт два конверта. Пригласительные? Как плохо, что не звучат имена. Зато я убеждаюсь, что я всё-таки не дочь пары и не жена щёголя.

Не исключено, что невеста, но этот вариант тоже кажется сомнительным. Может быть, я под их опекой?

Узнать ничего не получается, лакей внимает из конвертов карточки и тотчас пропускает нас в мраморный вестибюль, размером едва ли не с половину футбольного поля. Лорд и леди неспешно идут вперёд по ковровой дорожке, на нас со щёголем не оглядываются. Я тоже стараюсь не вертеть головой, хотя и любопытно. Бело-розовый мрамор с позолотой создаёт ощущение, что мы попали в полое, подсвеченное солнцем облако.

Впереди парадная лестница, в вестибюле мы не задерживаемся, поднимаемся в не менее роскошный зал на втором этаже.

Меня охватывает беспокойство, но быстро тает, и хотя я понимаю, что реагирую подозрительно безэмоционально, сосредоточиться на перерождении не получается, тем более я обнаруживаю совершенно неожиданную проблему — туфли натирают.

Задаваться вопросом, чем думала Шелли, когда отправилась во дворец в неудобной обуви, бессмысленно.

Лорд и леди отходят к одной из колонн, останавливаются, мы с щёголем замираем подле них, начинается мутное ожидание. К счастью, от меня ничего не требуется. Время от времени, чинно вышагивая, к лорду и леди подходят другие семьи аристократов, но беседуют лишь старшие представители, на меня никто не обращает внимания, лишь изредка бросают взгляды. Чаше равнодушные, реже брезгливо-осуждающие, а иногда откровенно-липкие. Если бы не странное, сковывающее спокойствие, я бы вряд ли смогла притворяться слепой статуей.

По ощущением проходит больше часа, но в моих туфлях и минута вечностью покажется.

Гвардейцы распахивают двустворчатые двери, и следующий зал размерами превосходит вестибюль раза в два. Далеко впереди на возвышении установлен пустой трон.

Куда же меня угораздило попасть-то...

— Ах..., — срыгается у меня дыхание, когда до меня доходит, что вот-вот я увижу самого настоящего короля.

— Шелли, — предупреждающе-грозно осаживает меня леди.

Я покорно замолкаю.

И добавляю в копилку наблюдений ещё одно — семья, с которой я вынуждена сейчас находиться, меня откровенно не любит.

Группы и редкие одиночки неспешно втягиваются в тронный зал, занимают места, как я догадываюсь, в соответствии с иерархией. Лорд и леди не приближаются к трону, но всё же встают не слишком далеко.

Постепенно зал заполняется, и снова ожидание, но уже не столь длительное.

— Его высочество принц Доран.

Второе совпадение?!

Я вспомнила, где мне недавно попадалось имя Шелли — в романе «Сбежать от чудовища», который я недавно читала на .

Главная героиня принцесса Оливия отправляется в страну своего будущего мужа кронпринца Римана, чтобы накануне свадьбы поближе познакомиться с культурой и традициями своей новой родины, однако кронпринц не рад её приезду и откровенно пренебрегает невестой. Хуже! Риман оказывается любителем пьянок, завсегдатаем борделей. Вечно нетрезвый, он тиранит Оливию каждый раз, когда она попадает к нему на глаза. Её жизнь в новом доме невыносима уже до свадьбы. Надо ли говорить, что Оливия влюбляется в младшего брата кронпринца, нежного и заботливого принца Дорана, который, не будучи наследником престола, не может стать её мужем.

А Шелли... Шелли всего лишь одна из любовниц кронпринца, отличившаяся лишь тем, что несколько раз по его указке пыталась нагадить главной героине. Шелли трагично погибла, по одной из версий, перебрав вина, выпала из окна, по другой версии была убита кронпринцем.

Мда, печальная перспектива.

Но ведь это не может быть правдой, верно? Я готова допустить перерождение в параллельном мире. Но в мире романа?! Два совпадения ещё ни о чём не говорят...

Панические мысли не мешают мне исполнить глубокий реверанс так, будто я уже тысячу раз его исполняла. Как мне повезло, что настоящая Шелли отработала навык до автоматизма...

Медленно выпрямившись, я с замиранием сердца смотрю на церемониймейстера. Ну же, объяви короля или кого-нибудь, чтобы я убедилась, что совпадения случайны.

— Его высочество кронпринц Риман!

Сердце подскакивает к горлу и срывается в бешеный ритм.

К трону выходит темноволосый красавец в белом мундире.

Глава 3

Я замираю как кролик перед удавом. Счастье, что кронпринц далеко и не сможет рассмотреть выражение моего лица. На первый взгляд в кронпринце нет ничего пугающего, но наши предсказанные отношения... Я сбежала от кодлы уродов в другой мир не для того, чтобы здесь стать жертвой золотого мальчика. Похоже, название книги стоит воспринять, как руководство к действию. Можно мне на ближайшие лет пять минимум в монастырь? Желательно, отдалённый. Свежий воздух, размеренная жизнь...

Щёголь настойчиво тянет меня вниз, и я исполняю реверанс с заметным опозданием. Можно не сомневаться, мою ошибку заметили многие.

— Его величество Таларан, её величество Элизанна.

Королевская чета занимает троны.

Я украдкой перевожу дыхание. Чего я испугалась? Прямо сейчас меня никто не тронет, разве что король за нарушение этикета и невольное оскорбление прикажет казнить.

Воцаряется гробовая тишина, даже шуршание пышных юбок стихает. Король обводит зал тяжёлым взглядом, и я пользуюсь моментом, чтобы рассмотреть монарха. Грузный мужчина, облачённый в парадный белоснежный мундир похож на пасмурный сугроб. Резкие черты лица, усиленные глубокими складками морщин создают отталкивающее впечатление. Или впечатление возникает из-за контраста? Королева смотрится юной и хрупкой. Не знала бы, что она мать уже взрослого сына, решила бы, что вижу особу лет двадцати пяти.

— Принцесса Оливия Каранская, — заговорил король, — добро пожаловать в Лавис.

А вот и главная героиня...

Она отпускает руку сопровождающего, выходит на ковровую дорожку перед тронным возвышением и склоняется перед королём:

— Благодарю, ваше величество.

Её простое расшитое серебристой нитью бледно-голубое платье ослепляет сдержанной элегантностью.

— Принцесса, вы невеста моего сына, я могу считать вас своей дочерью. Прошу, не будьте столь формальны.

Значит, сейчас самое начало романа?

— Вы очень добры ко мне, ваше величество, — голос у принцессы звонкий, ясный, похож на журчание ручья. — Я тронута вашей заботой.

Так странно наблюдать вживую то, о чём я читала буквально вчера.

— Я не стану говорить много слов. Сегодня праздник в вашу честь, принцесса. Наслаждайтесь.

— Благодарю, ваше величество.

Принцесса грациозно отходит в сторону и застывает очаровательной статуэткой неподалёку от возвышения. Она не может стоять слишком близко, она ещё не вошла в королевскую семью, но и не должна стоять слишком далеко, всё же её статус выше, чем у всех стоящих в зале аристократов.

Церемониймейстер ударяет посохом об пол, и это становится знаком к началу бала.

Торжественно звучат фанфары, и оркестр начинает играть довольно сложную мелодию.

Из книги я помню, что кронпринц должен спуститься с возвышения и пригласить свою невесту на первый танец, именно их пара открывает бал, но он медлит до тех пор, пока король не поворачивает голову в его сторону. Крайне некрасивый жест кронпринца оскорбителен для принцессы, но она сдерживается, стоит с гордо поднятой головой, будто не замечает выставленного на показ пренебрежения.

Жаль девочку... Оказаться одной, на чужбине. Сегодня на бал её сопровождал посол, но после бала он вернётся в резиденцию, а Оливия останется во дворце.

Всё происходит в точности, как я запомнила. Кронпринц, не заботясь о приличиях, изображает столб. Музыка играет, она заглушает слова короля, если они и были. Лишь дождавшись прямого

приказа, кронпринц вальяжно спускается по ступенькам, он нарочно затягивает время..

Сколько же Оливии предстоит вынести...

Кронпринц обязан поклониться, но он лишь кивает и протягивает руку. В отличие от него принцесса не позволяет себе нарушить правила этикета и исполняет глубокий реверанс, только затем подаёт руку.

Они выходят в центр зала, ещё один обмен поклонами, и кронпринц увлекает Оливию в танец. Без подянки не обходится: вращение Оливии приходится выполнить в два раза быстрее музыки, но она справляется безупречно.

Один круг пара танцует одна, на втором кругу к танцу могут присоединиться другие пары, но кронпринц останавливается, разворачивается и ведёт Оливию к её месту. Очередная некрасивая выходка не нарушает общий ход праздника, музыка продолжает звучать, и зал оживает.

Старший лорд приглашает супругу, а щёголь поворачивается ко мне. Я моментально забываю про беды главной героини, в конце концов, в отличие от меня её ждёт счастливый финал с принцем Дораном.

Я уже натёрла ноги, стопы горят. Какой танец?! Только кто бы меня спрашивал. Щёголь, не дожидаясь ни возражений, ни книксена, подхватывает меня и вовлекает в круг. Я догадываюсь, что первый танец обязательный, но мне от этого не легче. Каждый шаг — вспышка боли.

— Шелли, что на вас сегодня нашло? Извольте держать себя, как подобает леди, — шипит щёголь зло и неприятно, но лучше не спорить.

Во-первых, не похоже, что настоящая Шелли часто возражала. Во-вторых, прежде, чем показывать характер, надо разобраться со своим положением.

— В туфлю попало что-то острое, мне нужно выйти.

— Извольте терпеть, — раздражённо отвечает щёголь и приседает на колени, чтобы я обошла его по кругу.

Почему мне так везёт на уродов?

Да, лучше думать об уродах, чтобы не сбиться с отработанных движений. Но на ногу щёголю при очередном повороте я наступаю сознательно, да ещё и на мгновение переносу весь свой вес.

— Простите.

— Тц...

Щёголь сдерживается, но круг танцующих мы покидаем сразу, как позволяют приличия. Он отводит меня к стене и указывает на дверь:

— Дамские комнаты налево.

— Спасибо.

Интересно, он будет меня ждать?

Выскользнув из тронного зала, я оказываюсь в небольшом холле. В обе стороны убегают просторные коридоры. Щёголь сказал, что мне налево. Но сперва... Я ещё раз оглядываюсь, убеждаюсь, что вокруг никого и схожу с ковровой дорожки на мраморные плиты, с наслаждением сбрасываю туфли.

О, как же мне хорошо... Прохлада камня успокаивает боль. Я зажмуриваюсь от удовольствия. М-м-м, я в экстазе.

А когда я открываю глаза, передо мной стоит его высочество кронпринц. И вертит в руках мою туфлю. Вот же чёрт. Откуда он только вылез? Его полный предвкушения взгляд не обещает мне ничего хорошего. На губах дьявольская усмешка.

Система, я думала, ты меня спасаешь. Зачем ты меня сюда отправила? Хотя вряд ли можно винить Систему в том, что я решила уйти из многолюдного зала.

Вернуться без туфель — неизбежный позор, на который я не могу решиться, не зная последствий.

Ладно, сейчас важнее понять: мы уже в... близких отношениях или ещё нет? В сюжете Шелли была настолько малозначительной, что о ней не было никакой информации, кроме того, что она одна из любовниц кронпринца.

— Леди, вы покушались на мою жизнь каблуком? — он взвешивает мою туфлю в ладони.

Это обвинение, шутка или провокация?

Кронпринц приближается, его ухмылка становится шире:

— Леди, вы смеете игнорировать меня?

Ой, я же его даже не поприветствовала, но, похоже, он всё же не злится, а развлекается.

— Я сражена вашим вниманием, ваше высочество, — и, что удивительно, мои слова чистая правда.

Он проводит пальцем по заднику туфли, и вдруг резко присаживается передо мной на корточки, приподнимает подол юбки. Не задирает, а именно приподнимает на уровень щиколотки, что по местным меркам тоже крайне неприлично.

— Что у вас с ногами, леди?

— Натёрла.

Он заметил кровь на внутренней стороне задника?

Мы всё-таки уже близки? Но если верить роману, кронпринц никогда не заботился о любовницах. Тогда почему он сейчас...

Он отпускает подол, оправляет и поднимается, наши лица оказываются слишком близко. Меня обдаёт запахом крепкого алкоголя. Если верить роману, Риман не просыхает с пятнадцати. Но его глаза неожиданно чистые, ни единого воспалённого красного сосуда. И на носу ни намёка на характерные для любителей обильного возлияния прожилки. Разве разгульный образ жизни не должен был оставить на внешности неизбежный след?

Взгляд цепкий, без грамма похоти.

Может, Оливия ошиблась? Может быть, распутство только маска, за которой скрывается расчётливый и умный мужчина? Если я, допустим, прополощу рот коньяком, от меня тоже будет пахнуть, но это же не значит, что я пила.

— Налюбовались, леди?

— Вы не такой, как о вас говорят, ваше высочество.

— А вы... интересная.

Хм, наверное, ни одна настоящая леди не решится разуться в коридоре. И в глаза я ему смотрю прямо, без испуга.

— Следуйте за мной, леди.

Эм? Что-то мне это предложение категорически не нравится, но кронпринц отдал приказ. Какое я имею право отказываться?

Кронпринц больше не обращает на меня ни малейшего внимания и совершенно не заботится, иду я за ним или нет. Он наклоняется, подбирает вторую туфлю и беззаботно несёт мою обувь в руках. Он не поворачивает направо, как я ожидала, а выходит на лестницу, и мне приходится шлёпать за ним босиком.

Мы поднимаемся на второй этаж, проходим мимо гвардейцев, несущих караул с каменными лицами, на нас они никак не реагируют. Разве они не должны приветствовать кронпринца? Видимо, нет.

Кронпринц уводит меня довольно далеко от бального зала. Чем дальше мы идём, тем больше меня напрягает ситуация. Когда я поняла, что он не собирается набрасываться на меня прямо там, в холле, я успокоилась, но теперь теряю остатки едва обретённой уверенности. Куда он меня ведёт? Спросить я не решаюсь, а чувствовать себя козой на верёвочке очень неприятно.

— Хей, — негромко произносит он, резко остановившись.

На зов моментально выбегает горничная и низко склоняется:

— Ваше высочество.

— Замени это, — кронпринц небрежно бросает мои туфли, что приятно, на пол, а не в служанку.

Горничная опять кланяется, но кронпринц уже и не смотрит на неё, идёт дальше, можно подумать, что он забыл про горничную, однако на ходу, не оборачиваясь, добавляет:

— На мягкие.

Распахнув дверь, кронпринц первым входит. Я следую за ним. Довольно большое помещение, роскошное, обставленное как гостиная.

— Мои личные покои. Чувствуйте себя свободно, леди.

Он всерьёз полагает, что после таких слов я смогу чувствовать себя спокойно? Но выбора нет. Я не только вхожу, но и закрываю за собой дверь.

— Присядьте там, леди, — кронпринц указывает на ближайшее ко мне кресло.

Я подчиняюсь.

Он ненадолго скрывается в следующем помещении и возвращается с баночкой в руках, бросает мне:

— Справитесь, леди, или помочь? Это лечебная мазь.

Так и тянет съязвить, что выбираю помощь, но благоразумия хватает, чтоб промолчать. Я закидываю ногу на ногу, открываю крышку, зачерпываю жирный, пахнущий травами крем, и наношу на стопу.

Мазь оказывается неожиданно действенной, боль стихает почти мгновенно. Я наношу лекарство на вторую стопу. Всё это время кронпринц, не скрываясь, наблюдается за мной с дивана, на котором он вольготно вытянулся. Я закрываю баночку, отставляю на столик.

— Благодарю, ваше высочество.

Кронпринц неопределённо хмыкает, и в гостиной повисает молчание, причём, похоже, неловкость ощущаю только я одна, мне неуютно под его изучающим взглядом. Принц улыбается от уха до уха, шуруется и до ужаса напоминает кота, решившего поиграть с мышкой. Я не ободряюсь венценосной добротой. Тигр лениво лежит не означает, что в следующий миг тигр не махнёт лапой, а там такие когти и такая мощь, что пришибёт за один удар. Да и сюжет «Сбежать от чудовища» забыть не получается, ведь по одной из версий этот милый парень выбросит меня в окно.

Тишину нарушает горничная.

— Туфли для леди.

— Угу.

Горничная в очередной раз кланяется и входит. Я присматриваюсь. О хозяевах довольно точно можно судить по слугам. Конечно, в королевском дворце слуги идеально владеют собой, и полагаться на первое впечатление нельзя. Горничная выглядит собранной и спокойной.

— Леди, позвольте вам помочь?

— Спасибо, но нет необходимости, я ещё немного отдохну.

Горничная принимает мой ответ, ставит пару обуви подле кресла и, получив разрешение кронпринца, уходит. Я провожаю её взглядом, а когда я снова поворачиваю голову, кронпринц стоит прямо перед моим креслом. Когда успел?!

Нарочито медлительно он наклоняется, опирается на подлокотники, нависает надо мной.

Если он меня проверяет, то всё в порядке. Если нашёл себе девочку на вечер...

— Леди, вы воспитанница лорда Зеера, не так ли?

Понятия не имею. Надеюсь, его высочество прав. Или в моих интересах, чтобы он ошибся?

— М-м-м..., — неопределённо мычу я.

Кронпринц ухмыляется, протягивает руку и тыльной стороной ладони проводит по линии выреза. Его кожа соприкасается с моей.

Единственное, что меня удерживает на месте — его взгляд, в нём по-прежнему нет ни грамма похоти.

— Леди, ваш опекун должно быть вас очень любит, раз решил, что скука жизни за мужем не для вас. Он желает вам блистать в свете и прожить ярко.

Про любит явный сарказм. Поставим кронпринцу плюстик за наличие ума и чувства юмора, а вот намёки его мне не нравятся. Я успела заметить, что на фоне нарядов большинства юных леди моё платье выглядит излишне крикливо. Получается, те осуждающие взгляды, которые я ловила на себе в зале, были небеспричинны.

Королям и принцам не отказывают.

Но почему бы не попробовать окольный путь?

— Мой опекун принял решение, с которым я не согласна.

— Возможно, я мог бы вам помочь, — кронпринц отстраняется и плюхается в соседнее кресло. — Что скажете, леди?

— Хм? Скажу, что каждая помощь имеет свою цену.

Кронпринц дважды хлопает в ладоши:

— Леди, я восхищён вашей прозорливостью. Я попрошу сущую мелочь. Навещайте меня почаще, и никто не посмеет вам докучать, ведь в глазах общества вы будете... моей леди. И никто не узнает, что в спальне мы с вами будем просто беседовать. Например, о тех, кто бывает в гостях в вашем доме, кому лорд Зеер наносит визиты, а с кем встречается секретно.

— Вы хотите, чтобы я шпионила, ваше высочество?! — забывшись, я чуть повышаю голос.

Теперь понятно, откуда взялись внимание и забота — вербует пушечное мясо.

— Ни в коем случае, леди. Какой шпионаж? О чём вы? Разве я предлагаю вам тайно проникнуть в кабинет лорда и вскрыть его тайную переписку? Я всего лишь хотел бы знать, какие настроения царят в вашей семье, — и улыбка невинная-невинная.

Хм...

С одной стороны, предложение заманчивое, лучше считаться фавориткой, чем по-настоящему согреть чью-то постель. С другой стороны, я помню судьбу книжной Шелли. Я не знаю, шпионила она или нет, зато знаю, что кронпринц использовал её против Оливии, и итог для Шелли плачевен.

Кронпринц берёт меня за руку. От его движения жёсткий рукав мундира чуть сдвигается, открывает запястье, и я замечаю повязанную на руку трёхцветную косичку: переплетение чёрного, белого и серебряного шнурков. В книге она упоминалась. Должна ли я...

Должна ли я встать на сторону кронпринца?

Монастырь по-прежнему выглядит привлекательнее любых авантур, и я пожалею о том, что сейчас сделаю, но есть вещи, которым невозможно сопротивляться.

Если видишь маленького ребёнка, улизнувшего от родителей и опасно перегнувшегося через перила, чтобы рассмотреть, что-то там, далеко внизу, ты не думаешь, ты на инстинктах удерживаешь малыша от падения. Если ты видишь человека, которому стало плохо, ты на тех же инстинктах забываешь про свои дела, вызываешь скорую и остаёшься с человеком, пока не придут врачи. Если ты видишь неосторожного пешехода, который, забывшись, шагает едва ли не под колёса, ты предупреждаешь.

Трёхцветная косичка на запястье кронпринца стала для меня приговором.

Промолчав, я, возможно, смогу избежать многие беды, но я не готова переступить через себя, через свою природу.

— Ваше высочество, вы не откажете мне в чашечке чая? — кокетливо спрашиваю я.

— Хм? Может быть, вина?

Хотя кронпринц остаётся вежливым, я чувствую, что его тон похолодел на пару градусов. Наверное, его высочеству не нравится, что я не дала ясного согласия.

— Считайте, что это мой маленький каприз, — улыбаюсь я.

Отрывисто кивнув, кронпринц вызывает горничную и приказывает ей принести чай. В гостиной вновь воцаряется молчание. Кронпринц буравит меня подозрительным взглядом, словно понял, что

моя просьба не так проста, как может показаться. Я барабаню пальцами по подлокотнику.

Интересно, выживу я после того, как сделаю то, что собираюсь сделать? Вот же шутка судьбы...

Служанка вносит поднос, опускает его на столик. Расписанный золотом идеальный белизны чайник стоит рядом с сахарницей. На блюдах чашки из того же сервиза. В тон к узору нам подали золотые чайные ложечки с фигурными черенками.

Не знаю, кто должен разливать чай по чашкам. Явно не кронпринц. Я или горничная?

Я подхватываю чайник, сильно наклоняю, отчего едва ли не половина чай проливается мимо. Меня это не беспокоит. Мне не нужен чай, мне нужен кипяток, а каждый миг промедления означает, что вода остывает.

— Леди? — напрягается его высочество.

Кто бы мне сказал, что однажды рискну сыграть в русскую рулетку с кронпринцем в роли револьвера, ни за что бы не поверила.

Я рывком сдёргиваю косичку с его запястья и бросаю в чашку.

Кронпринц в то же мгновение оказывается передо мной. Время словно останавливается, и вечность я смотрю в его пылающие лютой ненавистью глаза, я действительно дёрнула тигра за усы. Его ладонь на моей шее, но Рима не сдавливают, лишь предупреждает, даёт ощутить, как легко он может меня раздавить.

— Тебе надоело жить? — шепчет он.

Он готов меня убить. Единственно, что его сдерживает — желание понять мой мотив.

— Не мне, ваше высочество. Посмотрите белый и серебристый шнурки, на них будет особенно хорошо заметно.

— И что я по-твоему увижу?

— Фиолетовые пятна. Сок, которым пропитали ваш браслет, выступит от горячего.

— Лируанский яд?

— Да, — в романе именно так звучало, теперь, когда он назвал, я вспомнила.

Ненависть не утихает, но руку кронпринц опускает, оборачивается, вынимает из чашки косичку.

Заливать следовало кипятком, я же бросила косичку в горячую воду. Если она была недостаточно горячей.

— Надо же, вы не ошиблись, леди.

Конечно, я не ошиблась. В романе, ближе к финальным главам, кронпринц предложил Оливии уединиться в его спальне. Спасаясь, она расцарапала его запястье и сорвала косичку. Рима был настолько нетрезв, что не заметил пропажу. Оливия по доброте собиралась вернуть косичку и, чтобы не забыть и не потерять, безрассудно повязала на своё запястье, ведь артефакт, определяющий яды, который она всегда носила при себе, не распознал угрозы. Сработал артефакт принца Дорана. Именно принц показал Оливии трюк с кипятком, а потом подарил свой, более мощный артефакт.

Рима растерял весь свой запал, незаметно ссутулился, опустил голову.

В романе не упоминалось, но не трудно догадаться, что человек, стоящий на вершине мира, будет носить столь простое украшение, если ему дорог даритель.

— Вас предал друг, ваше высочество?

Я не должна была спрашивать, это слишком личное, слишком болезненное. Но недавний тигр на миг показался мне потерянным котёнком, и я не сдержала порыв. Я просто забыла, кто передо мной.

Кронпринц, наверное, тоже забылся, ничем иным я не могу объяснить, что он мне отвечает.

— Мама. Это подарок от мамы.

Глава 5

Принц отворачивается от меня, от полумёртвой от ужаса горничной, ставшей свидетелем не предназначенной для её глаз сцены. Сбежать служанка не пытается, стоит, опустив голову и сжимает кулаки с такой силой, что я подозреваю, ногти оставят на ладонях кровавые полумесяцы.

Мысленно чертыхнувшись, я аккуратно смещаюсь, чтобы оказаться на одной линии между Риманом и служанкой. Меня он не тронет. Уж если сдержался, когда я содрала с него косичку, то сейчас и подавно начнёт с допроса. Воображение рисует застенки темницы. Как я должна объясниться?

А ведь всё так хорошо начиналось: спасение от уродов, перерождение в леди, настоящий бал...

Секунды складываются в минуты, его высочество медленно оборачивается:

— Леди, присядьте.

Ложное спокойствие пробирает до костей, и я не ошибаюсь в своём дурном предчувствии. Кронпринц, зажмурившись, испуганно ударяет кулаком по столу. Подпрыгиваю, звякают чашки.

Я опускаюсь в кресло.

Кронпринц впивается взглядом в горничную.

Я чувствую лёгкий укол вины. Было бы лучше дожидаться, когда она уйдёт, но тогда вода бы могла остыть слишком сильно, и я бы потратила свою жизнь впустую. Риман с пугающей нежностью берёт служанку за подбородок, вынуждает поднять голову:

— Милая, мне помочь тебе забыть?

— Ваше высочество, смилуйтесь, я ничего не видела. Я только принесла чай, разлила по чашкам и ушла.

— Хорошо, милая, я тебе верю. Я верю, что ты не станешь меня расстраивать. А теперь иди, — и улыбнулся, как дьявол.

За запугиванием наблюдать очень неприятно, горничная уходит нетвёрдой походкой, но я не могу не оценить, что Риман сохранил ей жизнь, когда легко мог избавиться от той, кто увидела его слабость, узнала лишнее.

Дверь за горничной закрывается, мы остаёмся с кронпринцем наедине. Он взял себя в руки, но его боль не ушла, лишь спряталась в глубине его глаз.

— Леди, вы меня удивили. Оказывается, лорд Зеер интереснее, чем я думал.

Я отрицательно качаю головой. Свалить всё на опекуна было бы неплохо, но очевидно, что кронпринц начнёт расследование, и моя ложь вскроется моментально.

— Ваше высочество, лорд не имеет к этому никакого отношения.

— Вы защищаете своего опекуна.

— Нет, ваше высочество.

— Леди, чуть больше слов.

Заявлять кронпринцу, что он книжный персонаж затея сомнительная.

— Боюсь, что у меня нет внятного объяснения, ваше высочество. Вы смогли бы поверить, если бы я сказала, что увидела точно такой же браслет во сне? Видела, как он падает в кипяток, и слышала, как невидимка упоминает лируанский цветок.

— И часто у вас бывают вещие сны, леди?

Он мне верит? Или заданный дружелюбным тоном вопрос не стоит принимать за чистую монету? Пожав плечами, я рою себе могилу:

— Случаются.

Кронпринц неумовимым рывком оказывается рядом, нависает надо мной. Я невольно отшатываюсь, вжимаюсь в мягкой спинку, мечтая просочиться сквозь неё.

— Вы лёжете, леди, — удовлетворённо выдыхает кронпринц и выпрямляется, но не отходит, так и

возвышается надо мной, смотрит. Передо мной вновь готовый к броску хищник.

Спасает меня чудо.

В дверь настойчиво стучат, а затем без разрешения в гостиную входит затянутый в мундир брюнет лет тридцати пяти.

— Лорд Гербальд.

Кронпринц преображается. Хищник исчезает без следа, в позе появляется расхлябанность, и Риман, дёрнувшись, издаёт громкий «ик». Вылитый пьяница, сдёрнутый с любовницы.

— Ваше высочество, его величество желает видеть вас в бальном зале немедленно. Мне приказано проводить вас.

Даже принцы не спорят с королём.

Риман перекачивается с пятки на мысок и взмахом руки показывает, что готов подчиниться.

— Идём...те... леди.

Оскара в студию!

Я поднимаюсь:

— Ваше высочество, позвольте? — я тоже умею играть, хотя и не так хорошо.

Поднявшись, я помогаю ему оправить перекосившийся ворот рубашки, сдуваю с рукава невидимую пылинку. Риман благосклонно принимает ухаживания, стоит столбом, будто сам не способен заняться своей одеждой. Сейчас он тигр затаившийся, сейчас его можно даже погладить, и я хулигански опираюсь на его плечи, а затем провожу ладонями вниз до ремня на поясе. Его зрачки расширяются.

— Ваше высочество, его величество ждёт, — напоминает о себе лорд.

Я отступаю, обуваюсь. Чудо-мазь спасла мои стопы, а новые туфли настолько мягкие, что я, пожалуй, готова даже станцевать.

По коридорам до бального зала мы идём гуськом. Кронпринц — первым. Наблюдать за ним со спины очень удобно, и я вновь удивляюсь, как он владеет собственным телом. Он держит спину прямо, а голову высоко, как и подобает особе королевских кровей, но в его осанке нет ни намёка на царственное величие.

За принцем, отставая на шаг, следует лорд. И я замыкаю.

Постепенно пережитое отпускает меня. Ткнув тигра в самое болезненное место, я осталась жива. Конечно, наш разговор ещё не окончен. После того, что я сделала, кронпринц не отпустит меня легко. Но я не могу не радоваться отсрочке.

Мы входим в бальный зал через боковые двери, Риман поднимается на возвышение, лорд следует за ним, а я остаюсь у стены. Опекуна и его супругу нигде не видно, щёголя — тоже. Принцесса Оливия танцует с послом своей страны.

Мелодия медленно затихает, и пары рассыпаются, мужчины провожают леди. Музыкальная пауза не длится и минуты, оркестр начинает играть новую мелодию. Риман спускается с возвышения. В романе этой сцены не было, в книге на балу Риман станцевал один раз с принцессой и больше в круг не выходил.

Оливия, увидев жениха, лучезарно улыбается, но кронпринц проходит мимо неё, как мимо пустого места. К нему приковано всеобщее внимание, Риман словно не замечает. Он подходит ко мне и протягивает руку:

— Леди, я не могу смотреть, как вы скучаете в одиночестве.

Подстава... Кронпринц, а вы мерзавец.

Он стоит спиной к залу, лицо вижу только я, и Риман позволяет маске на мин исчезнуть, и я вижу его дьявольскую усмешку. Только идти против Оливии я не собираюсь. Я уже поняла, что «Сбежать от чудовища» показывало события однобоко — с точки зрения главной героини. Кронпринц совсем не такой, каким его видела Оливия, но это не значит, что я доверю ему свою жизнь.

— Ваше высочество, как я могу скучать? Сегодня день прибытия принцессы Каранса, — и шли бы

вы к своей невесте.

Риман усмехается, подхватывает меня под руку и выводит в самый центр зала. Если в начале бала Риман прошёл по грани, то сейчас, по-моему, он окончательно берега потерял. Ситуацию спасает король. Поднявшись с трона, он моментально приковывает всеобщее внимание. Музыка обрывается.

— Принцесса Оливия, глядя на вас, я готов завидовать своему сыну. Ваше высочество, вы позволите пригласить вас?

— Это честь для меня, ваше величество.

Как сильно изменился сюжет из-за пары неудобных туфель. Конечно, дело не в обуви, а в том, что я в отличии от книжной Шелли отказалась терпеть неудобство.

Король снисходит в зал. Оливия приседает в глубоком реверансе.

— Пфф.

Хрюкнуть в этот момент мог лишь один человек — Риман. Всё же сделал он это достаточно тихо, чтобы слышать могла только я.

— Вас забавляет, — негромко откликаюсь я.

— Отец уже много лет не танцевал, но той, кого он пригласил стала иностранная принцесса, а не королева Лависа, прославившаяся своей воздушной грацией. Да, меня это забавляет.

Мелодия вновь звучит. Принцесса кончиками пальцев касается плеча его величества, левой рукой подхватывает юбку, король же руки убирает за спину, и пара начинает медленно кружиться. Увидеть продолжение не даёт кронпринц, увлекает за собой. Он ведёт уверенно, довольно властно. На миг я пугаюсь, что прошлые тренировки не помогут, но уверенность Римана передаётся мне, и мы исполняем несколько сложных фигур, танец захватывает меня, и мне начинает казаться, что мы не скользим по полу, а летим над полом.

Резкий поворот, Риман ловит меня в объятия, музыка смолкает.

— Ах-х...

— Леди, вы прекрасно танцуете.

— Благодарю, ваше высочество.

Он предлагает мне локоть, и я опираюсь на его руку. Оглянувшись, я обнаруживаю, что король уже вернулся на трон, а принцесса о чём-то беседует с королевой.

— Что-то не так, леди?

— Вы столь явно противопоставили меня её высочеству. Конечно же, всё в порядке.

Кронпринц скалит зубы:

— Я? Разве вы не согласились посетить мою спальню?

Вообще-то нет, кронпринц даже не изволил предупредить, куда меня ведёт.

— Не находите, что есть разница между случайной любовницей и леди, укравшей почести, полагавшиеся принцесса?

— Конечно есть, я бы ни за что не стал беспокоиться о случайной любовнице, но буду защищать леди, ставшую для меня особенной.

Сказано красиво, и можно подумать, что Риман обещает мне безопасность, но это не так, за фразой скрывается признание, что как девушка я кронпринцу безразлична, его интересует лишь польза. Случись что со мной, он не заплачет. Пока... Сердце у него отнюдь не каменное, а живое, умеющее любить и болеть. А значит, раз уж меня угораздило оказаться его человеком, однажды я смогу стать его высочеству другом.

Риман уходит, возвращается на тронное возвышение к королю. Могу лишь догадываться, судя по тому, как резко королева повернула голову, Риман сказал что-то язвительное.

— Шелли, вы превзошли мои самые смелые ожидания, — раздаётся над ухом голос.

Опекун с супругой. Молодой лорд, похоже, развлекается.

Я не утруждаюсь ответом, а вот лорд Зеер решает высказаться:

— О чём вы говорите, моя дорогая? Внимание следовало сосредоточить на лорде Томласе. Он уже намекнул мне на свой интерес, и такое досадное недоразумение...

Зря он это сказал.

— Не беспокойтесь, я обязательно передам ваше мнение кронпринцу, — ухмыляюсь я.

Да, я тоже умею извлекать из знакомств пользу, а наследник престола фигура в хозяйстве явно полезная, многофункциональная.

— Шелли..., — леди моментально теряется.

Лорд Зеер презрительно кривит губы:

— Наша Шелли возомнила себя венценосной особой? Шелли, милая, почему вы думаете, что кронпринц вспомнит сорванный цветок?

Что за намёк?! Я довольно долго отсутствовала и вернулась с кронпринцем. Опекун думает, что мы...? Хм, пожалуй, пока не буде его разубеждать.

— Время покажет, — пожимаю я плечами.

До самого конца бала я остаюсь зрителем. Никто не решается меня пригласить, в глазах света я, вероятно, опозорена. Зато я свободна, гораздо свободнее, чем леди, стиснутые жёсткими рамками правил.

Я не знаю, сколько часов проходит, был, наконец, завершается, однако гости не спешат расходиться. Щёголь останавливается со своими сверстниками, супруга лорда Зеера присоединяется к стайке дам, насупленный лорд остаётся подле меня. Не смотря ни на что, бросить меня и уйти приличия не позволяют, и мы прогуливаемся по залу. Я замечаю, что постепенно гостей становится меньше. Видимо, есть некая негласная очередь, чтобы экипажи могли разойтись.

Зал пустеет приблизительно на треть, когда наступает наш черёд. Лорд Зеер предлагает локоть супруге, мне приходится вновь идти с щёголем.

Я уже предвкушаю, как попаду в свою комнату, заберусь в кровать, закутаюсь в одеяло и забуду обо всём до утра, а уже утром на свежую голову я обдумую, во что я вляпалась и как быть.

Мы спускаемся в вестибюль, доходим почти до середины.

— Лорд Зеер, — нашу группу останавливает молодой человек, облачённый в военную форму.

— Приветствую, лорд. Чем обязан?

— Я здесь по приказу его высочества кронпринца Римана.

Глава 6

Я, конечно, знала, что кронпринц меня не отпустит, но не думала, что это окажется настолько буквально.

Посланник поворачивается ко мне и склоняется в поклоне:

— Леди, его высочество кронпринц Риман приказал передать, что он был восхищён вашей грацией. В память о знакомстве он вручает вам пару безделушек. Пожалуйста, примите.

Но посланник не передаёт мне футляр, а раскрывает, позволяя всем любопытным, особенно супруге лорда Зеера, увидеть сувенир. Парой безделушек кронпринц обозвал горсть ювелирных украшений. Серьги, подвески, броши, браслеты — всё перепутано. Смотрится, как будто кронпринц, не заботясь о порядке сваливал попадающие к нему побрякушки в сундук, а сегодня зачерпнул из золотого месива и высыпал в футляр всё, что поймалось. Возможно, мне даже достались непарные серьги.

— Леди, кронпринц также приказал передать, что он желает увидеть на вас что-нибудь из его презента во время вашей следующей встречи.

— Передайте кронпринцу мою признательность.

Не жадный — это плюс. Не поленился и продемонстрировал опекуну, что у меня появился зубастый защитник — тоже плюс. И минус, что позаботился принц в своей, как я теперь понимаю, излюбленной манере: зависть и жадность легко читаются не только на лице леди, но и обоих лордов, старшего и младшего.

Посланник захлопывает крышку, и протягивает мне футляр:

— Леди, пожалуйста, позаботьтесь о подарке его высочества.

— Лорд, вас не затруднит позднее передать мне опись безделушек? — я не позволю отобрать у меня то, что я могу благополучно обменять в ломбарде на живые деньги.

Посланник расплывается в улыбке. До дьявольской усмешки тигра он не дотягивает, но всё равно что-то общее прослеживается. Говорят, у друзей и близких появляются общие жесты. Видимо, кронпринц отправил своей доверенного помощника.

— Извольте, леди, — посланник жестом фокусника вынимает скрученный в трубочку лист.

Откуда он его вытащил? Не из рукава же?

— Благодарю, лорд.

— Копия хранится в канцелярии кронпринца. Вы всегда сможете получить копию, леди.

— Вдвойне благодарю.

— Рад служить! — посланник кланяется, прижав правую руку к левой стороне, выпрямляется и уходит, чеканя шаг.

Я смотрю ему вслед. Неприятно, но его прощание осталось за гранью моего понимания. Слишком пафосно. Чтобы показать, что я под защитой Римана, таких расшаркиваний не требовалось. Занимательно...

Хм, как скучно я раньше жила.

Я взвешиваю на руке шкатулку — внушительно.

— У его высочества золотая память, — хмыкаю я.

Лорд Зеер раздражённо отворачивается.

В молчании мы выходим из дворца. Наверное, сейчас глубокая ночь. Чёрное небо усыпано незнакомыми звёздами, над дворцом, почти в зените, висит зеленоватый шар чужой луны, а наполовину спрятавшись за горизонт, светит маленькая, размером с яблоко, ржаво-красная вторая луна. В «Сбежать от чудовища» упоминалось двоелуние.

На дивное астрономическое явление я смотрю как баран на новые ворота.

— Шелли, — раздражённо окликает меня щёголь.

Он помогает мне забраться в карету и уходит в головной экипаж. Лакей захлопывает дверцу. Я

кладу футляр на сидение рядом с собой, откидываюсь на подушку. Я устала. За эти несколько часов я устала, как будто вкалывала двое суток без перерыва на сон. Слишком много на меня навалилось. Но как это бывает при чрезмерной усталости, я чувствую в теле ложную бодрость. Вряд ли я смогу уснуть. А как я найду свою спальню?

— Леди.

Про женщину в карете я забыла.

— Да?

— Вы бледны.

Она за меня волнуется? Связать значение излишне яркого цвета моего бального платья, лёгкое оцепенение и появление подарка много ума не надо. Скорее всего, женщина сделала напрашивающийся вывод, что я теперь «сорванный цветок». Тьфу!

— Я в порядке.

Я отворачиваюсь, закрываю глаза и не открываю, пока лакей не сообщает, что мы прибыли. Показалось, что дорога не заняла и минуты. Наверное, я задремала, однако лучше чувствовать я себя не стала.

Перед домом щёголь не считает нужным мне помочь, руку подаёт лакей. Когда я выбираюсь из салона, оба лорда и леди успевают скрыться в доме.

— Леди? — обеспокоенно повторяет женщина.

— Мне бы выпасться. И тёплого молока перед сном.

Похоже, женщину следует считать старшей служанкой, иным я не могу объяснить, что она не только провожает меня до спальни, но и помогает раздеться. Спасибо ей большое, без неё я бы даже не знала, в какую комнату идти. Вот весело было бы. Пришлось бы, наверное, изображать умирающую лебедь, чтобы меня, куда нужно, доставили на руках.

Я лишь мельком оцениваю, где жила книжная Шелли, а теперь буду жить я: спальню от коридора отделяет обставленный мягкой мебелью будуар, к спальне примыкает ванная. Словом, добавить кухню, и получится квартира.

Футляр и свиток я забрасываю в верхний ящик прикроватной тумбочки — вряд ли кто-то рискнёт украсть подарок его высочества, разве что горничные, не знающие всей подоплёки, но при мне они явно не осмелятся шарить в вещах.

Освободившись от платья, я разуваюсь. Одна туфля летит направо, другая — налево. Я раскидываю руку и со стоном блаженства падаю в кровать.

— Леди... Леди, сейчас я принесу молока.

Женщина меня жалеет?

— Спасибо.

Она выходит,

Я задаюсь самым сложным для себя сейчас вопросом — как уснуть? В ушах звон, в голове пустота, а сна ни в одном глазу. Будь я дома, взяла бы в кровать ноутбук, врубила какой-нибудь мультфильм категории для самых маленьких...

В живот что-то несильно то ли хлопает, то ли ударяет. Я вскрикиваю от неожиданности, приподнимаюсь на локте. У меня на животе лежит мой ноут. Точно мой — белая крышка, метровые «усы» проводных наушников, полтора кило электроники. Он... прилетел за мной? А если телефон позвать, тоже прилетит?! Хотя зачем мне мобильник без связи? Да и с ноутбуком что я буду делать? Электрительства в мире «Сбежать от чудовища» нет и не предвидится, а батарейки хватит на жалкие пару часов.

— Леди?

Ох...

Я испуганно дрёгаюсь, торопливо переворачиваюсь и утрамбовываю ноут под подушку.

— Да? — откликаюсь я, старательно изображая сонливость.

Кажется, обошлось, женщина не заметила ни ноутбук, ни торчащие из-под подушки «усы», ни моё странное состояние. По крайней мере она держится как ни в чём ни бывало, улыбается, держит поднос, на она принесла лазурную чашку с белым пионом на боку.

— Ваше молоко с мёдом, леди. Осторожнее, горячо.

— Спасибо, мне больше ничего не нужно.

Женщина заметно колеблется, видимо, считает, что должна забрать чашку, когда я допью, но не решается донимать меня, желает доброй ночи и выходит. Я продолжаю прислушиваться к тишине, а затем медленно вытаскиваю из укрытия ноутбук, сажусь по-турецки, ставлю его на колени, открываю и дрогнувшей рукой нажимаю кнопку питания. Лучше воздержаться от ожиданий... Экран моментально наливается светом, появляется заставка.

Я пользовалась ноутбуком днём, заряда оставалось меньше половины, и первым делом я проверяю правый нижний угол экрана. Если верить значку, батарея каким-то чудом стала полной. Взгляд цепляется за загогулину, заменившую привычные столбики уровня сигнала сети. У меня что, и интернет есть?! Я торопливо, боясь поверить такому чуду, открываю «Оперу», и прежние вкладки загружаются.

Вау, просто вау!

Я могу написать домой? А вот и нет, в соцсети я почему-то разлогинилась. Пароль я... не помню, а без телефона его не восстановить. Так, может, всё-таки получится позвать? Раз с ноутом фокус сработал. Я в деталях представляю свой мобильник, сосредотачиваюсь на желании сжать его в руке, но, увы, ничего не происходит.

А если почта? Я перешёлкиваю вкладку. Хм, тоже требует пароль, но его я, к счастью, помню. Только вот толку от того, что я помню, ноль. Пароль почта принимает, а дальше выдаёт странную надпись: «авторизация невозможна» — что за шутка, читать можно, а самой писать нельзя? Надо проверить... Я открываю сайт с уроками рисования, хотела в свободное время поучиться, чисто для себя в удовольствие карандашом помахать. На сайте можно оставлять к урокам комментарии без регистрации, только ник указать и подтвердить, что ты не бот. Я пробую написать, и нет, невозможно. Тьфу!

Дома будут волноваться. Я старательно гнала от себя эти мысли, а теперь...

Впрочем, за день ничего не случится, я буду искать способ передать сообщение, но только завтра. А сейчас мне нужно отключиться от всего, расслабиться и поспать.

Сеть есть, и я врубаю себе колыбельную — «Тома и Джерри». Кто сказал, что взрослые девочки не смотрят детские мультики?

Глоток за глотком я выпиваю подостывшее молоко, потихоньку напряжение отпускает свои стальные тиски. Я ставлю ноутбук на кровать, подтягиваю подушку и устраиваюсь на животе. Когда почувствую, что начинаю засыпать, захопну крышку и накинута сверху покрывало.

На экране кот с мышонком поочерёдно гоняются друг за другом. Мельтешение успокаивает, и я чувствую, как веки наливаются свинцом. Ещё минутку, и можно выключать. Я широко зеваю. Интересно, смогу я выключить лампу? Свет даёт розово-лавандовый шар, размером с арбуз. Свет тусклый, спать не мешает...

Краем глаза я замечаю слева что-то тёмное, чего явно быть не должно. Я поворачиваю голову и не верю своим глазам. Может, я сплю? Я изнутри прикусываю щёку — больно, значит, не сплю.

Как он вообще мог здесь оказаться?!

Рядом со мной, копируя мою позу, лежит его высочество кронпринц Рима и с интересом пялится на экран.

Как, как он мог лечь рядом так, что я не заметила?!

Глава 7

Риман словно не замечает, что я на него смотрю. Я таращусь на него, он — в экран, пока мультик не заканчивается. Только после этого Риман переводит взгляд на меня и расплывается в своей дьявольской улыбке, обаятельной, надо признать, улыбке.

— Это спектакль? Нарисованный?

И не скажешь, что ноутбук впервые видит.

— Верно, ваше высочество. Это нарисованный спектакль для детей трёх-четырёх лет. Вы смотрели с таким интересом...

Разве можно удержаться и не дёрнуть тигра за ухо?

Услышав, что я его дураком обозвала, кронпринц улыбнулся ещё шире, я даже забеспокоилась, что у него щёки от натуги лопнут.

— Леди, — он поворачивается на бок, подпирает голову кулаком, — скажите... Вы помните свою прошлую жизнь?

— Что?

Я ожидала какого угодно вопроса, но не такого. Как Риман мог догадаться?! И вообще, что происходит? Я не знаю, как реагировать...

— Леди, неужели вы затрудняетесь ответить? Обычно слова «да» и «нет» осваивают в возрасте около года.

Вот же.

Врать, похоже, бессмысленно:

— Помню.

— Я так и знал, — он самодовольно ухмыляется и продолжает насмешничать. — Леди, кажется, у вас миллион вопросов?

— Чуть больше, чем миллион, ваше высочество.

— Про яд вы узнали через ваш артефакт?

Оу, кронпринц умеет обламывать. Я наивно подумала, что он хоть что-то прояснит.

— Верно, ваше высочество.

— Леди, не будьте столь скупы на слова.

— Ваше высочество, мне бы пример для подражания, — вздыхаю я, сердце проваливается в пятки.

Разозлится или нет? Я осознаю, что перегибаю палку, что на вопрос кронпринца следует отвечать правдиво, полно и незамедлительно, но... Мало того, что я в прежде всего вижу в нём человека, а не власть, приходится постоянно напоминать себе, что он кронпринц, а не наглый кошка, забравшийся в постель без спроса, так ещё и почвы под ногами не чувствую совершенно.

Риман оценивающе прищуривается. Кажется, что он видит меня насквозь, и под его взглядом становится очень неудобно. Молчание затягивается. Я почти решаюсь заговорить. Риман опережает:

— Если верить записям моего прадеда, короля Мигана, его мать её величество Великая королева Тарина родилась с памятью о своей прошлой жизни и обладала уникальным артефактом, исчезнувшим сразу после её смерти. До сегодняшнего дня я относился к тем запискам с большим подозрением, но вы, леди, меня переубедили. По описанию артефакт её величества очень похож на верхнюю половину вашего артефакта.

— Планшет?

Получается, несколько поколений назад в Лависе отметилась королева с гаджетом, я не единственная. Наверное, для меня это хорошо? Риман говорил о королеве с глубоким почтением.

— У прадеда название записано несколько иначе. Кстати, леди, содержание записок является государственной тайной, не советую обсуждать их с кем-то, кроме меня.

Я прикусываю губу.

После таких откровений умалчивать некрасиво, но, что важнее, ложь просто не имеет смысла. Риман почти обо всём догадался сам. Станет ли он беспокоиться о пропавшей душе настоящей Шелли? Он кронпринц, я уверена, он выберет ноутбук.

— Ваше высочество, я не родилась с памятью о прошлой жизни. В родном мире я попала в... тяжёлую ситуацию и очнулась во взрослом теле, в движущейся карете. Я помню прошлую жизнь, но я ничего не знаю о девушке, которой я оказалась.

— Ещё раз.

— Я не Шелли, ваше высочество. Я понятия не имею, куда и почему ушла её душа.

— Необычно...

Это всё, что он может сказать? Скорее уж это всё, что он считает нужным сказать.

— Ваше высочество...

— Как вы узнали о соке лиоруанского цветка, леди?

— Прочитала. Перед перерождением я видела что-то вроде пророчества, описывающего будущее принцессы Оливии. Сейчас, подождите, я найду.

Нажатием пробела я бужу уснувший ноут, открываю, вбиваю в поиск «Сбежать от чудовища». На обложке фотомодели совсем не похожи на реальных Оливию, Римана и Дорана. Я нажимаю «читать».

— А?! Я...

Вместо текста открылся монолит бессвязных символов. Обновление страницы не помогает. Я наугад перехожу в первую попавшуюся книжку. Проблем нет. Возвращаюсь в «Сбежать от чудовища», и вместо текста снова нечитаемая абракадабра.

— Леди?

— Кажется, я вас невольно обманула. Пророчества больше нет. Я не знаю, почему. Могу лишь предполагать, что это из-за того, что будущее, которое было предсказано, изменилось. В пророчестве, например, на балу не было танца его величества и принцессы Оливии.

— Леди, вы сказали, что пророчество рассказывает о будущем принцессы?

— Да.

— И как же она связана с ядом?

Ох, вот как я должна сказать ему в лицо, что он набрался как свинья?

— В пророчестве говорилось, что вы перебрали вина и за две недели до свадьбы попытались затащить принцессы в свою спальню. Спасаясь, она случайно сорвала с вас браслет. Поскольку материал не выглядел дорогим, она подумала, что вы цените этот браслет как память и собиралась вернуть, а, чтобы не потерять, повязала на руку. Браслет нашёл принц Доран. Артефакт принцессы не сработал, а его определитель яда отреагировал на браслет, и принц показал фокус с кипятком, а затем подарил принцессе свой артефакт.

— Доран, значит, — Риман едва ли не зарычал.

Пальцы на его руке скрючились, будто Риман представлял, как сжимает шею брата и как по капле выдавливая из него жизнь. Вспышка ледяной ярости вымораживает комнату. Хотя гнев Римана направлен не на меня, я боюсь лишний раз вздохнуть.

Но вот что Римана так разозлило, я понять не могу, не ревность же к Оливии. Риман посчитал, что Доран пропитал ядом браслет? Но с чего такой вывод? В «Сбежать от чудовища» Доран был показан достойным мужчиной, хотя не исключено, что это тоже не больше, чем красивая маска, скрывающая гнилую натуру.

— Никогда не прощу, — выдыхает Риман, встаёт.

Настроение у него явно испортилось, Риман отходит к окну, останавливается.

В комнате воцаряется тишина. Она длится минуту, другую. Риман всматривается в ночной мрак за

стеклом. Я терпеливо жду. Но физиология подводит. Адреналин спал, навалилась усталость. Я широко с протяжным «у-а-а» зеваю, запоздало прикрывшись.

— У вас был тяжёлый день, леди. Отдыхайте. Завтра я пришлю за вами экипаж.

— Спасибо.

Кронпринц отстраняется от окна, идёт к двери.

— Ваше высочество, можно спросить?

— Это не терпит до утра? — хмыкает он, вернувшись к привычной манере общения.

Я пожимаю плечами.

Риман выразительно поднимает брови.

— Как вы здесь оказались, ваше высочество?

— Среди тех безделушек, что вам вручил мой адъютант, есть мужской перстень с искусственной аурой, полностью копирующей мою ауру. С точки зрения магической защиты дома, я вошёл вместе с вами. Раздвоенность защита не понимает, для неё, пока перстень в доме, я могу свободно входить и выходить. Что-нибудь ещё?

— М-м-м...

— Смелее, — Риман скрещивает на груди руки.

Вопрос у меня действительно есть, но, во-первых, кронпринц отложил продолжение разговора на завтра, чтобы я могла отдохнуть, а я вместо отдыха пристаю с расспросами, во-вторых же, сам по себе вопрос не тот, который стоит задавать.

Я отрицательно качаю головой:

— Вам не понравится, ваше высочество.

— О? Вы заинтриговали леди. Обещаю, не злиться. Смелее.

Я действительно хочу получить объяснение. Даже сонливость отступает.

— Ваше высочество, почему вы решили, что за пропиткой браслета ядом стоит принц Доран?

— Что вы знаете о лиоруанском яде, леди?

— Ничего.

— Значит, вы хотите, чтобы я рассказал вам сказку на ночь? Как мило. Ложитесь.

Эм? Риман ухмыляется, смотрит с прищуром. Я мысленно вздыхаю. Прежде чем я лягу, куда мне спрятать ноут? Прятать не приходится. Ноутбук просто исчезает, будто его и не было вовсе. Любопытно, но с этим я точно разберусь как-нибудь в другой раз. Широко зевнув, я забираюсь под одеяло.

Риман возвращается, присаживается на край кровати.

— Легенда утверждает, что однажды порыв ветра унёс несколько семян из сада богини Нииры, почитаемой в Великой солнечной империи. Семена упали на землю и пролежали тысячу лет, пока их не разбудило пение благочестивого старца, возносившего благодарственную молитву богине. Лиоруанские цветы действительно растут в мире в одном единственном месте, в Священном саде одного из горных монастырей Великой солнечной империи. Клочок земли, размером в половину вашей комнаты, если не меньше. Раз в год монахи собирают опавшие лепестки цветков, готовят из них особый отвар и вдыхают его пары, чтобы приблизиться к Небесам.

Отдалённо на опиум похоже. Или любую другую такую же дрянь.

Я морщусь:

— Должно быть, это вредно. С таким очищением, не только мирских мыслей не останется, но и разума.

— Верно, леди, — рассмеялся его высочество. — Вы поняли самую суть. Монахи проводят церемонию Воспарения к облакам лишь раз в год, к тому же вдыхают пары, а не употребляют сам сок.

— Как же цветы могли оказаться в Лависе?

Глаза закрываются, но я ещё не сплю, вслушиваюсь в мягкий убаюкивающий голос.

— Монахи собирают сок цветов и посылают в императорский дворец. Вино с лиоруанским ядом подают неугодным высшим чиновникам, если император дарует им тихую смерть, но в то же время лиоруанский сок может стать лекарством. Приготовленный определённым образом, он является, пожалуй, лучшим обезболивающим, когда требуется сильное воздействие. Иногда послам ил купцам удаётся приобрести нефритовую бутылочку размером с мизинец. Я не могу знать, как именно Доран получил лиоруанский яд. Вероятнее всего, через королеву, из её родины пришёл подарок.

Я почти сплю.

— Почему...?

— Почему Доран? Всё просто. Лиоруанский сок не определяется никакими артефактами, даже самыми мощными. Он солгал Оливии и использовал кипяток, чтобы она не попросила показать реакцию его артефакта. На самом деле лиоруанские цветы мало известны, ничего удивительного, что Оливия не знала таких нюансов.

Зачем было обижать принцессу?

Произнести вопрос мне так и не удаётся, я засыпаю, и мне снятся светящиеся колокольчики на длинных ножках, альпийский луг, причудливое деревянное здание, старец в позе лотоса и рубиновое вино, водопадом низвергающееся с горы.

Кто-то немилосердно раздвигает шторы, и сквозь сон я чувствую чей-то взгляд. Уже утро?

Глава 8

— М-м-м... Кошак настырный. Ваше высочество, кыш!

— Леди?!

Остатки сна тают, я открываю глаза. У окна стоит вчерашняя ряженая. Упс, обозналась.

— Кажется, я говорила во сне? — неловко получилось.

— Доброе утро, леди. Вы проспали завтрак. Лорд спрашивал о вас. Он желает с вами поговорить.

Ох... Похоже, вчера я и правда соображала со скрипом.

Вот зачем мне потребовалось расспрашивать про лиоруанский яд? Любопытство чистой воды. Да, теперь я знаю отчего книжный Риман сходил с ума и с каждым эпизодом вёл себя всё ужаснее, срывался. Апофеозом стало нападение Римана на посла Каранса на глазах у десятков свидетелей. Посол был ранен, Каранс поставил ультиматум, и книжный Риман предстал перед королевским судом. Римана приговорили к лишению титула и пожизненному заключению в тюрьме для аристократов. Титул, естественно, перешёл к Дорану, и новоявленный кронпринц женился на Оливии.

Лучше бы я спросила вчера, как меня зовут и кем мне приходится лорд Зеер.

Я встаю, с помощью женщины довольно быстро привожу себя в порядок. Домашнее платье отличается от бального более простым кроем. Приятное, персиковое, с оборками на лифе. Выглядит вполне нарядно. Можно предположить, что семья на мне не экономит.

Женщина заметно нервничает из-за моей медлительности, очевидно, что посылать её за чаем и чем-то более существенным бесполезно. Ничего, скоро я наведу порядок. Я спокойно выпиваю стакан воды, благо графин в комнате стоит полный, и только после этого выхожу:

— Эм, я не хочу идти одна. Кстати, где лорд меня ожидает?

— Леди, что на вас нашло?

Я игнорирую вопрос.

Женщина тихо вздыхает и подчиняется.

Идти оказывается недалеко. Из жилой части в коридор, где расположен кабинет лорда.

— Леди, лорд Зеер давно вас ожидает, — встречает меня рыжик с лицом, усеянным конопушками, словно паренька сбрызнули из пульверизатора золотой краской.

Я должна устыдиться? Даже без учёта перерождения и ночной беседы с тигром, у меня был тяжёлый день. С какой стати мне мешают выспаться и поесть? Пфф!

Рыжик открывает дверь, докладывает обо мне.

Я же оборачиваюсь к ряженой:

— Когда я вернусь, я хочу, чтобы мой завтрак был уже накрыт в спальне.

— Д-да, леди.

Я поощрительно улыбаюсь женщине и вхожу.

Кабинет как кабинет. Человек, который продумывал интерьер, несомненно, был талантлив. Каждая деталь подчёркивает статус хозяина. Особенно выигрышно смотрится массивный стол, за которым и восседает лорд.

— Доброе утро, — улыбаюсь я.

— Утро, Шелли? Время приближается к полудню.

— Хм? — начинаю понимать. — Бал был слишком утомительным. Если я не отдохну и его высочество увидит меня вялой и сонной, это будет трудно объяснить. Ещё труднее будет иметь дело с последствиями неудовольствия кронпринца.

Нравится мне или нет, мне придётся опереться на поддержку Римана. Впрочем, я не считаю это чем-то зазорным. Я помогла Риману, он поможет мне.

— Шелли, вы так уверены, что его высочество вспомнит вас? Конечно, его подарок вчера был более, чем щедрым. Но это было вчера.

Получается, лорд совсем не знает кронпринца и верит в маску конченного развратника и пропойцы? Что же, ну и оставайтесь в блаженном неведении, лорд.

Я отвечаю улыбкой.

— Шелли, — мрачнеет лорд. — Его высочество меняет женщин чаще, чем рубашки. Хотя кронпринц отнёсся к вам по-особенному, не стоит себя переоценивать. Скорее всего украшения — единственная выгода, которую вы получите. Кстати, почему вы до сих пор не передали драгоценности в домашний фонд? Вы не понимаете, как важно, чтобы ценности хранились надёжно?

Какая восхитительная наглость. И глупость.

— Почему не передала? Наверное, потому что его высочество сделал подарок лично мне, и эти безделушки не имеют к семейному фонду никакого отношения.

— Вы действительно много о себе возомнили, Шелли.

— О? Тогда я не смею больше портить вам настроение своим присутствием, — я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Стоять! — по столу раздаётся хлопок ладонью.

Ножки кресла скрежещут по полу. Лорд встаёт во весь свой немалый рост. Наверное, Шелли полагалось испугаться. К счастью, я не она.

— Да?

— Какая чёрная неблагодарность.

Моё терпение иссякает. За что я должна быть благодарной? За то, что лорд собирался меня продать и даже нашёл покупателя? Перед глазами встаёт лицо Макса. Урод. Два одинаковых уroda. Ненавижу!

Полтора кило — это много? Я мысленно обращаюсь к ноутбуку и представляю, как он появляется у лорда за спиной. Трюк срабатывает, ноутбук возникает в воздухе и под действием силы тяжести падает вниз. На голову лорду. Удар. Высота была всего сантиметров пять, так что на первый раз лорд отделается внушительной шишкой. Я про себя приказываю ноуту исчезнуть до того, как он упадёт на пол и разобьётся.

— Ох, что с вами? Вам плохо? — и повышаю голос. — Кто-нибудь, помогите!

Лорд стонет, держась за ушибленную голову. Удачно его ноутом обратно в кресло прибило. Мимо меня проскакивает ворвавшийся в кабинет рыжик, бросается к своему господину. Я с минуту наблюдаю, как рыжик бестолково суетится.

— Лорду стало плохо. Возможно, это приступ от переутомления? Не мельтеши бестолково, проводи лорда в спальню и вызови врача. Лорд, я надеюсь, ваша болезнь не серьёзна, и вы скоро поправитесь. Я не смею продолжать вас беспокоить. Полагаю, вам нужна тишина.

— А-а-а...

Не обращая больше на опекуна внимания, я возвращаюсь в спальню, прячусь от ряженной в ванную и вызываю ноутбук. Будет нехорошо, если он пострадал. Придирчиво осмотрев корпус со всех сторон, я не нахожу ни единого скола, открываю крышку. Ноутбук моментально включается, подмигивает дружелюбно подмигивает заставкой. Я дожидаясь загрузки и проверяю индикатор батареи — полная.

Пристроив ноут на полку, я выглядываю в комнату:

— Спасибо, больше ничего не нужно.

— Леди..., ряженная смотрит на меня с недоумением.

За несколько часов её подопечная резко изменилась. Я вполне понимаю чувства женщины, но ни стать прежней, ни утешить женщину я не могу. Может, объяснить изменения шоком, который я испытала, оказавшись в руках принца?

— Я хочу побыть одна, — вздыхаю я. Жалостливый взгляд у меня вряд ли получится, но женщина

кивает и не спорит.

Убедившись, что она ушла, я выношу из ванной ноут, ставлю на стол между тарелок. Завтракать и одновременно пялиться в экран дурная привычка, но разве это повод отказывать себе в маленьком удовольствии?

Я собираюсь открыть «Оперу» и всё-таки найти лазейку, чтобы передать весточку домой. Меня отвлекает незнакомый значок, замигавший в правом нижнем углу экрана. Ткнув на него, я получаю неожиданное сообщение:

«Душа, вам доступен приветственный бонус, один из списка на ваш выбор».

О? Система не только спасает, но ещё и подарки дарит?! Как подозрительно...

Я разворачиваю список, и над ним тотчас вспыхивает таймер. Время выбора ограничено? Ну и ладно, думаю, трёх часов мне хватит за глаза. Я совершенно неаристократично отхлёбываю из чашки чай, беру в руки тарелку с пышным омлетом, вилку. Да, я знаю, что по правилам надо отрезать кусочки ножом, но отламывать вилкой вполне удобно. Кто меня сейчас видит?

Первым номером в списке идёт зачарованный палантин из небесного шёлка. Чары притягивают взгляды окружающих к обладательнице палантина. Действуют три часа и выдыхаются. Палантин же остаётся милой, но бесполезной тряпочкой. К тому же не ясно, чары исчезнут через три часа после того, как я накину палантин или после того, как получу? Да и потом, если я захочу оказаться в центре внимания, я справлюсь сама, без магии.

Надеюсь, дальше будет лучше, однако вторым номером открывается электронный путеводитель по Лавису. На первый взгляд хорошая вещь. Знания о стране, где ты находишься — это всегда полезно. Однако я не верю, что в путеводителе есть сведения, которые я не смогу получить иным путём, от тех же слуг или из газет, книг. Вон, кронпринца допрошу.

Путеводитель отпадает. Я открываю предпоследний вариант. Трактат «О возвышении души» мастера Цаната в двенадцати свитках. На картинке изображены двенадцать испещрённых мелкими буквами рулонов... ткани. Я слышала, что в китайской рукописной традиции до изобретения бумаги использовали не только бамбуковые планки, но и полотна шёлка. Должна ли я выбрать свитки? Название ассоциируется с заумной философской мутью и навеивает скуку. Разве что в подарок, но я не уверена, что язык, на котором написан трактат, известен в этом мире. Хм, а я сама-то смогу прочитать?

Четвёртый, он же последний вариант, вообще сплошное разочарование — слепой выбор. Мне выпадет любой случайный предмет из каталога Системы. Теоретически, можно сорвать джекпот.

Омлет кончился, я отставляю пустую тарелку и беру ломтик сыра, а заодно скрываю список предложенных бонусов и открываю каталог.

Вау...Пёстрая какофония чуть ли не слепит. Такое чувство, что я попала в свалку всего и вся. Ну, или на волшебный «алиэксперсс»: без категорий и фильтров тут просто не разгрестись Одежда, мебель, книги — кажется, тут есть абсолютно всё. Даже услуги. Час консультации с учителем магии от пяти карат.

Дёрнув полосу прокрутки, я смотрю только на цены. Караты... впервые слышу о такой валюте. Как назывались деньги в Лависе сейчас не вспомню, но точно как-то иначе. Интересно, лависский тугрики можно обменять на караты? Баланс кошелька нулевой. Впрочем, с этим всем можно разобраться потом.

Я возвращаюсь к выбору бонуса из списка. Свитки или лотерея? Лотерея или свитки? А, была не была! Испытаю удачу. Я азартно нажимаю «выбрать». В конце концов, независимо от того, какой предмет мне выпадет, вряд ли он будет сильно уступать тем, которые я отвергла.

«Душа, поздравляем! Вы сделали прекрасный выбор».

Глава 9

По воздуху перед экраном пробегает странная рябь, воздух сгущается, темнеет, закручивается воронкой, и в какой-то момент начинает казаться, что вращается не воздух, а сама космическая тьма. Из воронки на клавиатуру выпадает бледно розовое яйцо, воронка схлопывается и исчезает.

Я оторопело смотрю на предмет. Я всё-таки продешевила? Яйцо оказывается неожиданно тяжёлым, идеально отшлифованная поверхность холодит ладонь. Получается, оно из камня вытесано? Мне доводилось видеть подобные поделки в сувенирных магазинах. Хм, а на сколько оно потянет, если сдать в ломбард? Ладно, пока брошу к украшениям.

Пока я достаю футляр, яйцо в моей руке успевает потеплеть. А когда я разжимаю пальцы, я понимаю, что поторопилась с оценкой. Непроницаемая для взгляда розовая поверхность стала чуточку прозрачнее.

Видимо, начать следовало с поиска инструкции...

Продолжая согрывать яйцо в руках, я возвращаюсь к ноутбуку. Не знаю, что такое Система, нечто трансцендентальное. Но на ноуте выглядит как ничем не примечательное приложение, а значит, можно поискать либо справку, либо историю операций, либо раздел «Мои предметы». Хотя что-то должно быть?

Ответ находится в системных сообщениях, только вот знание, что я угадала и мне действительно выпало яйцо, не на много лучше полного неведения. Если быть точной, мне перепало яйцо некого дамра, знать бы кто это, птица или рептилия? Перед загадкой пасует даже всемогущий интернет.

— О! — а если поискать в каталоге?

Сперва я в поисковую строку забиваю название животного, и каталог вываливает на меня целую кучу связанных и не связанных товаров. Например, огненный меч, созданный из жара вулкана Андамра к моему яйцу точно отношения не имеет.

Взрослая живая особь продаётся за девятьсот тридцать пять карат. С картинки на меня смотрит золотистый пушистик с широким жёлтым клювом. Крыльев нет, так что признать в существе птицу я не спешу. Ну, хоть не змеёныш вылупится.

Вылупится...

Меня догоняет нехорошее подозрение. Чтобы дамр вылупился, я должна его... высиживать?!

Я уточняю поисковый запрос, и каталог выбрасывает мне десятки вариантов яиц дамра: бледно-розовые, перламутровые, светло-коралловые. Хм... А если запросить инструкцию? Система опять же предлагает мне не один десяток вариантов: тонкие брошюры, толстые энциклопедии, подробные руководства, справочники. Ничего из этого я позволить себе не могу, зато никто не может запретить мне читать названия и аннотации, а ведь из них тоже можно много почерпнуть.

В частности то, что яйцо необходимо регулярно подпитывать магией.

Я с сожалением вздыхаю. Если сама я не могу позаботиться о дамре, то придётся подарить яйцо его высочеству. Риман, собери консилиум магов, пусть придумают, как спасти малыша. Риман, хочешь стать папой?

Залпом допив остывший чай, я забиваю новый поисковый запрос — почтовые услуги. Возможно, я смогу отправить домой письмо? И пусть связь односторонняя, по крайней мере я смогу сообщить, что я в порядке, и попросить за меня не волноваться. Возможно, я даже смогу отправлять письма чаще, раз в месяц или даже раз в неделю. Костями лягу, но нужное количество карат добуду!

Моё внимание привлекает жирная зелёная точка, замигавшая в правом нижнем углу экрана. Я кликаю, и на экране разворачивается окошко чата. Падает первое сообщение. Мой собеседник оператор Системы. Интересно, бот пишет или живой человек?

«Доброго времени суток, Душа! От имени Системы я поздравляю вас с первым перерождением, вы находитесь в новом мире неполные сутки. Возможно, у вас возникли вопросы или я могу вам чем-то помочь? Всё ли понятно в работе приложения?».

Наверное, всё же не бот.

«Доброго времени суток!» — быстро печатаю я. — «Да, у меня есть проблема».

«Душа, я вас внимательно слушаю. Если это в моих силах, я обязательно помогу вам справиться».

Поёт сладко. А вот поможет ли... Ну, сейчас узнаю.

«Мои родители», — быстро печатаю я.

Хочу продолжить, но оператор меня опережает.

«Душа, Система зафиксировала у вас острое желание покинуть место, где вы находились».

«Да, это так. Я понимаю, что я дала согласие на перерождение и не смогу вернуться. Но можно ли дать моим родителям знать, что я в порядке?»

Я сжимаю кулаки.

Ну пожалуйста!

Оператор набирает сообщение дольше обычного. Стирает и снова набирает?

«Да, передать сообщение можно. Душа, я правильно понял, что у вас нет претензий в связи с перерождением, вы хотите закончить незавершённое дело?»

Хм... Получается, я могу предъявить претензии? Учитывая, что я не понимала, последствий согласия, наверное, можно попробовать отыграть назад. Только какой смысл? Он ведь прав, с момента перерождения прошло больше суток. Тело без души... в родном мире я мертва? Допустим, произойдёт чудо и меня вернуть в тот миг, из которого выдернули? Обратно к Макс в лапы я точно не хочу.

Лучше показать себя лояльной. Он ведь сказал, что передать можно. Значит, надо добиться, чтобы он передал.

«Что вы, какие претензии?! Система спасла меня! Я благодарная.»

«Счастлив слышать, Душа. Что касается вашей проблемы, то я предлагаю вам заключить сделку. Одна из наших клиенток упоминала, что хотела бы побывать в техногенном мире. За то, что вы дадите ей разрешение воспользоваться вашим телом, она разберётся с вашими обидчиками и позаботится о ваших близких».

«Согласна».

Да, это даже в миллион раз лучше письма!

Я понимаю, что Система подозрительно хороша и, почти наверняка, где-то притаился крайне неприятный подвох, однако пока за всё, что я получаю, я благодарна.

«Душа, а я как посредник сделки, хочу... сто карат».

А?!

«Но у меня ноль на счету».

«Душа, я не совсем верно выразился. Мне не нужна плата. Я хочу, чтобы вы заработали сто карат в течение месяца. Потратите вы их однажды или оставите на своём счету, ваше личное дело».

«Как я должна их заработать?»

«Проще, чем вы думаете, Душа. Караты начисляются за успешную практику магии. Система будет начислять баллы за то, что вы учитесь и развиваетесь».

«И в чём подстава?»

«Подставы нет. Есть нюанс, который, возможно, ускользает от вашего внимания, Вы установили связь с Системой. Каждый раз, когда вы будете пропускать через себя энергию, Система изымет некоторую долю. Что-то вроде налога, только с компенсацией. В счёт полученной от вас энергии вы сможете выбрать любые товары и услуги из каталога».

«Хорошо, я согласна».

«С вами удивительно приятно сотрудничать, Душа. Позвольте в качестве выражения моей симпатии дать вам скромный совет? Я вижу, что вы стали обладателем яйца дабра. Тепла рук недостаточно. Чтобы зародыш не погиб, его требуется подпитывать магией. Уверен, вы быстро научитесь: вобрать в себя энергию из окружающего пространства и мысленно направить в центр яйца».

«Спасибо».

«Надеюсь, консультация оказалась полезной».

«Можно полюбопытствовать? Куда делась душа книжной Шелли? И... Этот мир, он реален? Он ведь придуман автором „Сбежать от чудовища“. Как можно попасть в книгу?»

«Душа, я не в праве разглашать личную информацию. Просто представьте, что могла почувствовать домашняя девочка, когда опекун сказал, что она должна лечь под того, кого он укажет. Скажем так, она согласилась уступить вам место с выгодой для себя. Что касается второго вопроса, то да, мир, где вы находитесь, реален. Почему вы думаете, что автор его выдумал?»

«А как же?»

«Миры большей части книг, действительно, вымышленные, однако встречаются и исключения. Одно из них „Сбежать от чудовища“. Автор почувствовал или даже увидел иную реальность, так бывает, и не скажу, что редко. У нас уже несколько клиенток с а. Ещё вопросы?»

«Вроде бы нет».

«В таком случае, надеюсь, консультация оказалась полезной. Спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений!»

Окошко чата само собой свернулось и пропало. Я попыталась его вернуть, но, увы, ничего не получилось. Привилегии самовольно связываться с оператором у меня нет. Я вообще не нашла никаких кнопок вызова обратной связи, кроме кнопки жалобы, но жаловаться мне сейчас точно не на что.

В дверь раздаётся осторожный стук.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Чёрт, я так увлеклась перепиской, что даже забыла, что мне следует быть осторожной. А если бы кто-то увидел ноутбук? Хватит одного котика. То есть кронпринца.

— Что случилось? Я отдыхаю. Я же просила меня не тревожить.

— Леди, — я узнаю голос ряженой, — за вами прибыл экипаж, посланный его высочеством Риманом.

— О, котик? Сейчас выйду.

Я собираюсь выключить ноутбук и отпустить.

На экране вспыхивает уведомление:

«Душа, вы приняли обязательство пополнить баланс на сто карат. Срок исполнения месяц. Следить за таймером вы можете в главном окне приложения».

Глава 10

Мысленного приказа хватает, ноутбук моментально исчезает. Я бросаю взгляд в зеркало. Для меня платье выглядит хоть и не вечерним, но праздничным. По местным меркам, насколько я понимаю, оно домашнее. Должна ли я переодеться?

Если кто-то посоветует, то переоденусь, а пока у меня есть дело поважнее. Я достаю свиток. Вчера, когда я его затребовала, я не задумывалась, смогу ли я его прочитать. Теперь я убедилась, что мне досталось знание не только устной, но и письменной речи. Система, спасибо.

Перечень довольно длинный. Мдя, читать некогда. По-хорошему, украшения надо рассортировать и пронумеровать в соответствии со списком, но времени нет. Я вытягиваю из общей свалки рубиновое ожерелье. Ну-ка... Замок-зашёлка — легко застегнуть и, что важнее, легко расстегнуть. Серьги? Искать парные долго. Я прячу футляр в тумбочку, свиток раскручиваю и прячу под ковёр, вряд ли кто-то будет устраивать генеральную уборку именно сегодня.

— Почему она всё ещё здесь. Наша юная леди считает, что кронпринц будет ждать вечность? — раздаётся смутно знакомый голос.

Кажется, супруга лорд Зеера пожаловала. Спрашивается, что ей неймётся? Она ищет неприятностей? Могу устроить. Прихватив яйцо, я выхожу навстречу, окидываю старшую леди взглядом с головы до ног:

— Хм?

При виде меня она забывает про злость и неудовольствие, на её лице отражается вполне искреннее удивление:

— Шелли, вы едете в подобном виде?!

— Да. А что такого? — всё-таки слишком по-домашнему?

— Вы едете к его высочеству кронпринцу. Это платье...

— Леди, вы полагаете, что кронпринцу интересное, какое именно платье я сниму?

— Ох...

Фыркнув, я прохожу мимо и слегка толкаю её плечом. Специально я бы не стала её цеплять. Но почему я должна её обходить?

— Шелли, возможно, кронпринц не просто проявил к вам интерес, а влюбился в вас всем сердцем с первого взгляда, и вы рассчитываете на его могущество. Хорошо, если ваши предположения верны, но не забывайте, Шелли, что мы всё ещё одна семья.

Семья?! В настоящей семье любят и поддерживают друг друга. Мою предшественницу эта так называемая семья попыталась продать лорду Томласу. Не знаю, как в романе Шелли в конечном итоге оказалась любовницей кронпринца, сути предательства это не меняет.

Или она намекает на то, что может доставить мне неприятности? Отравить, например? Что же, спасибо за подсказку, я буду действовать на опережение. Нет, травить я, естественно, не буду. Я приму меры, чтобы обезопасить себя.

— Я запомню, леди.

Я делаю шаг прочь.

— Шелли, хорошо, что вы начали осознавать. Когда кронпринц будет вами доволен, просите его не только о приятных мелочах для себя. У Бальзера трудности на службе, начальник департамента совсем не ценит его усилий. Был бы замечательно, если бы его высочество повлиял.

Угу, а то делать-то Риману нечего, кроме как бездарей по карьерной лестнице поднимать. Вчерашний розовощёкий щёголь, думаю, леди говорит о нём, не произвёл на меня впечатления умного человека.

— И это я запомню, леди.

Я спускаюсь.

— Хотя бы возьмите накидку, Шелли! — догоняет меня леди.

По её знаку одни из горничных подаёт мне расшитую пелерину с довольно длинным «хвостом». Я

позволяю горничной накинуть пелерину мне на плечи, заколоть спереди крупной брошью. Интересно, леди мне свою тряпочку уступила?

Кивнув, я выхожу.

Если вчера мне довелось прокатиться в карете, то сегодня мне предстоит поездка в коробке на колёсах. Экипаж заметно меньше кареты. Тёмный лак делает его довольно мрачным. Я отмечаю, что ни на дверцах, ни сзади нет опознавательных знаков.

Кучер низко кланяется:

— Леди, его высочество ожидает вас.

Я забираюсь в салон, кучер захлопывает дверцу.

Хм, если снаружи экипаж выглядит непримечательно и даже бедно по сравнению с каретами для парадных выездов, то внутри экипаж поражает удобством. Мягкое сидение, в котором можно утонуть, столик с корзиной фруктов и закрытым кувшином.

Экипаж трогается, и я задёргиваю шторы. Поглазеть на город я успею позднее, а сейчас я не увижу ничего интересного, лишь похожие друг на друга особняки аристократов.

Я верчу в руках согревшееся яйцо. Оператор посоветовал напитать его магией... Вот как я должна это сделать?! На Земле магия упоминается в сказках и в эзотерических учениях. Эзотерикой я никогда особо не интересовалась, но самые поверхностные представления о ней у меня есть. Может быть, попробовать медитацию? Знать бы, что это такое... Для начала я закрываю глаза. Чтобы почувствовать магию надо сосредоточиться на ощущениях? Оператор упомянул, что магия разлита в окружающей среде. Получается, её можно сравнить с водой или воздухом? А как её втягивать? Вдыхать? Вряд ли нос поможет...

Мне доводилось слышать разное, в том числе и то, что медитация — это состояние полной отрешённости. Не думать у меня не получится. Зато сосредоточиться — вполне. И я концентрируюсь на прикосновениях ткани к коже, на мягкость спинки сидения, на удобстве подлокотников, на тяжести рубинового ожерелья. Магия... Я представляю лёгкое показывание на коже. Может быть, магия входит через поры? Я стараюсь представить ощущение ярко, живо, и какой-то момент оно начинает казаться реальным. Я мысленно притягиваю к себе эти крошечные молнии, вызывающие забавную щекотку. Они проникают в тело, наполняют свежестью, бодрят и сходятся к солнечному сплетению. Странно, это уже не моя фантазия, я хотела направить молнии сразу в руки, но получилось иначе. Их всё больше, и появляется первый дискомфорт, будто меня распирает изнутри. Набранная сила давит.

Усилием воли я всё-таки заставляю энергию хлынуть в руки, а из рук — в яйцо. Сразу становится легче. Я обессиленно откидываю голову назад и открываю глаза. У меня получилось? Чтобы убедиться, наверное, стоит повторить несколько раз.

Пару минут я отдыхаю, а затем повторяю. Вторая попытка удачнее, я, уже зная, чего ожидать, не допускаю переполнения и отправляю собранную энергию в яйцо. Ещё через пару минут я повторяю упражнение в третий раз.

Хм, пожалуй пока хватит. Я устала сильнее, чем ожидала. Как будто, как при переезде, коробка таскала.

Яйцо ещё больше потеплело, а розовый цвет стал на тон ярче.

Я вызываю ноутбук, включаю, и на экран моментально выскакивает уведомление:

«Душа, поздравляем! Выполнили счёт на четыре карата».

Вау, я справилась!

Полюбовавшись результатом, я отпускаю ноутбук, потому что пришло время глазеть в окно. Экипаж наверняка уже покинул район аристократии. Разве мы не должны уже приближаться ко дворцу? Отодвинув штору, я стараюсь не слишком высовываться. Почему-то экипаж едет по проспекту. Мелькают вывески ювелирных салонов, магазинов тканей, магазина заморских диковинок.

Экипаж поворачивает на боковую улицу, затем заезжает в тупик и останавливается.

Меня прошибает холодный пот. Рома тоже заманил меня в тупик. Разве я не иду в ловушку снова? Но у кронпринца нет причин мне вредить, ему нужны мои знания, мой ноут, которым он без меня воспользоваться не сможет. И кронпринц дважды уже оставался со мной наедине в личных покоях, он не притронулся ко мне. Я выдыхаю, стараясь вместе с воздухом выдохнуть весь свой страх. Риман

не Макс, его не надо бояться.

Кучер открывает дверцу, ставит для меня приставную ступеньку.

— Леди, мы прибыли.

— Куда?

— В «Розы Инака», леди.

— Это...?

— Бордель, леди.

Я чувствую, как у меня округляются глаза. Ох, мне стоит поработать над сдержанностью, нельзя позволять окружающим так ясно видеть, о чём я думаю. Да и волноваться особо не о чем, моя репутация давно погублена, и держится исключительно на авторитете кронпринца.

Открывается дверь, из здания выходит уже знакомый мне адъютант его высочества:

— Доброго дня, леди. Пожалуйста, следуйте за мной.

— Доброго дня.

Адъютант разворачивается на каблуках, первым проходит в здание. Дверь для меня придерживает кучер, и я благодарю его улыбкой.

Вслед за адъютантом я поднимаюсь на второй этаж, прохожу по коридору. Бордель встречает меня неожиданной тишиной. Я никогда не бывала в подобных местах в прошлой жизни, однако я читала, видела фильмы и ожидала, что из-за дверей будут доноситься сладострастные стоны.

Адъютант скрывается за одной из дверей, и я слышу его чёткий голос:

— Ваше высочество, по вашему приказу леди Шеллара Тинс доставлена.

Шеллара Тинс, говорите? Как хорошо, что парень представил меня полным именем, а то было затруднительно не знать собственную фамилию.

Так, опекун Зеер, это явно не имя, а я Тинс. Пока не очень понятно, но звучит обнадеживающе.

— Леди, прошу.

Я с улыбкой вхожу:

— Ваше высочество, — и приседаю в реверансе.

— Шелли, здесь нет необходимости соблюдать формальности. Проходите.

Медленно выпрямившись, я оглядываюсь. Это точно бордель? Центр помещения занимает не гигантская кровать, как можно было предположить, а широкий письменный стол. На столешнице идеальный порядок. Я чуть завистливо вздыхаю. Я всегда жила даже не в творческом беспорядке, а в творческом хаосе.

Хах, кронпринц, известный как завсегдатай борделей, приходит сюда работать.

Взгляд цепляется за стеклянный шар на серебряной подставке. Внутри шара запаян пропитанный лиоруанским соком браслет-косичка.

Глава 11

— Оставьте нас, — коротко приказывает его высочество.

Адъютант и второй помощник кронпринца, одетый в штатское, незамедлительно выходят. Дверь за ними плотно закрывается.

Я продолжаю стоять перед столом. Взгляд то и дело соскальзывает с лица кронпринца на стеклянный шар. Заметив, куда я смотрю, Риман небрежно взмахивает рукой:

— Яд невозможно вывести полностью. Располагайтесь, Шелли.

Меня до костей пробирает его сверлящий взгляд.

Я остаюсь стоять:

— Ваше высочество, сожалею, но мне не удалось получить текст того пророчества. Подозреваю, это связано с тем, что оно больше недействительно.

— Однако сведения, которые из него можно почерпнуть, будут несомненно полезны, Шелли.

— Пророчество рассказывало о судьбе принцессы Оливии, о её прибытии в Лавис, вашем холодном к ней отношении на балу.

— Холодным? — неожиданно перебивает Риман.

Он же не хочет сказать, что принял Оливию тепло?

— Ваше высочество...

Кронпринц поднимается из-за стола, жестом указывает мне на стоящий в стороне стул. Я не чувствую я за собой права сесть. Хотя нет моей вины в том, что «Сбежать от чудовища» превратилась в монолит нечитаемых символов, я, по факту, не выполнила пожелание кронпринца. Что хуже, он рассчитывает извлечь пользу из моего рассказа, в то время как мне нечего ему рассказать. Однако отказаться почти невозможно, ведь мне пришлось бы открыто возразить.

И я сажусь.

Кронпринц берёт второй стул, легко переставляет спинкой ко мне и устраивается верхом.

— Вы считаете, что я её обидел, Шелли?

— Девушка в чужой стране совершенно одна, не считая слуг и дипломатов, но слуги не смогут её защитить от аристократов, а дипломатов нельзя назвать близкими.

Риман усмехается:

— Шелли, вы совсем не принцесса.

— Да, разумеется.

Риман усмехается ещё шире:

— В прошлой жизни вы были далеки от политике. Шелли, вы оцениваете ситуацию, как... домашняя девочка. В вас очень причудливо сочетаются наивность и проницательность. Я объясню. Оливия принцесса. Она представляет свою страну. Через отношение к ней я показал своей отношение к Карансу. Король идёт путём союзничества, я же вижу в Карансе кровного врага, который должен быть уничтожен.

А книжке про войну не было...

— Ваше высочество, я не понимаю, почему вы тратите своё время на политические уроки.

— Шелли, взмахом руки вы спасли меня от безумия и краха. Я уверен, что вы станете моей счастливой звездой. Я готов очень многое сделать для тех, кто меня поддерживает. Стоит ли считать незначительные разъяснения чем-то важным?

Значит, я должна оправдать доверие и придумать, как использовать ноут на благо кронпринцу. Собственно, ответ очевиден. Мой ноут — это доступ к уникальной информации. Проблема в том, что большая часть информации просто бесполезна. Зачем его высочеству история Древнего Египта или таблица соответствий российских и европейских размеров одежды?

— В пророчестве говорилось, что вы устраивали дебоши, с каждым разом совершали всё более и более безумные действия, всячески досаждали принцессе. И в финале вы перед свидетелями ранили посла Каранса.

— Суд, лишение титула...

— И пожизненное тюремное заключение, — заканчиваю я за кронпринца.

— Хм...

В его взгляде вспыхивает ярость, смешанная с лютой ненавистью. Игривый котик в мгновение ока превращается в напряжённого, готового к прыжку тигра. Хотя Риман продолжает смотреть на меня, я знаю, что его ярость направлена на принца Дорана и на тех, кто его поддерживает.

— Что ещё вы помните из пророчества, Шелли?

— Что вы предположительно выбросили меня из окна, — с милой улыбкой говорю я чистую правду.

— Вот как?

Я пожимаю плечами.

— Ваше высочество, я действительно не очень хорошо помню детали, я читала пророчество как развлекательную сказку. Возможно, вы могли бы помочь наводящими вопросами? О, вспомнила! Королева попросит принцессу Оливию передать через Каранское посольство некое письмо. Принцесса согласится и примет конверт. Я не знаю, что внутри, принцесса не станет его вскрывать.

— Вот видите, Шелли, вы не перестаёте меня радовать. Я с удовольствием прочитаю, что мне пишет её величество, — и снова эта обворожительная улыбка и довольный прищур, как у кота, получившего банку сливок.

— Вам? — хмыкаю я.

— Конечно, мне. Ведь письмо заберу я. Какая разница, кто указан получателем? Шелли, скажите, в пророчестве упоминалась королевская семья Дашаля?

— Дашаль? — переспрашиваю я, я запомнила далеко не все имена и названия. — Вроде бы нет, не помню такого. Но, ваше высочество, поскольку пророчество в основном рассказывало о романтических отношениях принцессы и принца Дорана, иные события могли просто не упоминаться.

Риман не выглядит огорчённым, жмурится и всё больше походит на большого кота, пригревшегося на стуле:

— Хорошо, что не упоминалось...

М? Разве он не хотел получить информацию? Или... Может быть, Дашаль союзник Римана в предстоящем столкновении с Карансом. Несмотря на жёсткость и, возможно, даже жестокость, Риман не выглядит кровожадным. Почему он стремится к войне?

— Шелли, вы сказали, романтические отношения? Как далеко они зашли?

— Они встречались наедине, но между ними не было ничего, кроме поцелуев и объятий.

— Моя невеста хранит мне верность. Какая жалость... Впрочем, иного я не ожидал. Шелли, попробуй вспомнить что-то ещё. Любые детали, самые незначительные.

Я киваю.

В обществе принца я стала чувствовать себя свободнее, я самовольно переставляю свой стул к его столу, беру лист бумаги, карандаш и устраиваюсь боком. Принц наблюдает, не сводя с меня взгляда. Я стараюсь игнорировать пристальное внимание. Хмыкнув, принц встаёт и возвращается к документам, с которыми работал до моего прихода. Как-то незаметно в кабинет возвращаются адъютант и помощник в штатском. Поскрипывает карандаш по бумаге.

Однажды Оливия заметит, что кронпринц ранен. Он, издевательски улыбаясь, расскажет, как подрался за благосклонность ночной бабочке в «Розах Инака». Но теперь я уверена, что это ложь. Покушение? Теперь бы вспомнить приблизительное время нападения на его высочество...

С мыслей меня сбивает удар двери об стену.

Порог перешагивает мужчина в военной форме:

— Ваше высочество, срочное донесение.

— Да.

Коротко поклонившись, мужчина стремительно пересекает кабинет и кладёт перед Риманом лист. Я не пытаюсь заглянуть в текст, меня это не касается.

Посол... Может, я вспомню что-то про посла? Оливия часто с ним пересекалась и во дворце, когда он приходил проведать её, и сама навещала его в резиденции.

Дочитав донесение, кронпринц комкает лист. В его глазах вновь вспыхивает злость. Не оглянувшись, он уходит в сопровождении обоих военных. Могло бы показаться, что Риман забыл обо мне или, что вернее, выбросил из головы, но нет. Риман отдаёт приказ:

— Ланс, позаботься о леди.

Дверь захлопывается.

Помощник в штатском склоняет голову и угодливо предлагает:

— Леди Тинс, чаю?

— Простите, как я могу к вам обращаться?

Мужчина ни на секунду не задумывается:

— Разрешите представиться, леди Тинс. Ланс Арай к вашим услугам.

— Приятно познакомиться, лорд Арай. Скажите, пожалуйста, мне следует дожидаться возвращения его высочества?

— Сомневаюсь, что его высочество вернётся в ближайшее время.

Я задумываюсь.

Я не знаю, насколько помощник осведомлён, а следовательно, я должна очень осторожно выбирать слова. Не зря же во время нашей беседы Риман отсылал и его, и адъютанта.

— Леди? Вы сомневаетесь, можете ли вы мне доверять? Вы можете.

Меня так легко прочесть? И почему Ланс так настаивает на доверии? Разве границы не должен устанавливать его высочество?

Что же, главное, правильно формулировать:

— Лорд Арай, вы ведь знаете, кем мне приходится лорд Зеер?

— Безусловно. Он приходится вам опекуном, леди.

— Признаться, мне очень не нравится моё зависимое положение. Благодаря защите его высочества я могу чувствовать себя свободнее, однако я не могу беспокоить его высочество каждый раз. Если вы мне подскажите как законным образом я могу избавиться от опеки, я буду вам бесконечно благодарна, лорд. Уверена, вы прекрасно разбираетесь в законодательстве. Не может быть, чтобы не было лазейки.

Выслушав меня, лорд Арай задумывается. Некоторое время он тербит подбородок, а затем отвечает:

— Леди, я должен ознакомиться с документами. Очень многое зависит от нюансов.

— Я буду ждать, лорд. Проводите меня до экипажа?

— Вы так быстро уходите?

— Раз его высочества нет, то мне пора.

Ланс не спорит, и мы вместе спускаемся на первый этаж, выходим на улицу. Экипаж ожидает меня вперед. Кучер был вынужден отогнать его, чтобы освободить проезд. Короткий разговор с Лансом произвёл на меня двойственное впечатление. В основном из-за упоминания доверия. Возможно, что Ланс меня проверял по приказу Римана, но нельзя исключать и иные варианты. Я оборачиваюсь и заступаю Лансу дорогу:

— Большое вам спасибо, лорд Арай.

Он что-то понимает, кивает:

— Всего доброго, леди, — он поворачивается и возвращается в здание борделя.

К экипажу я подхожу одна.

Кучер уже поставил приставную ступеньку, однако я не тороплюсь забираться в салон.

Улыбнувшись кучеру, я спрашиваю:

— Пожалуйста, мы могли бы по пути сделать остановку у надёжного ломбарда?

Глава 12

Кучер не отказал.

Не прошло и получаса, как экипаж остановился, кучер открыл дверцу и поставил для меня ступеньку.

Предусмотрительно оставив яйцо в экипаже, я с благодарной улыбкой спускаюсь на мостовую. Я не спешу сразу входить в ломбард, оглядываюсь. Улица выглядит вполне респектабельной, парфюмерный салон по соседству с ломбардом явно указывает, что прогуливаются по улице состоятельные люди, бедняки ароматов не покупают.

Дверь в ломбард приходится открыть самой, кучер остался у экипажа, а лакей посетителей не встречает. Колокольчик звякает, предупреждая о моём приходе. Из-за прилавка тотчас поднимается клерк:

— Добро пожаловать, госпожа. Чем могу быть полезен?

В моём представлении ломбарды не только принимают ценности, но и продают те, которые не выкупил владелец. В ломбарде, в который я пришла, витрины с изделиями нет.

Я перевожу взгляд на лопоухого клерка. Сущий простачок, если верить нарочито открытому взгляду. Почему-то мне сплошь талантливые лицедеи попадаться стали. Особенно у котика непревзойдённый артистический талант.

— Благодарю. Я бы хотела увидеться с оценщиком.

Плохо, что я не знаю правил работы ломбарда. Например, можно торговаться или нет? Должна ли я говорить с клерком или он только встречает клиентов?

— Госпожа, старший оценщик занимается сложными ценностями. У вас что-то необычное?

Я колеблюсь, но выкладываю на прилавок рубиновое кольцо. Мне придётся полагаться на кучера: надеюсь, он привёз меня в действительно надёжное заведение, а не в первое попавшееся.

— Взгляните, пожалуйста.

Клерк почтительно кивает, вынимает из-под прилавка белоснежные перчатки, натягивает на руки, только после этого он притрагивается к ожерелью и аккуратно вытягивает его на чёрном бархате, покрывающем участок столешницы. Клерк достаёт лупу, и я разочарованно вздыхаю. Я бы могла найти в интернете, как правильно шлифовать линзу, чтобы она стала увеличительной, но линзу изобрели до меня.

Отвлёкшись, я не сразу замечаю, что клерк рассматривает кольцо чрезвычайно пристально. Золото и рубины, в описании ожерелья в списке не было ничего примечательного.

— Что-то не так?

Клерк вздрагивает, будто забыл о моём присутствии.

— Всё в порядке, госпожа. Я правильно понимаю, что вы собираетесь заложить ожерелье? Должен предупредить, что в составе гарнитура ломбард даст за него большую сумму.

— Только ожерелье, — спокойно отвечаю я.

Нет у меня полного комплекта, а был бы, я бы точно не выбрала его для первого похода в ломбард, слишком роскошно.

— Госпожа, сумма также зависит от условий, на которых вы сдаёте ожерелье. Желаете ли вы сохранить право выкупа?

— Нет.

— Сто сорок рифов, госпожа.

Я так понимаю, риф — это денежная единица Лависа. Увы, я не могу даже приблизительно понять, насколько справедливую сумму мне предлагают.

— Сто сорок рифов — это не то, на что я рассчитывала.

Клерк опускает лупу:

— Госпожа, если вы настаиваете, я приглашу старшего оценщика, но я готов поручиться, он назовёт ту же сумму. Ценность представляют золото и рубины, само изделие хотя и смотрится элегантно, оно не может считаться произведением ювелирного искусства, — клерк равнодушно отодвигает ожерелье. — Если вы сомневаетесь, госпожа, проверьте, что вам предложат в других местах.

Поторговаться не получится...

Я не спешу соглашаться, но и не отказываюсь. Я не могу просить денег у кронпринца. То есть попросить-то я как раз могу, и Рима́н вряд ли откажет, но я не хочу оказаться в роли попрошайки. Так почему не конвертировать те активы, что у меня уже есть? Полагаю, если бы Рима́н всерьёз ждал, что я буду носить те украшения, в футляре бы не оказались серьги без пары.

Клерк не торопит, не уговаривает, терпеливо ждёт моего решения. И я молча пододвигаю ожерелье к нему. Наличные деньги — это прежде всего уверенность. Что бы ни случилось в особняке опекуна, я смогу свободно уйти и оплатить ночлег, обед. К тому же я привыкла, что при мне всегда есть кредитка, и пустой кошелёк меня нервирует. Да у меня даже кошелька нет! Основная же причина, по которой я соглашаюсь — я хочу использовать подвернувшуюся возможность. Я не знаю, когда кронпринц пригласит меня в следующий раз. А вдруг через неделю? Я не уверена, что без его приглашения меня выпустят из дома. Предположим, опекун не откажет и даже предоставит мне экипаж. Но тогда он будет знать всё о моих передвижениях по городу. Зачем мне это, когда сейчас у меня есть экипаж от его высочества?

— И даже не сто пятьдесят? — прищуриваюсь я с улыбкой.

— Сто сорок, госпожа, — твёрдо отвечает клерк.

На столешницу ложатся два бланка, клерк ставит рядом чернильницу, берёт перьевую ручку:

— Госпожа, ваше имя?

То есть сделка оформляется документально и мне выдадут квитанцию?

— Шеллара Тинс.

Клерк очень быстро заполняет строки и разворачивает бланк ко мне, чтобы я могла проверить верность описания ожерелья, условий сделки, суммы. И предлагает ручку поставить подпись. Пока я читаю, клерк также быстро заполняет второй бланк. Видимо, одна квитанция мне, другая — ломбарду.

Наконец, клерк отсчитывает сто сорок рифов — семь банкнот, каждая номиналом в двадцать рифов.

— Простите, — останавливаю я. — Нельзя ли внести разнообразие? Мне предстоят мелкие траты.

— Это возможно, госпожа.

Вместо одной двадцатки я получаю десятку, пятёрку и пять круглых монет.

— Благодарю.

— Что-нибудь ещё, госпожа?

— Разве что маленький совет. Нанять извозчика отсюда до Дворцовой площади приблизительно во сколько мне обойдётся?

— Зависит от класса экипажа, госпожа. От десяти линей до половины рифа.

Заметив, что мне некуда положить деньги, клерк протягивает конверт

— Большое вам спасибо за помощь, — банкноты и три монеты я убираю в конверт, а оставшиеся две монеты зажимаю в кулаке.

Прикрыв конверт пелериной, надо же, пригодилась накидка, я прощаюсь с клерком и выхожу. Кучер встречает меня поклоном и открывает дверцу экипажа. Я же на поднимаюсь в салон, а опускаю две монеты в его ладонь:

— Теперь я могу поблагодарить вас за помощь.

Надеюсь, «на чай» я дала не слишком мало, всё же не «таксист», а кучер, служащий самому кронпринцу. Но судя по скорости, с которой две монеты исчезают во внутреннем кармане его сюртука, с щедростью я даже переборщила. Впрочем, жадность до добра не доводит. Как и расточительность.

— До возвращения домой мне бы хотелось навестить законника, специализирующегося на семейных делах, — его высочество обещал мне защиту, а не избавление от лорда Зеера.

Как говорится, на кронпринца надейся, а сам не плошай. Никто не заинтересован в решении проблемы с опекой больше, чем я сама.

— Леди, боюсь, это будет некоторым образом затруднительно. Хорошие законники не дают случайных консультаций.

Нужен ли мне не очень хороший законник? Наверное, лучше начать с книг...

— Как насчёт книжной лавки? — уточняю я.

Кучер, напряжённо ожидавший моего ответа, расплывается в угодливой улыбке:

— Как прикажете, леди.

Вот и славно.

Я догадываюсь, что в особняке есть своя и, вероятно, обширная библиотека, но если я начну копаться в книгах, посвящённым законодательству, я неизбежно вызову подозрение. Да и интерес к географии и истории будет странным, ведь Шелли должна была получить образование.

Устроившись на сидении, я задёргиваю штору, дожидаясь, когда экипаж тронется и вызываю ноутбук. Деньги нужно где-то прятать, так почему бы не попробовать расположить купюры на клавиатуре и закрыть крышку. Вдруг деньги исчезнут и вернутся вместе с ноутбуком?

Правда, пробовать я буду на пустом конверте.

Я открываю ноутбук. Экран вспыхивает. Оказывается, в прошлый раз я не выключила ноут, а перевела в спящий режим. В правом нижнем углу мигает зелёная точка. Опять оператор? Я кликаю. Разворачивается окно чата.

«Душа, вам поступило видеосообщение».

На застывшем первом кадре я вижу ванную, себя, лежащую на полу, распахнутую дверь, Макса с перекошенным лицом, выглядывающего из-за его плеча Рома.

Рука сама тянется вперёд, и я нажимаю воспроизведение.

Глава 13

Поспешно подобрав «усы», я вставляю наушник в правое ухо, а второй оставляю зажатым в кулаке. Терять связи с окружающим миром точно нельзя. Вдруг мы приедем раньше, чем видео закончится?

Я разворачиваю картинку во весь экран.

— Ты! — Макс тянет руки, а в следующий миг вылетает из ванной, будто получил в живот невидимым кулаком.

— Ма-а-альчик...

У меня был такой слащаво-приторный голос? Да нет, не может быть. Я нормально говорила. Просто занявшая моё место магичка так тянет гласные.

— Ты..., — кажется, Макс теряет свой и без того скудный словарный запас.

— Ма-а-альчик, а ты знаешь, что каждая женщина капельку ведьма? — магичка улыбается, но улыбка у неё крайне неприятная.

Такое странное ощущение... Я ежедневно видела своё лицо в зеркале, знаю его до последней чёрточки. На экране я и не я одновременно. Моя внешность, но чужая манера поведения, чужая мимика, чужой разворот головы.

Вокруг магички поднимается вихрь. Её — мои? — волосы вздымаются вверх, колыхнутся, будто водоросли в воде. Глаза наливаются чернильной чернотой и превращаются в два дьявольских провала в Бездну.

Магичка не поднимается, она взлетает и зависает в метре над полом, за спиной распахиваются два призрачных крыла. Зрелище совершенно inferнальное. С экрана выглядит как очередной фильм ужасов с голливудскими спецэффектами. Каково было Макс и его друзьям... Наверное, у меня сейчас улыбка не менее неприятная, чем у магички.

Макс и его кодла уже не кричат, они истерично вопят.

Снизившись, магичка вылетает в коридор:

— Но-но, — взмахом руки она пересекает попытку открыть входную дверь и ставит магические барьеры, причём предусмотрительно перекрывает не только дверь, но и окна.

В кадре появляется Рома.

Он судорожно возит пальцем по экрану моего телефона. Хочет вызвать полицию?

Я ставлю видео на паузу. На экране застывает его искажённое лицо. Как я могла быть такой дурой? Попалась на простейшую уловку. Я возвращалась домой, вроде бы не поздно, девяти вечера ещё не было, но уже стемнело, горели фонари. Откуда выскочили те парни? Бесформенные толстовки, капюшоны надвинуты по самый нос, глаза скрыты солнечными очками, шарфы закрывают нижнюю половину лиц. Мне бы тогда задуматься, что парни одеты подозрительно дорого для уличного разбоя. Один схватился за мою сумку, второй попытался меня облапать. Я настолько опешила и испугалась, что мозги отключились, да и боль от шипков внимательности не способствовала. А потом пришёл он, рыцарь в сияющих доспехах. Рома раскидал парней, прогнал, но преследовать не стал, вернулся ко мне, помог подняться, собрал просыпавшиеся из сумки вещи, предложил дойти до ближайшего магазина и напоить меня чаем из автомата. Помню, я отказалась. Рома уточнил, если ли кто у меня дома. Я ещё не отошла от страха и ответила правду, никого. Рома неодобрительно покачал головой и предложил отвезти меня к подруге или дождаться подругу вместе со мной. Я снова отказалась. Он настоял, что проводит меня до лифта.

Дверцы кабины уже закрывались. Рома поставил ботинок и торопливо вручил записку со своим номером телефона, попросив звонить, если что. Естественно, на следующий день я написала ему сообщение с благодарностью за спасение. Завязалась переписка, а неделю спустя Рома пригласил меня в театр.

Я влюбилась в своего защитника, тем более Рома всегда вёл себя безупречно, будто и правда был сказочным рыцарем. Рома много рассказывал об учёбе, о работе, о своих увлечениях. Почти никогда — о семье и друзьях. Он ловко переводил тему, а я не настаивала, думала, что придёт время для откровенности. Рома ухаживал, не торопился, заверял, что у него самые серьёзные намерения, и я гадала, сделает он мне предложение через месяц или раньше? Лучше бы позже. Я не чувствовала себя готовой согласиться на свадьбу.

Теперь понимаю — те два парня лишь разыграли нападение. Я не смогу их опознать, но уверена, что они из той же компании.

Я кликаю. Видео продолжается.

Магичка приближается к Роме:

— Ма-а-альчик, не шали.

— Уйди! Не подходи!

Магичка заливается хохотом.

На штанах у Ромы расплзается мокрое пятно.

— Отдай мою вещь, — магичка забирает мобильник и указывает пальцем в сторону кухни. — Иди к остальным.

— Да ты знаешь, что я с тобой сделаю! — раздаётся вопль Макса.

Магичка плавно опускается на пол:

— Зачем откладывать? Вот она я, делай.

Магичка нацеливается на Макса, он пытается растолкать своих прихлебателей и прикрыться ими как живыми щитами.

— Скучно с вами, — жалуется магичка. — Вы такие противные, как навозные личинки. Вы бы стали играть с навозными личинками? Пожалуй, я вас просто накажу. Вы фантазировали, что сделаете со мной, правда? Каждый раз, когда вы будете засыпать, вы будете переноситься в свои фантазии. Вы будете забывать, что это просто сон и будете считать происходящее реальным. Конечно, в этих фантазиях вы будете в той роли, которую приготовили мне.

Магичка щёлкает пальцами, с её рук срываются призрачные змеи, и каждая устремляется к своей жертве. Рома пытается заслониться стулом. Змея проходит сквозь спинку. Рома отбрасывает бесполезный стул, кричит, но змея уже проникла в него, лишь кончик хвоста мелькнул.

— Эй, вам не на что жаловаться. Я же не собираюсь пускать вас по кругу по-настоящему. Макс, не надо так смотреть. Лучше иди ложись спать, тебе обязательно понравится.

Персональную призрачную змею получает каждый.

— Нет, пожалуйста...

— Макс, твоё «нет» значит для меня ровно столько же, сколько моё — для тебя. Что же, мне пора.

Помахав, магичка направляется к входной двери, открывает первую, отпирает вторую, металлическую. Кажется, что она уже ушла.

— Ах, да! — она возвращается. — Я смогла себя защитить. Но как насчёт других девушек? Они могут оказаться не такими способными ведьмами, как я. Что насчёт других?

— Я б-больше н-никогда..., — заикается Макс.

— Можно ли тебе верить? — перебивает магичка. — Сделаем проще. Можешь развлекаться с кем угодно и как угодно, пока твои партнёрши... или партнёры занимаются с тобой этим добровольно и с искренним желанием. Но стоит тебе применить насилие или любое иное принуждение, ты в тот же миг станешь... евнухом. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Кстати, предупреждение всех касается. Цените мою щедрость, мальчики.

Магичка повторно щёлкает пальцами, но на сей раз с её рук срываются не змеи, а чёрные ленты. Подобно змеям они устремляются к своим жертвам, но не растворяются бесследно, а напоминанием пропечатываются на открытых участках кожи. В кадре крупным планом появляются татуировки ножниц.

Больше не слушая криков, брани, угроз, просьб о прощении, магичка убирает из глаз черноту и покидает квартиру.

Остаётся ещё несколько минут видео, но я снова ставлю на паузу.

Мсть совершена. Я не уверена, что «мсть» подходящее слово. Наблюдая за их ужасом, я не почувствовала ничего, кроме брезгливости, причём не столько в отношении к парням, сколько к

ситуации. Перешла ли магичка черту? Она сделала ровно то, что они собирались сделать со мной. И защитила возможных будущих жертв.

— Спасибо, — выдыхаю я вслух, хотя услышать меня она, конечно же, не может.

Экипаж плавно покачивается.

Я продолжаю просмотр.

Кадры меняются очень быстро, я вижу улыбающиеся лица близких, и на глаза наворачиваются слёзы.

Это больше, чем я ожидала! Я смогу сохранить этот прощальный «привет», хотя, конечно, родители не знают, что прощаются со мной.

Кадры снова меняются.

Я вижу свою квартиру, магичка стоит лицом к камере на фоне спальни:

— Душа, надеюсь, ты довольна моим маленьким выступлением. Когда-то я тоже переродилась в первый раз, я помню, как было тяжело оставить прошлое в прошлом. Я обещаю, что позабочусь о твоих родителях. Я владею не только боевой магией, но и ментальной. Я подкорректирую их восприятие, чтобы они не беспокоились о тебе. А ещё я найду хорошую выпускницу детского дома и помогу ей подружиться с твоими родителями. Они станут относиться к ней, как к родной, а она позаботится о них в старости. Они не останутся брошенными, ты можешь больше за них не волноваться, дочерний долг будет выполнен. Я давно скучала по техногенному миру, спасибо, что разрешила сходить в твоём теле на экскурсию. На прощание я желаю тебе удачи. И позволь дать тебе два небольших совета. Совет первый — учись магии, это важно, это твоя сила и твоё благополучие. Совет второй — наслаждайся жизнью! Удачи, сестра!

Видео подошло к концу.

Я вытираю слёзы, никак не могу справиться с эмоциями. Экипаж останавливается.

Глава 14

Когда кучер распахнул дверцу, я была уже в полном порядке. Возможно, глаза покрасневшие, но с этим я ничего не смогу сделать. Спустившись на мостовую, я бегло оглядываюсь. Кучер привёз меня, судя по всему, не в центр, а на одну из торговых улочек. Проезжая дорога не слишком широкая, а магазинчики маленькие, жмутся одни к другому. Кивнув кучеру, я вхожу.

Прежде всего меня интересуют книги по истории и географии. Этикет тоже, но книги по этикету я легко получу дома. Достаточно сказать, что я допустила ошибку, и кронпринц посоветовал мне освежить знания. Может, с остальными дисциплинами также поступить? Хм... Пожалуй, по-настоящему скрывать стоит только мой интерес к магии.

Я вхожу в лавку, в нос ударяет характерный запах библиотеки.

В глаза бросается стеллаж с небольшими книжками в ярких обложках с изображениями пар. «Горничная и лорд», «Горничная и молодой лорд», «Служанка и лорд» — какое разнообразие однако. Чуть дальше сложены кипы журнальных подборок, и это уже интереснее, но, просмотрев темы, я быстро разочаровываюсь. Рецепты, вышивка, мода — ничего из этого мне не нужно.

— Госпожа, могу я вам помочь? — ко мне подошла девочка лет четырнадцати, худенькая, опрятно одетая. Только тёмный цвет платья ей совершенно не идёт, ни к лицу, ни к возрасту.

Клиентов в лавке почти нет, мужчина у прилавка что-то втолковывает старшему продавцу, такому же щуплому. Отец и дочь? Какой-то сутулый парень копается в книжках на стеллажах. Наверное, магазину не во вред, если я займу девочку надолго.

— Я здесь впервые. Можешь рассказать, где какие книги?

— Госпожа, у нас обычная лавочка.

Мне сразу стало всё понятно, угу.

Уловив моё недовольство, девочка исправляется:

— Госпожа, все новые книги находятся в хранилище. О них нужно говорить с па... с управляющим. На полках старые книги. Многие без обложки и даже неполные.

Судя по журналам, книгопечатание в Лависе давно известно, однако книги остаются предметом роскоши, иначе потрепанные томики не пользовались спросом у бедно одетых людей. Кстати... А ведь похоже мне тоже придётся проводить раскопки в макулатуре.

Управляющий как раз освобождается, и я подхожу:

— Доброго дня, уважаемый. Подскажите, у вас есть в продаже карта города?

— Да, госпожа. Есть три вида. Магическая стоимостью двадцать два рифа, детальная раскладная стоимостью в один риф и самая дешёвая двадцать линей. Также можно поискать карты на полках, обойдутся не больше, чем в пять линей.

— Детальную, — выбираю я.

Управляющий скрывается в служебном помещении.

Я же напрягаю память. В «Сбежать от чудовища» магия упоминалась как нечто обыденное, не запрещённое. В одном из эпизодов на Оливию происходит покушение и до прихода Дорана она удерживает магический щит. Вроде бы обучаться магии может любой, у кого есть способности, запрета нет. Другое дело, что не каждый сможет оплатить обучение...

Пока я вспоминаю, управляющий возвращается, разворачивает передо мной карту. Представляю, как я с ней намучаюсь, никакая бумага не сравнится с электронным навигатором.

— Скажите, а политическая карта мира у вас тоже есть? Можно не самую подробную. Достаточно контуров стран и названий.

— Пять рифов, госпожа.

Если карта города мне точно понадобится, то без карты мира я легко обойдусь.

— Пока не нужно. Как насчёт книг по магии?

— Госпожа, простите, но не могли бы вы уточнить, какие именно книги по магии вас интересуют?

— Как вам сказать... Так сложилось, что прежде я никогда не получала уроков магии, однако сейчас собираюсь начать осваивать магию самостоятельно. Мне нужно что-то вроде самоучителя.

— Ох... Госпожа, у нас обычная книжная лавка. Конечно, мы могли бы доставить книги на заказ...

— Неужели сейчас в хранилище нет ни одной подходящей?

Управляющий проводит указательным пальцем по подбородку и качает головой:

— Сожалею, госпожа, но нет. Разве что «Искусство иллюзий» могло бы вам подойти, но я не уверен, что книга подходит для начинающих. Семьдесят семь рифов, госпожа.

Сколько?! Почему так дорого? Нет, я не против платить, просто не понимаю соотношение. Разве ювелирка из закровов кронпринца не должна быть значительно дороже книг?

Купить или не купить? Пока подожду.

Я расплачиваюсь за карту.

Управляющий улыбается:

— Благодарю вас за покупку, госпожа.

— Я ещё не прощаюсь. С вашего позволения, я познакомлюсь с книгами на стеллажах.

Управляющий знаком показывает дочери составить мне компанию, и девочка послушно приглашает меня к дальним полкам.

— Книги расставлены по темам? — уточняю я.

— Управляющий старается поддерживать порядок. Вон там, — взмах руки, — медицинские трактаты. Вон там, — девочка указывает в другую сторону, — философские. Есть много словарей: толковые, орфографические... Взгляните, госпожа, есть мемуары героя войны с Карансом. Говорят, он был гениальным магом.

Вряд ли мне помогут мемуары.

Хитро подмигнув, девочка вытаскивает с нижней полки пачку листов толщиной в палец. Листы крест накрест перевязаны бечёвкой, края бумаги потрёпаны, в местах потёртостей текст почти нечитаем, но это не имеет никакого значения, потому что заголовок обещает подробную инструкцию, как создать артефакт-светильник. Я слегка разочарована, в мечтах я уже представляю себя боевой магичкой, видео вдохновило, и в то же время я радуюсь, что нашлось хоть что-то.

Но, бросив взгляд на девочку, я замечаю, что она смотрит на меня с некоторым ожиданием. Здесь принято давать чаевые? Клиенты лавки не похожи на богачей, но в то же время я единственная, кто получила помощь. И, надо признать, дельную. Хмыкнув, отдаю девочке монету. Её глаза вспыхивают восторгом.

— Я сейчас, милостивая госпожа! — и девочка уносится в сторону торговой стойки.

Оставшись в одиночестве, я наугад вытаскиваю несколько книг, но ни обглоданный сборник сказок, ни травник мне не нужны. Я рассеянно смотрю на корешки, пока не цепляюсь взглядом за книжку, втиснутую на самую верхнюю полку. На корешке изображена кисточка в ореоле звёздочек. Уроки рисования есть в интернете, к тому же в ближайшее время мне будет не до хобби, но я всё равно привстаю на цыпочки и пытаюсь дотянуться. Роста не хватает.

— Госпожа, позвольте вам помочь?

Рядом со мной оказывается русский парень, меня обдаёт запахом перегара. Не дожидаясь ответа, он подставляет перевёрнутое ведро, встаёт на него, как на ступеньку, и снимает для меня книжку. Я протягиваю руку, но парень не разжимает пальцы, продолжает крепко держать книгу:

— Госпожа, если вы откажетесь сказать своё имя, моё сердце будет разбито. Вы покорили меня с первого взгляда!

— Какая жалость, ваше сердце будет разбито, — пожимаю я плечами и первой отпускаю книгу.

— Госпожа, вы так жестоки?

А по его мнению, я должна поверить в ту словесную муть, не менее затрёпанную, чем книги в этой лавке?

— Да.

Я делаю шаг в сторону.

Парень фыркает, кладёт книгу на ближайшую полку и возвращается к своему стеллажу.

Ну и хорошо. Я беру книжку.

— Госпожа! — радостно зовёт девочка и машет мне каким-то свитком.

Я возвращаюсь к торговой стойке. И кладу перед управляющим не только связку листов по артефакторике, но и томик с кисточкой на корешке. Наверное, он мне не нужен...

Девочка добавляет свиток.

— Всё вместе семь рифов десять линей.

Отказаться от книжки?

Я открываю титульную страницу. Неожиданно, но это «Искусство создания магических картин». Не знаю, что это, но беру однозначно!

Я кладу на прилавок купюру в двадцать рифов. Можно было бы отдать десятку, но я хочу «разбить» крупную купюру. Управляющий отсчитывает сдачу. Я внимательно слежу. Я уже поняла, что в одном рифе сто линей, так что сдачу подсчитала в уме. Управляющий не пытается обмануть. Девочка заворачивает мои покупки в газету:

— Спасибо, госпожа! Приходите ещё!

— И тебе спасибо.

Больше в лавке делать нечего, махнув на прощание, я выхожу на улицу. Кучер моментально открывает дверцу, но я не сажусь, а только забрасываю в салон покупку:

— Я хочу немного пройтись.

— Как пожелаете, леди.

Мимо как раз проходит девушка без сопровождения, так что я уверена, выделяться из толпы не буду. У меня нет внятной цели прогулки пешком. Я хочу присмотреться к городу, к людям. И не хочу возвращаться в особняка лорда Зеера, по крайней мере слишком рано.

— В какой стороне центр города? — уточняю я.

— Налево, леди. Я буду следовать за вами.

Конечно, кучер не охранник, но всё же дополнительная защита.

Я не ожидала никаких неприятностей. Обычная городская суета, а будь на улице опасно, кучер бы наверняка предупредил, ведь он должен вернуть меня домой. Я шагаю довольно быстро, приноравливаюсь к скорости людского потока. Чего я не ожидала, так этого того, что русский парень нагонит меня и ловко вытолкнет в узкий проход между домами. Я отчётливо понимаю, что кучер вряд ли заметит меня в этой щели за широкой спиной.

Чёрт, почему мне так везёт?

Глава 15

Бежать некуда и глупо. Мне надо вернуться на улицу, а не пятиться на безлюдных задворках магазинов, поэтому я не отступаю, а лишь поворачиваюсь полубоком, чтобы парню было неудобно меня схватить.

— В чём дело? — жёстко спрашиваю я.

Сердце проваливается в пятки. Ну не тронет же он меня среди бела дня?!

— Не будь такой грубой. Ты мне нравишься, я тебе помог.

— Изыди, а?

— Я всего лишь...

Мне кажется, или он сам ещё толком не определился, чем хочет? Но в глазах вроде бы не похоть, а жадность, и это успокаивает, грабежа я боюсь меньше, чем нападения. К тому же парень слишком нерешителен для обычного налётчика. Увидел у меня крупную сумму и теперь ему и хочется, и колется? Скорее всего. А я тоже хороша — в лавке для небогатой публики засветила крупную сумму. Хорошо, что, опасаясь карманников, я оставила конверт в экипаже, при себе у меня лишь мелочь.

— Ну?

Парень срывается, протягивает руку, пытается схватить меня за волосы.

А я не кричу, не зову на помощь, как, возможно, следовало бы. Я всё ещё под впечатлением от выступления магички. Я делаю то, чего раньше мне бы и в голову не пришло. Я не знаю, почему у меня так легко получается, наверное, потому что я ни на секунду не усомнилась в успехе. У меня даже мысли не возникает, что что-то может не получиться. Обратиться к магии мне кажется таким же естественным, как вдохнуть. Я сосредотачиваюсь на покалывании кожи, стягиваю из окружающего пространства энергию. Молнии скапливаются в солнечном сплетении, я начинаю ощущать усиливающееся изнутри давление.

От руки я уклоняюсь и сбрасываю стянутую силу в парня. Я не желаю причинить серьёзный вред, но если его хорошенько двинет током, буду довольна.

С рук и вправду срывается что-то очень похожее на электрическую дугу. Парень, вскрикнув, хватается за запястье.

— Госпожа магиня?! П-простите... Я..., — парень шарахается, вылетает из прохода как на совесть отфутболенный мяч.

Хм... Права была магичка, надо учиться себя защищать.

Я чувствую приятное удовлетворение. Страх, живший в моём сердце с того самого мига, как я укрылась в ванной от Макса и поняла, что обречена, отпустил, растаял, исчез. Я больше не беспомощна, а вскоре стану сильнее. Обязательно стану!

Настроение гулять пешком не исчезает полностью, но притупляется. Мне хочется немедленно бросить всё и посвятить себя учёбе, но я себя сдерживаю. Двигаться надо последовательно, а не хвататься без раздумий за всё сразу, перескакивая с одного на другое и обратно, как бешеный заяц.

Я успокаивающе киваю потерявшему меня из вида кучеру и продолжаю шагать, но больше ни один магазин меня не привлекает: ни лавка «Тысяча мелочей», ни мастерская столяра, ни магазин горшечника... Вскоре я оказываюсь на более широкой улице и останавливаюсь, почувствовав умопомрачительный запах домашней еды. Рот моментально наполняется голодной слюной. Сглотнув, я поднимаюсь по широким ступенькам и заглядываю в светлый просторный зал. Крепкие деревянные столы просты, зато отполированные столешницы удивляют чистотой.

— Госпожа, добро пожаловать, — приветствует меня официантка.

Зал свободен, занято всего четыре стола, и все четыре — мужчинами, но на меня никто внимания не обращает, и я вхожу.

Новые приключения мне не нужны, я просто собираюсь заказать обед с собой. Даже если тут так не принято, неужели не сообразят, как запаковать порцию?

Но все мои правильные намерения рушатся, когда до моих ушей долетает реплика, брошенная через стол:

— Ха, он действительно безумен! — чрезмерно громко объявляет долговязый жилистый шатен. — Наш мир круглый, надо же до такого додуматься!

— Обед, пожалуйста, — тихо говорю я официантке и сажусь.

— Эм...

Девушка теряет. Зал пуст, и я могла бы выбрать любое удобное место, однако я села у самого входа, даже не указав, хочу я рыбу или мясо. Настаивать официантка не смеет, уходит на кухню, а я же прислушиваюсь к разговору соседей. Так интересно!

Получается, в Лависе планету считают плоской? Ничего удивительного, Международное общество плоской Земли до сих пор утверждает, что Земля — это плоский диск, окружённый ледяной стеной, а все фотографии планеты, сделанные из космоса подделки.

Мужчины с обсуждения мироустройства переключаются на новую тему — прибыл караван торговых судов из Великой Солнечной империи. Про шелка и специи мне слушать совсем не интересно.

Не слишком задумываясь, я оборачиваюсь:

— Уважаемые, простите, что я перебиваю. Вдвойне прошу прощения за моё неуместное любопытство. Я невольно услышала несколько реплик вашей беседы и не могу не спросить. Кто тот безумец, утверждающий, что мир круглый? Должно быть это удивительная личность.

К счастью, мужчины не разозлились, а моё вторжение встретили сдержанным дружелюбием:

— Всё в порядке, госпожа. Женщинам свойственно быть любопытными. Я говорил о Безумном капитане. Его прозвали так настолько давно, что вряд ли кто-то вспомнит его настоящее имя.

С молчаливого согласия мужчин я перебираюсь за их стол.

— Он так давно утверждает, что мир круглый?

— Ха, нет, госпожа. Безумный капитан получил своё прозвище за сумасшедшие авантюры. Он отважился выйти на одном единственном корабле в Северное море, он заплывал в Азарский хаганат. Говорят, но этим байкам я не верю, он проводил корабли через Окраинный архипелаг.

— Но пару месяцев назад Безумный капитан окончательно сошёл с ума, он не только во всеуслышание сказал, что мир круглый, но и обратился к его величеству с просьбой выделить денег на кругосветную экспедицию.

— Король, конечно же, выгнал безумца? — осторожно уточняю я.

Как удачно я зашла поесть.

Интересно, сколько стоит экспедиция?

Как мне раздобыть столько денег из ниоткуда? Побрякушек Римана мне точно не хватит. Если же я сумею стать спонсором Безумного капитана...

Хах, думая о таком на полном серьёзе, разве я не более сумасшедшая, чем капитан?

— Вы правы, госпожа. Король, естественно, отказался слушать безумца. Вы не поверите, но тем, кто заинтересовался идеями Безумного капитана стал кронпринц.

— Ничего удивительного, — кривится шатен. — Вино и более безумные идеи сделает привлекательными. Лавис ждут тяжёлые времена...

Это на что намёк?!

— Не говори так, — обрывает шатена приятель. — Наш король мудр. Конечно, как и любой отец, он ждёт, что его сын повзрослеет и возьмётся за ум. Я уверен, потеряв надежду, его величество передаст титул наследника достойному его высочеству Дорану. Ох, госпожа, политика заставит вас скучать.

Совсем нет.

— У кронпринца настолько плохая репутация?

Одно дело играть перед лордами, поддерживающими принца Дорана, но я не ожидала, что в народе Римана не любят.

— Госпожа, — шатен моментально понижает голос, — об этом нельзя говорить так свободно.

— Оу..., — я прикрываю рот ладонью, оскорбление короны — это действительно серьёзно, лучше вернуться к предыдущей теме. — Хм, а что же? Неужели кронпринц Рима оплатил экспедицию Безумного капитана?

Глава 16

До мужчин начинает доходить, что я излишне напориста. Шатен наклоняет голову к плечу, взгляд его тяжелеет:

— Госпожа, чем вызваны ваши расспросы, м?

— Ах, всего лишь любопытство, — я стараюсь улыбнуться, как можно невиннее.

Я тоже по-новому оцениваю ситуацию. Что-то я слишком увлеклась, а на волне эйфории от побега русого прилипала, неоправданно уверилась в собственной безопасности. А ведь я до сих пор без защиты. Впрочем, информацию я получила по-настоящему важную, многообещающую, в воображении я уже купаюсь в золоте.

Шатен скептически поджимает губы. Я не настаиваю:

— Простите, что побеспокоила. Я не смею вам больше докучать, — я поднимаюсь из-за стола и указываю официантке. — Я нарушила уединение господ. В качестве моего извинения подайте им вино или что они пожелают за мой счёт.

Сама же отхожу подальше и усаживаюсь за столик у окна. Официантка опускает поднос и выставляет передо мной блюда: рыбный суп, запечённое мясо, кувшин с компотом и целая корзинка сладких, истекающих вареньем пирожков. Мужчины продолжают настороженно на меня поглядывать, но преследовать не пытаются.

Решено! Сразу после обеда сажусь в экипаж. Хватит с меня прогулок, но не приключений. Есть у меня пара безумных идей...

Я почти не чувствую вкуса супа. Заглушив голод, я больше не могу думать о еде, хочется немедленно воплощать планы в жизнь, азарт подстёгивает, однако, увы, прямо сейчас мои возможности не соответствуют моим желаниям. Но это не значит, что надо сидеть сложа руки и ничего не предпринимать!

Безумный капитан, без сомнения, очень интересная личность, и для начала я собираюсь с ним познакомиться, причём не откладывая.

Покончив с обедом, я подзываю официантку и расплачиваюсь за свой обед и за пиво, которое, воспользовавшись моим предложением, заказали мужчины. Я становлюсь беднее всего на пятьдесят два линя, хотя ожидала, что заплатить придётся не меньше рифа. Приятное место, даже немного жаль, что вряд ли я здесь ещё окажусь.

Я выхожу на улицу, подхожу к кучеру:

— Дальше...

— Леди, вы не собираетесь вернуться домой? — несколько прохладно перебивает кучер.

— Я причинила неудобство, — я без колебаний вкладываю в его ладонь ещё три рифа.

Взгляд кучера моментально теплеет:

— Леди, куда прикажете доставить вас?

В «Сбежать от чудовища» упоминалось, что столица Лависа стоит на море, то я могла бы отправиться в порт, но матросы и грузчики — публика, не внушающая доверия. Да и зачем мне матросы? Где я там среди них буду нужного мне человека искать?

Чёрт, я даже не знаю, как называется его корабль.

— Туда, уважаемый, где собираются капитаны судов.

А ведь начиналось всё с хорошего законника...

— Леди, я, кажется, ослышался.

— Мне нужно место, где собираются капитаны судов, — повторяю я и ныряю в салон.

Кучер не отказывается, захлопывает дверцу, и экипаж трогается.

Я же торопливо задёргиваю штору и вызываю ноутбук, кликаю по иконке «Системы». Где-то там, в каталоге, болтался путеводитель. Естественно, путеводитель мне не нужен. А вот глобус... Капитану не придётся идти наугад, благодаря мне шансы на успех экспедиции вырастут в разы. Хах, я должна

стать самой богатой женщиной Лависа, и уж точно превзойти по богатству короля. Соперничать с Риманом мне вряд ли удастся.

Кстати, не понятно, если Великая королева была в «Системе» и могла купить карту любой степени детализации, почему она этого не сделала и почему не попыталась добраться до новых земель первой?

Я бегло просматриваю предложенные каталогом варианты. Глобус диаметром в метр вроде бы совсем неплох и стоит всего двадцать шесть карат, в то время как на моём счету накопилось уже сорок семь. Отлично — я смогу сделать покупку в любой момент.

Захлопнув ноутбук, я приоткрываю штору. Едем мы уже довольно давно, даже укачивать начинает. Дома за окном больше не каменные, а деревянные, всё чаще одноэтажные и длинные, неказистостью похожие на бараки. Мы попали в бедные районы?

Ещё через четверть часа экипаж останавливается, кучер открывает дверь:

— Прибыли, леди. Капитаны и их помощники часто гуляют вон в том кабаке.

— Вот как?

С первого взгляда видно, что эта часть города совсем не похожа на благополучный центр. Даже в условном центре я умудрилась нарваться. Что-то мне не хочется выходить из экипажа...

Оглядевшись повторно, я поймала парочку недружелюбных взглядов прохожих. Хорошо, что на этой улице малолюдно. Я прикусываю губу. Кучера попросить сходить? Остаться одной всё равно страшновато. Как-то я не продумала этот момент. Но не поворачивать же обратно! Я решительно огибаю экипаж, прищуриваюсь. Самые любопытные — это дети, и мальчик, сидящий на нижней ветке корявого дерева вполне может решить мои затруднения. Я маню парнишку рукой.

Мальчик, качнувшись на ветке, мягко спрыгивает, выпрямляется и неторопливо подходит, ещё и смотрит... вроде голову задирает, а ощущение, что сверху вниз взирает. Забавный гордец. Я показываю между пальцами монету в пятьдесят линий.

— Какая красивая госпожа, — ухмыляется малец.

Пфф!

— Безумный капитан здесь? — киваю я на кабак.

— Нет, госпожа, не здесь.

— А где я его найду? Дружище, тебе нравятся кругляши в моих руках, а мне нравятся правдивые байки. Ты меня понимаешь?

Мальчик расцветает на глазах?

— Госпожа, у тебя несколько... кругляшей?

— Порадуй меня, и я не обижу.

— Пойдём, отведу, госпожа. Здесь недалеко, через квартал.

Я ещё раз оглядываюсь. Капитаны и их приближённые, конечно, не матросы, но идти открыто — нарваться на неприятности.

— Садись на облучок и показывай, — хмыкаю я и возвращаюсь в салон.

Мальчишка провожает меня взглядом, хмурится, но не спорит, и через минуту экипаж трогается. Я больше не зашториваю окно полностью, лишь прикрываю проём, чтобы скрыться от чужих глаз, а сама поглядываю наружу — нельзя исключать, что мальчишка попытается заманить нас в ловушку. Но кучер кронпринца не должен дать себя одурачить, верно?

Неожиданно, но перемены за окном в лучшую сторону. Мы останавливаемся неподалёку от простого, но каменного здания, этакая трёхэтажная коробка с приплюснутой крышей. Над входом табличка сообщает, что здание принадлежит некой судоходной компании.

Мальчика указывает в проход между зданием и складом:

— Госпожа, Безумный капитан живёт здесь, но я не знаю, какое окно его...

Я бросаю мальчику один риф — заслужил, если не обманул.

— Пятьдесят линей, если узнаешь, где именно капитан.

Мальчишка принимает задание, ухмыляется и перебегает дорогу. Хорошо, что мы остановились, немного не доехав. Обогнув здание, мальчик пропадает из вида. Минут пять-семь приходится подождать. Парнишка возвращается. Судя по довольному выражению лица, он вызнал. Мальчик вполне уверенно заявляет, что мне нужно на второй этаж, левый коридор, вторая дверь справа.

Я прекрасно осознаю, что он может лгать, но мне уже не терпится добраться до капитана, поэтому я отдаю обещанное вознаграждение и прикусываю губу — как мне прорваться через парадный вход.

Мальчик, золотко, понимает моё затруднение:

— Госпожа, пойдём, покажу боковой вход.

— Как тебя зовут? Возможно, в будущем мы подружимся? — мне нужен шустрый помощник, умеющий добывать нужную мне информацию и не задающий лишних вопросов.

— Гэм, госпожа.

Парнишка догадывается придержать для меня дверь и указать, в какой стороне лестнице. Поднимаюсь я уже в одиночестве.

Удивительно, что меня никто не останавливает, здание вообще кажется вымершим. По уму мне следует развернуться и уйти, пока не попалась на проникновении в частные владения, но азарт подстёгивает, и я стучусь во вторую дверь справа. Вот сейчас я и узнаю, пьёт ли шампанское тот, кто рискует. Или получает люлей.

— Да? — раздаётся из-за двери сиплый простуженный голос.

...последний шанс передумать.

...надо побывать в порту и посмотреть на корабли — может быть, можно неплохо подогреться, продавая скачанные в интернете чертежи парусников?

...чёрт, я даже забыла узнать, как капитана зовут.

— Добрый день, — я вхожу.

Помещение напоминает помесь кабинета и гостиной. Во всю ширину боковой стены висит гигантская карта мира.

В комнате, не считая меня, всего один человек. Мужчина лет сорока сидит на диване, вытянув ноги а низкий столик. Красные шаровары и синяя жилетка, надетая на голое тело, совсем не похожи на капитанскую форму. Тёмная от солнца и огрубевшая под солёными ветрами кожа выдаёт в нём мореплавателя. Тёмные волосы небрежно стянуты в хвост и перекручены ниткой с золотыми бубенчиками, лицо гладко выбрито, изрезано глубокими морщинами.

— Госпожа, чем обязан? — мужчина берёт с блюда короткую виноградную кисточку и вместе с веткой закидывает в рот.

— Простите, что потревожила. Это вы капитан, искавший финансы для кругосветной экспедиции?

— Хм? Допустим, а что?

— Я хочу вложиться в вашу экспедицию.

— У вас есть столько денег, госпожа? — очевидно, что капитан мне не верит и, похоже, я начинаю его раздражать.

— Сколько нужно?

В моей схеме эта я та, кому будут платить, но почему бы не узнать?

— Семнадцать тысяч рифов.

Оу...

— Деньги будут, — уверенно заявляю я. — Но сперва давайте обсудим детали и по всем правилам заключим контракт?

Сзади раздаётся тактичное покашливание.

Вздвогнув, я резко оборачиваюсь.

— Шелли, дорогая, откуда у вас семнадцать тысяч? — в коридоре, облокотившись на стену, стоит его высочество кронпринц.

Риман расплывается в счастливой ухмылке, будто он рад поймать меня на лжи.

И от неожиданности я брякаю чистую правду:

— Пока таких денег нет, но я подумывала вынести их из вашей сокровищницы.

Глава 17

Выражение его лица медленно меняется, будто Риман не сразу осознаёт смысл фразы, уголки губ опускаются, ухмылка исчезает, а взгляд становится острым, хищным. Риман делает тягуче-плавный шаг ко мне, в его движении чудится кошачья грация.

— Вы меня не так поняли, ваше высочество, — поспешно заверяю я.

Я не собиралась красть! Я собиралась честно развести кронпринца на деньги. Показала бы ему глобус, рассказала о путешествии Колумба, убедила. И как посредник получила бы свою долю.

— Шелли, что именно я не понял? Что вы рассматриваете мою сокровищницу как ваш личный кошелек? Или что вы имеете достаточно наглости, чтобы перехватить у меня контракт и продать мне же?

— Ну...

Чёрт, почему он такой умный?! Во всём надо искать плюсы. Хотя кронпринц и выглядит разгневанным, я не верю, что он злится всерьёз.

Нас прервал оглушительный хохот. Капитан одной рукой схватился за живот, второй лупит по сидению дивана, тело мелко трясётся, а на глазах аж слёзы выступили, и, перестав дубасить диван, капитан всхлипывает и утирается. Безупречно-грозная атмосфера разбита вдребезги. Хрюкнув напоследок, капитан восстанавливает дыхание, садится ровнее. А капитан и вправду безумец — так откровенно ухохатываться над кронпринцем... Его высочество щурится, но капитан не обращает внимания:

— Леди, пожалуй, я готов заключить с вами контракт, но выбейте мне из этого скупердя девятнадцать тысяч, а не семнадцать.

Риман подталкивает меня вперёд, с грохотом закрывает дверь. Капитан и ухом не ведёт, смотрит на меня с искренним ожиданием.

— Давайте обсудим условия, — улыбаюсь я.

— Шелли, что вы здесь делаете? — перебивает Риман, и вот теперь он раздражён по-настоящему.

Когда я научилась его так хорошо «читать»?

— Ваше высочество, вы уехали по делам, а мне стало скучно, и я отправилась в город. В городе я услышала про капитана и решила в корыстных целях поддержать экспедицию.

Настроение кронпринца вновь меняется, причём кардинально. Он снова похож на затаившегося тигра, отслеживающего жирную добычу.

— Шелли, вы настолько уверены в успехе?

При капитане упоминать перерождение я не буду.

— Ваше высочество, вы ведь бывали в порту и видели как у горизонта появляются суда? Если бы земля была плоской, то корабли по мере приближения просто увеличивались бы в размере. Конечно, они не меняют истинный размер, я имею в виду оптический обман. Но корабли появляются иначе. Сперва — верхушка мачты, затем мачта целиком, и только затем корабль полностью. Судно будто поднимается снизу. Если вы стоите на площадке, а по лестнице кто-то идёт вверх, то сперва вы увидите его голову и лишь в конце — ноги. Разве столь очевидные вещи не доказывают правоту капитана?

— Значит, Шелли, вы убеждены, что капитан, отправившись на запад, найдёт путь в Великую Солнечную империю?

Кронпринц не препятствует мне подойти к карте. Чтобы попасть в империю надо плыть на восток вдоль побережья континента.

— Я думаю, это возможно, — соглашаюсь я.

— Не слышу уверенности.

Риман садится на стол спиной к карте и словно случайно соприкасается со мной бедром.

Я не шарахаюсь, не отступаю:

— Я пришла не ради торговли с Солнечной империей. Я пришла сюда ради новых земель.

Придётся выложить козырь. Возможно, это не самый выгодный для меня ход, но азарт подталкивает меня вперёд. К тому же я докажу кронпринцу свою полезность...

— Капитан, экспедиция в неизведанные воды сопряжена со смертельным риском, верно? Вам бы пригодилась карта тех мест?

— Леди, если была карта, те воды не считались бы неизведанными.

— Почему же, капитан? У мореходов нет карты. Но что, если я скажу, что существует божественная карта мира? Это не лист, — я киваю на стенку, — а вращающийся шар, на котором нет ни одного белого пятна.

— Шелли?

— Теперь вы мне рады, ваше высочество?

Победа крохотная, но это победа над тигром, и она пьянит. Я протягиваю руку, чтобы небрежно стряхнуть с его плеча вымышленную соринку. Риман перехватывает меня за пальцы.

— Леди, у вас действительно есть такая карта?! — наши с Риманом игры капитану совершенно не интересны, он грубо втискивается между мной и кронпринцем. — Леди?!

— При себе божественной карты у меня, естественно, нет, однако у меня есть способ её получить. Скромная пятая доля от прибыли меня вполне устроит.

— Шелли, как верноподданная Лависа, разве вы не должны передать мне это сокровище без всяких условий? — принц спрыгивает со стола и одним лёгким движением, оттесняет капитана.

Я прищуриваюсь:

— Ваше высочество, как верноподданная, я должна передать божественную карту не вам, а королю.

Кронпринц не находит, что возразить.

— Забудь об этом, — отмахивается он.

— Ваше высочество, поскольку меня нельзя в полной мере считать подданной Лависа, естественно, я приберегу божественную карту для вас, ведь я на вашей стороне.

Хохотнув, капитан больше не пытается влезть, он плюхается в ближайшее в кресло и закидывает руки за голову. Вид у мужчины не просто расслабленный, если бы не грубое лицо и лишённая элегантности одежда, капитан был бы похож на какого-нибудь шейха, лениво наблюдающего за трупной, специально для него устроившей занятное представление.

Естественно, ни я, ни Риман не продолжаем.

Я про себя вздыхаю. Про долю прибыли, похоже, придётся забыть. Риман умеет быть щедрым, но и считать деньги он тоже умеет. Ладно, я вполне готова обменять глобус на свою свободу и некую сумму, достаточную, чтобы купить дом в тихом безопасном районе и нанять хотя бы нескольких слуг. Дома меня обслуживали мультиварка, стиралка, пылесос. А здесь как? Свои лапки мне точно жалко.

Из размышлений, что кому и как продать за дорого, меня выдёргивает неожиданное предложение.

— Леди, как насчёт того, чтобы стать моим младшим капитаном?

— А?!

— Я рассчитываю, что в экспедицию отправится не менее семи судов, один из кораблей возглавите вы. Как насчёт этого?

— Вы шутите, — поняла я.

Капитан отрицательно качает головой, хвост на его затылке задорно подпрыгивает.

— Леди, я абсолютно серьёзен. Вам не о чём беспокоиться. Я дам вам опытного помощника, и он справится со всеми рядовыми вопросами. Пока мы дойдём до Окраинного архипелага вы освоите азы, а Окраинный архипелаг станет для вас суровой школой мореходства. Стремительная решительность, граничащая с безрассудством и безусловная удачливость — это те качества, которые мне нужны. Вы согласны, леди?

Поёт морской дьявол сладко, в его словах даже есть определённая логика, но отделаться от мысли,

что капитан смеётся надо мной, у меня никак не получается. И как я должна ответить? Даже обидно, что капитан так легко поставил меня в тупик.

Кронпринц расхохотался:

— Шелли, не думайте слишком много. Не важно, что вы отправитесь в экспедицию младшим капитаном. Когда от берега будет достаточно далеко, вас всегда можно понизить. Зато, как младший капитан, располагая картой, вы должны будете предоставить её бесплатно, — и щёлкнул меня по кончику носа указательным пальцем.

Они издеваются, да? Что один, что второй. Я просто задыхаюсь от возмущения!

Кронпринц расплывается в счастливой ухмылке.

Я со злостью оборачиваюсь к капитану.

Тот примиряюще вскидывает ладони:

— Леди, не слушайте этого узколобого! Я ни в коем случае не собираюсь красть у вас карту. Клянусь, я ни за что не обижу столь очаровательную особу! Я собираюсь украсть вас целиком вместе с картой у его высочества.

— Что?

Капитан легко выпрыгивает из кресла, останавливается передо мной, прижимает правую ладонь к сердцу и даже склоняется в намёке на поклон:

— Леди, я холост. Не смотрите так, я вас не тороплю. Как насчёт того, чтобы вы ответили на моё предложение руки и сердца во время празднования успешного завершения экспедиции?

— Леди не свободна, — Риман отвечает вместо меня, причём резко. Очень резко.

Капитан выгибает бровь, и в следующий миг капитана от меня заслоняет широкая спина Римана:

— Почему бы вам не заняться делом, капитан?

— О, точно! Леди, давайте займёмся делом? Я покажу вам корабль, а завтра мы начнём обучение?

— Капитан.

Вроде бы Риман сказал очень тихо, интонация самая мирная, а меня пробирает мороз, в комнату словно лютая зима врывается. Что-то мне уже совсем не хочется никуда с капитаном отправляться, даже на экскурсию по столице. Я осторожно выглядываю из-за плеча Римана. Капитан щурится с нескрываемой насмешкой, но молчит. Тишина действует на нервы, повисшее в комнате напряжение почти что физически искрит. Честно говоря, я не понимаю реакцию Римана. Ясно же, что никуда я не поеду, останусь при нём, так чего злиться? Тем более власти Римана хватит, чтобы посадить меня под домашний арест или оставить во дворце без права выхода.

Мда, Римана лучше не злить.

А капитан мне нравится, сразу чувствуется — родственная душа. Пару уроков как дёргать тигра за усы, я бы точно взяла.

Капитан, словно не замечая давления, расслабленно откидывается на спинку кресла, смотрит.

Риман рывком разворачивается, подхватывает меня под руку, и я едва успеваю за ним к выходу:

— Нам пора, — цедит Риман вместо прощания.

Вслед нам летит весёлый смех Безумного капитана.

Глава 18

Риман хмурится, пока провожает меня до экипажа. Мне не нравится его дурное настроение, а ещё я задаюсь вопросом, откуда такая острая реакция на слова капитана. На ум приходит только одно объяснение: ношение отравленного браслета не прошло бесследно. Хотя необратимого воздействия на разум удалось избежать, эмоции Риману явно трудно контролировать, не говоря уже о том, что на протяжении нескольких лет Риману постоянно мотают нервы.

— Я слышала, из Солнечной империи прибывает большая делегация.

— Да, а что?

— Возьмите меня с собой, и я украду для вас славу принцессы Оливии.

Кронпринц задумывается лишь на секунду. Жестом отдаёт какой-то приказ и забирается следом за мной в мой экипаж.

Я торопливо сдвигаю в сторону свои сокровища: яйцо и купленные книги.

— По магазинам пробежалась, — поясняю я, не уточняя деталей.

Уверена, его высочество позднее поинтересуется моими покупками, уж больно цепкий взгляд он бросил на стопку, однако показать покупки и отчитаться он не просит.

— Шелли, вы что-то вспомнили? — напряжённо торопит он.

Ну вот, плохое настроение испарилось без следа.

— Я сперва не придавала значения, в пророчестве это был довольно проходной эпизод. Ваше высочество, вы уже знаете, что в этот раз прибывающая делегация будет действительно большой? Посла и его помощников будут сопровождать жёны и дочери. Насколько я понимаю, это первый раз, когда в составе посольства будут женщины. Я имею в виду знатные женщины, а не служанки.

— Верно. Мы ведём переговоры об открытии постоянного посольства Солнечной империи на территории Лависа. Это существенно укрепит наши отношения и выведет на их новый уровень.

— На приёме в честь прибытия делегации Солнечной империи из уважения к гостям и их традициям король прикажет разделить зал на мужскую и женскую половины.

— Да, король отдал такой приказ. И?

— Каждую знатную женщину Солнечной империи будет сопровождать пара служанок. Представляете, сколько всего слуги смогут принести с собой? Под предлогом добрых намерений гости прикажут подать на стол национальные блюда. Не знакомые с кухней Солнечной империи аристократки Лависа попадут в затруднительное положение. Как и принцесса Оливия. Но она сможет справиться с непредвиденной ситуацией и достойно себя показать. Я же, заранее зная, чего ждать, превзойду принцессу Оливию. Я буду сиять. Что скажете, ваше высочество?

— Что вы окажете мне услугу.

— Услугу? Какую услугу? Я всего лишь вношу вклад в меру своих скромных сил в наше счастливое будущее.

— А?! — кронпринц чуть ли не подпрыгивает.

— Ваше высочество, — успокаиваю я со смехом, — ваша победа обещает мне процветание. Неудача же обернётся для меня катастрофой, не думаю, что принцесса Оливия позволит мне спокойно жить. А вы о чём подумали? Кстати, нельзя ли отвлечь вашего младшего секретаря?

— Что вы хотите, Шелли?

— Досье. Кто я? Кто такой лорд Зеер и по какому праву он меня опекает? Есть ли у меня личное имущество? Может быть, банковские вклады на моё имя? Как избавиться от опеки и получить самостоятельность?

— Сделаю.

— Ваше высочество, вы чудо! Кстати, раз уж мы заговорили о политике, не могли бы вы прояснить для меня некоторые моменты?

Кронпринц пожимает плечами:

— Спрашивайте, Шелли, — объяснять прописные истины ему явно не интересно, но он не отказывает.

Я решаюсь:

— Почему вы так враждебны к Карансу, ваше высочество? — я должна это понять.

Ни о чём не заботясь, плыть по течению я... не могу. Я не могу со спокойной душой помогать тому, кто собирается начать кровопролитную войну. Но я верю Риману. Да, он хищник, умеющий отдавать жёсткие приказы. Но он не жестокий и уж точно не бессмысленно жестокий. Причина обязательно есть.

С минуту мой вопрос остаётся без ответа. Наконец Риман спрашивает:

— Что вы знаете о Дашале, Шелли?

— Ничего.

Только то, что Риман упоминал короля этой страны, и почему-то обрадовался, что в пророчестве о Дашале не было ни слова.

Взгляд кронпринца становится слегка рассеянным:

— Это островное королевство к северо-западу от Лависа. Когда мне было шесть половиной лет объединённые флоты Каранса, Вигении и Лериата ударили по Дашалю и стёрли его с политической карты. Не захватили, а именно уничтожили. Стариков убивали, молодых вывозили и продавали в рабство. Наследник был казнён, и я не буду рассказывать леди о тех зверствах, которым его подвергли.

— Ваше высочество...

Риман словно не слышит, продолжает:

— Лавис полуостров с очень короткой сухопутной границей. Фактически, Каранс и Вигения отрезают нас от континента. Пока у нас есть мощный флот, они ничего не предпринимают. Однако, как показал пример Дашаля, даже самый мощный флот однажды может быть отправлен на дно. Для Каранса и Вигении Лавис не больше, чем вкусный пирог, начинённый сладкими ресурсами. Возможно, прозвучит парадоксально, но я, Шелли, не хочу трона, не хочу короны. Я был бы рад, если бы правил кто-то другой, не я. Но мне не оставили выбора. Я должен защитить свой народ.

Надо остановиться, не ковырять болезную тему, но:

— Король не разделяет ваших опасений, ваше высочество?

— Я действительно не знаю, о чём думает отец. Наш союз с Дашалем заключила ещё Великая королева Тарина. За столько поколений наш союз стал по-настоящему братским. Ха, отец послал Дашалю на помощь всего десять кораблей. Якобы он боялся, что на нас нападут и не рискнул ослаблять морские границы. По мне, так это жалкая отговорка.

То, что не произносит Риман, произношу я:

— Предательство.

Риман улыбается уголком губ:

— Да, отец совершил предательство.

Меня снова мороз пробирает от его тона, от его взгляда. Я молчу, не осмеливаясь заговорить. Я чувствую, что осталось что-то ещё, что-то очень личное. Риман смотрит вперёд невидящим взглядом. Он вспоминает?

Риман ухмыляется, но в этот раз с нескрываемой горечью:

— Лериат тогда получил большой куш и успокоился, а Каранс и Вигения не осмелились уничтожить вторую страну подряд и выбрали «мягкий» путь. Отец... он принял их условия.

— Почему?

— Не знаю... Если бы он отказался, Каранс и Вигения бы неизбежно напали. Я не знаю, почему он не осмелился выступить против них. Возможно, считал, что у Лависа не хватит сил остановить

вторжение двух стран. Он подписал мирный договор и женился повторно на принцессе Вигении.

А?!

А мать Римана? Почему мне кажется, что её убили? Убил... король? Боги...

— Мама жива, — Риман словно мысли читает, или, что вернее, весь ужас написан у меня на лице. — Мама родом из Дашаля. Она отправилась в монастырь оплакивать погибшую родину. Это официальное объяснение, которое дал отец, когда выслал её под конвоем. Долг королевы думать о новой родине, мамина репутация была подорвана. И как правительницы, и как матери, ведь для всех выходило, что она бросила меня ради молитв. Отец заставил её написать прошение, в котором она умоляет позволить ей остаться в монастыре. Он передал письмо Совету и аннулировал брак, а через два года женился на принцессе Вигении.

Из «Сбежать от чудовища» я знала, что только младший принц сын нынешней королевы. Теперь всё встало на свои места.

— Она...?

Риман понимает меня с полуслова:

— Мама в монастыре, под слежкой. Мне запрещено её видеть. Когда она смогла передать мне сплетённые её руками браслет..., — Риман судорожно вдыхает, закрывает глаза, отворачивается. — Я совершил ошибку, которой от меня ждали.

— Мне очень жаль, ваше высочество.

После всего, что я услышала, я просто обязана ему помочь.

В этом и была причина откровенности?

— Шелли, я сказал, что не хочу трона. Это неправда. Хотя трон не нужен мне сам по себе, я должен его получить, чтобы освободить маму.

Глава 19

Экипаж сотрясает удар, раздаётся ржание лошади, я чувствую рывок и крепкие объятия. Риман прижимает меня к себе с такой силой, что почти невозможно дышать. Экипаж странно подпрыгивает, кренится, в тот же миг брызгают стёкла правого окна. К счастью, осколки сдерживают штора. Риман ослабляет хватку. Если бы не он, я бы наверняка упала. В лучшем случае что-нибудь сломала, в худшем — ударилась виском.

— Ложись!

Риман дёргает меня вниз, запястье отдаётся болью. Свист, колебания воздуха, стрела с гудением вгрызается в спинку сидения напротив.

— Ик, — выдаю я вместо крика и зажимаю рот ладонью.

На нас напали?

Но кто? Откуда? Ещё секунду назад мы спокойно разговаривали...

Лошади смолкают, и это почему-то пугает. Стрела не напугала, удары не напугали, а от повисшей тишины в дрожь бросает.

Риман перехватывает меня за талию. Круговерть перед глазами, новая вспышка боли, я теряю ориентацию в пространстве, и лишь когда Риман отпускает меня, я открываю глаза. Экипаж упал на левый бок, под ногой хрустит разбитое стекло. И снова, если бы не штора, я бы порезалась. Я перевожу взгляд на Римана. Он прислушивается к звукам снаружи.

Куда делись его телохранители? И как нас выследили?

В «Сбежать от чудовища» нападение на экипаж не упоминалось!

— Берегись!

Риман срывает с себя камзол, выставляет над собой на манер щита, а сверху падет... Я не успеваю понять, что именно. Горящая тряпка? Риман отбрасывает её в сторону от нас. Пламя, лишённое под плотным камзолом, кислородной подпитки должно погаснуть, но вопреки законам природы, оно яростно разгорается, пожирает обивку, перекидывается на штору.

Моя юбка...

Я почти машинально подбираю с пола свои покупки и яйцо, прижимаю к себе. Неужели это конец? Не так страшен огонь, как едкий дым, заполняющий салон. Риман методично ощупывает заднюю стенку. За треском пламени кажется, что панель сдвигается абсолютно бесшумно. Риман оборачивается. Я отчётливо понимаю, что ему гораздо проще выбраться одному, сейчас не более, чем балласт, помеха.

Дышать уже нечем.

— Соберись.

Риман вскидывает руку, перед проёмом вспыхивает синий узор из незнакомых символов. Стерла летит прямо на нас, но, попав в рисунок, виляет и отклоняется, уходит в бок чуть ли не под прямым углом. Риман перекидывает меня через плечо и вместе со мной выбирается на мостовую.

Почти сразу я оказываюсь на ногах и всё также бестолково прижимаю к себе книги и яйцо. С пальцев Римана срывается искристое сияние и кометой устремляется вперёд. Раздаётся крик, с крыши ближайшего здания падает лучник.

Я не успеваю понять, откуда взялся маг. Его удар приходится на щит, и щит теряет яркость, рисунок стремительно бледнеет. Маг собирается повторить удар. Наконец, вмешиваются телохранители Римана. Несколько мужчин в знакомой военной форме.

— Шелли, идём, — Риман тянет меня прочь от горящего экипажа.

Я крепко вцепляюсь в его руку.

Как же права была магичка, посоветовав все силы бросить на учёбу...

— Вы спасли мне жизнь, ваше высочество.

— Хочешь сказать, что теперь мы в расчёте? — усмехается он.

Наверное, его улыбка должна была меня успокоить, но вопреки логике меня начинает потряхивать. В горящем экипаже я держалась, а стоило оказаться в относительной безопасности, выдержка мне изменила.

Я всхлипываю, зрение застилают слёзы. Я одновременно пытаюсь и сдержать истерику, и отвернуться, чтобы не мешать. Надо просто потерпеть до дома, в свой спальне я смогу выплакивать пережитое, сколько душе угодно. Ещё один всхлип. Мне почти удаётся взять эмоции под контроль.

— Шелли? Всё закончилось, теперь всё хорошо.

Лучше бы он молчал! Слёзы хлынули потоком.

Я мотаю головой, пытаюсь отстраниться, но Риман не позволяет. Он притягивает меня к себе, совершенно не беспокоясь о намокающей рубашке. Разве ему не противно? Риман гладит мне по волосам, по спине, уговаривает.

Я не знаю, сколько это длилось. Я вдруг поняла, что Риман больше ничего не говорит, а я не плачу, просто стою, и он меня поддерживает.

— М? — я поднимаю голову, смотрю ему в лицо.

Риман выглядит искренне обеспокоенным:

— Как вы, Шелли?

— Спасибо.

Это мой голос звучит столь безобразно слабо?

— Шелли, потерпите немного. Я должен кое-что здесь закончить и скоро увезу вас отсюда.

— Да...

Надо же, Риман умеет быть таким уютным, заботливым.

Он отводит меня подальше от чадающего экипажа и оставляет под защитой одного из своих гвардейцев, давно запленивших улицу. Впрочем, я не уверена, что мужчин в форме называть гвардейцами правильно. Мало ли, какой у них на самом деле статус... Я стараюсь отвлечься на что угодно, лишь бы не думать о покушении, но мысли постоянно возвращаются к одному и тому же — рядом с кронпринцем опасно.

Опасно-то опасно, но вопреки здравому смыслу уходить не хочется. Вроде бы знакомы едва-едва, а Риман каким-то чудом уже захватил моё сердце. Он стал мне дорог, важен. Как друг? Как брат? Я отчётливо осознаю, что парой нам не быть, я слишком горда, чтобы позволить своему мужчине быть не только со мной, но и с другой женщиной, а это неизбежно, ведь кронпринц не может позволить себе такую роскошь, как жениться на простой аристократке — не на принцессе или хотя бы герцогине. Не в положении Римана рисковать, ведь его положение и без меня шаткое. Буду думать о кронпринце как о друге... Почему-то на душе становится горько, а сердце колет заноза, я никак не могу отделаться от мысли, что Риман был со мной откровенен не из доверия, а из расчётливого желания получить мою преданность.

Чёрт!

Почему, когда дело доходит до мужчин, я оказываюсь совершенно недотёпистой?

— Леди? — замечает моё состояние гвардеец. Пока не узнаю как правильно, буду мысленно называть их гвардейцами кронпринца.

Хм, вроде бы в «Сбежать от чудовища» упоминалось, что есть гвардейцы, подчиняющиеся королю и есть — подчиняющиеся наследнику.

— Я в порядке.

— Ложь, — рядом возникает Риман и протягивает мне чашку. — Осторожнее, может быть горячо.

Откуда?

Я не спрашиваю, с благодарностью принимаю чай, делаю глоток. И правда горячо, но не обжигает. От чая приятно пахнет мятой и специями. На вкус слегка необычно,пряно.

Риман встаёт рядом, приобнимает за плечи. Приятно, но...

— Мне нужно дождаться первых результатов магической экспертизы, и поедem, — Риман отвечает на мой вопрос раньше, чем я задаю его вслух.

— Вы мысли читаете, ваше высочество?

Риман усмехается:

— У вас, Шелли, очень выразительное лицо.

А читает или не читает мысли, не признался. Впрочем, если и читает, пусть, мне не жалко.

Ожидание затягивается. Я неторопливо цежу по глотку, но чай всё равно заканчивается. Риман лично забирает у меня пустую чашку и передаёт гвардейцу. По ощущениям, часов у меня нет, так что могу лишь гадать, ориентируясь на чувство времени, проходит около четверти часа.

Из-за прогоревшего экипажа выходит поджарая седовласая женщина, затянутая в глухое чёрное платье. На лице женщины выделяется крупный орлиный нос. Женщина не доходит до нас трёх шагов и кланяется кронпринцу по-мужски, приложив ладонь к груди.

— Графиня, я много раз говорил, что церемонии излишни.

Женщину слова его высочества ни капли не заботят. Бросив на меня настороженный взгляд, она отвечает с резкими неприятными интонациями, будто отчитывает непутёвого сорванца:

— Вы мой государь, сир.

Эм? Чутьё подсказывает, что я не поняла смысла, скрывающегося за фразой.

Риман устало вздыхает:

— Как вам угодно, графиня. Хотя мне жаль, что вы отказываетесь принять моё к вам глубочайшее уважение. Вы что-то обнаружили?

Глава 20

Женщина, не скрываясь, выразительно переводит взгляд на меня, явно намекая, что я при разговоре лишняя, однако кронпринц считает иначе:

— Графиня, прошу, говорите при леди Шелларе свободно.

Доверие? Хм...

— Как прикажете, сир. И у стрелка, и у мага татуировки ворона. Два и три пера, соответственно. Предполагаю, что татуировки подлинные. Дать точный ответ я смогу только после детального изучения не раньше завтрашнего утра.

— Благодарю, графиня. Пожалуйста, прежде всего побеспокойтесь о своём здоровье. Можете считать, что это приказ.

— Да, сир.

Почему «сир», а не «ваше высочество»? Да ещё и в начале графиня обратилась к Риману, не «кронпринц», а «государь». Если вспомнить, что Риман спрашивал меня о короле Дашаля... Риман как раз подаёт мне руку, помогая забраться в экипаж, как две капли воды похожий на сгоревший. Поймав мой полный подозрения взгляд, Риман подмигивает.

Экипаж трогается, и меня передёргивает, хотя я стараюсь скрыть, насколько мне не по себе. Риман ничего не говоря обнимает, дарит ощущение тепла и защиты.

— Кучер...? — спрашиваю я.

— Тяжело ранен, целитель сказал, что шансы хорошие.

Я вздыхаю. Если бы я сразу вернулась домой... Несчастье произошло бы с кучером, управлявшим экипажем Римана. Мда...

Риман щёлкает пальцами, воздух наполняется светло-голубым сиянием.

— Полог тишины, — с улыбкой поясняет Риман. — Шелли, вы на удивление сообразительны. Вы догадались?

— Смутно. Вы король уничтоженного Дашаля?

— В яблочко, — Риман усмехается, но тотчас его улыбка меркнет, а взгляд становится похоронно-мрачным. — Поняв, что союзник предал, что помощи не будет и что Вигения, Каранс и Лериат не удовлетворятся признанием поражения, а устроят кровавую резню, король Дашаля использовал родовой артефакт и призвал Призрачный флот. Сотни павших кораблей восстали в середине ночи. Они возникали прямо на улицах, скользили по воздуху, как по воде. К рассвету Призрачный флот перенёс всех дашальцев на острова Крайнего архипелага и исчез. Король заплатил за призыв своей жизнью, он исполнил свой долг, спас свой народ от истребления.

— Ох...

— Наследник был казнён победителями, прямая линия оборвалась. Корону и скипетр могла бы унаследовать мама, но вы знаете, Шелли, она заперта в монастыре, надёжно охраняется, до неё не добраться. Дашальцы обратились ко мне. Королевские регалии меня приняли. Шелли?

— Ваше высочество, не поймите меня неправильно, но... зачем им понадобилось искать вас, отдавать вам власть? Разве не проще сменить династию?

— Каждый дашалец в день своего совершеннолетия приносит магическую клятву верности.

— Ясно...

— Дашальцы нашли для меня хорошего учителя, именно он посоветовал мне не расставаться с бутылкой и стать бесполезным идиотом. Каранс и Вигения опасаются реакции соседей, поэтому идут «мягким» путём. Не убили, а попытались свести с ума...

— Ваша скверная репутация ваша защита, — это я давно уже поняла.

— Верно.

— Но теперь на вас напали. И это было покушение не на рассудок, а на жизнь.

— Знаешь, как выглядит война для любого правителя? Это стремительно пустеющая казна. Солдат

нужно кормить, лечить, обеспечивать боеприпасами. Я основал торговую компанию, вожу из Солнечной империи специи, шелка, некоторые украшения и прочую роскошь. Деньги в основном уходят на поддержку дашальцев и строительство военного флота.

— Оу...

— Истинное положение дел знает лишь очень узкий круг моих приближённых. Для всех моя компания ничем не примечательная, посредственная. «Вороны» с двумя-тремя перьями — это мусор, которому покушение на кронпринца никогда не доверят. Ха, уверен, меня заказали как купца конкуренты!

— И чему вы радуетесь?

— Шелли, разве вы не думаете, что они захотят избежать отправки на рудники любой ценой и не сочтут, что подарить мне пару-тройку кораблей это обременительно?

Риман собирается отжать у заказчиков покушения немалую сумму? Какая прелесть! С каждой минутой Риман нравится мне всё больше.

— Ваше высочество, вы не считаете, что сегодня я узнала много лишнего?

— Я смирился, Шелли. Вы изначально знали много лишнего. Шелли, я обещаю, пока вы со мной, я не причиню вам вреда.

Экипаж останавливается, кучер открывает дверцу.

Риман на глазах преображается.

Выражение лица становится беспросветно тупым, Риман дёргает рубашку за ворот, перекашивает его. И в довершение Риман достаёт из-под сидения початую бутылку, Вина осталось на самом доньшке. Вывалившись на мостовую, Риман едва удерживается на ногах, протягивает руку. Предполагается, что помогает выйти, а получается, что задирает ладонь чуть ли мне не в нос.

— Др-рогая-а-а... Кажется, я потря-ал камзол, — во всю мощь лёгких оповещает он улицу.

Я поправляю на плече накидку, чтобы скрыть книги и яйцо, беру его высочество за запястье и тяну вниз. Риман не сопротивляется, без происшествий позволяет мне спуститься на мостовую.

— Спасибо.

— Др-ргая! П-почему нас не встречают? Лорд Зеер меня не уважа-ает?

Улица только выглядит безлюдной. Я замечаю движение штор в окнах ближайших особняков. Из-за угла соседнего здания выглядывает любопытная служанка. Риман тоже замечает, что собрал достаточно внимания, он делает два нетвёрдых шага от экипажа, похоже, из расчёта, чтобы его лучше видели зрители с верхних этажей. И прикладывается к бутылке. Делает вид, что пьёт, а сам проливает остатки на рубашку, от чего на белоснежной ткани расплзается багряное пятно.

Риман смотрит бутылку на свет, переворачивает, трясёт. Из горлышка не вылетает и капли. Перестав трясти, Риман рывкает:

— Офица-а-а! — оборачивается ко мне и утешает. — Др-га-ая, всё будет.

Входная дверь открывается. Риман словно глаза на затылке отрастил. Дверь открывается тихо, а смотрит Риман на меня, но момент подгадывает идеально и бросает бутылку назад. Не в бледного от возмущения лорда, но близко. Бутылка разбивается о стену. Лорд вздрагивает, но вслух возмутиться не смеет.

— Ваше высочество.

Риман оборачивается:

— Ло-орд. Ик.

— Ваше высочество, — вмешиваюсь я. — Добро пожаловать. Проходите, пожалуйста. Уверена, у лорда Зеера найдётся и белое сухое и красное полусладкое.

Риман расплывается в улыбке, кивает и устремляется ко входу. Лорд убраться с дороги не успевает, а Риман цепляется за ступеньку и падает прицельно на лорда, спектакль продолжается. Лорд заваливается на бок, Риман оказывается сверху и громко, с надрывом, кричит прямо в ухо лорду:

— Вы-ы... Вы зачем меня урони-или?!

Да, для большинства аристократов такой наследник во сто крат хуже, чем здравомыслящий принц Доран, за спиной которого союз Каранса и Вигении.

— Ваше высочество! — взвыл ушибленный лорд.

Я стараюсь придать лицу взволнованное, приличествующее ситуации выражение.

— Ваше высочество, позвольте я вам помогу?

Цепляясь за мою руку, Риман поднимается, и я утягиваю его в дом. Полагаю, именно этого и хотел Риман? Если бы он в гости не собирался, то заходить бы точно не стал.

— Др-рогая, вы живёте в столь убогом месте?

— Увы.

— Зачем же вы здесь остаётесь?

— Но...

Опекун, кое-как поднявшийся после болезненных словно случайных тычков локтем, возвращается в дом, потирая бок.

Риман резко разворачивается:

— Лорд, извольте объяснить, почему вы заставляете мою возлюбленную жить в этой конуре! Моей возлюбленной не нравится этот дом.

Неужели? Риман решил сделать мне подарок?

— Ваше высочество, что вы имеете в виду? Этот дом родовой особняк Зеер, достался мне от деда, а деду — от его отца.

— Хм, а где же дом леди?

Не дожидаясь ответа, Риман тянет меня вперёд, на второй этаж. Опекуну ничего не остаётся, как следовать за нами. Риман останавливается на площадке, бегло осматривается. И едва не падает, в последний момент хватается за перила.

— Ваше высочество, по-моему, на сегодня вы перебрали с вином, — озабоченно вздыхаю я.

— Чушь! Вы обещали нам белое полусладное.

Вообще-то я упоминала белое сухое, ну да какая разница.

— Лорд, я спросил, где дом моей леди. Вы меня игнорируете?

— Ваше высочество, у моей племянницы никогда не было дома.

Так, у нас разные фамилии. Я дочь его сестры?

— Невозможно. Как у моей леди может не быть дома? Вы, лорд, считаете меня скупердяем? И смеете заявлять мне об этом в лицо?

Ох...

Риман мотает головой, будто старается разогнать винный туман.

— Ваше высочество, как я могу? — в голосе лорда слышится плохо скрываемое презрение.

Глубоко задумавшись, Риман чуть покачивается, опасно балансируя на верхней ступеньке. Я-то знаю, что он играет, а вот лорд за покачиваниями наблюдает с возрастающим беспокойством и снова неосознанно потирает бок.

— Дорогая, сейчас я всё-о-о устрою. Ваш дом только ваш. Принесите документы.

— Но, ваше высочество, все документы у лорда Зеера.

— Др-рагая, у меня о-очень болит голова. Не докучай мне глупостями, я хочу увидеть документы. Др-рагая, всё для тебя.

Я пожимаю плечами и опережаю опекуна:

— Кабинет лорда Зеера направо. Пожалуйста, ваше высочество.

Глава 21

Подозреваю, что у меня нет ни малейшего права распоряжаться, но поскольку я уже озвучила приглашение, напрямую опровергнуть мои слова лорд не может, и ему остаётся только идти за нами.

Риман же развлекается вовсю. Увидев, вазу с цветами, его высочество преисполняется энтузиазма:

— Др-рагая!

Розу из вазы Риман достаёт успешно и вручает мне, цепляя лепестками по носу. Увлечённая наблюдением за вазой, я почти не обращаю внимания на щелчок, принимаю розу и, чтобы не уколоться, вставляю в причёску. Ваза падает. Без сомнения, выставленная на видном месте, она явно не может быть дешёвой, должна быть веская причина её демонстрировать. Слуг, которые могли бы спасти произведение искусства, поблизости нет. Лорд бросается вперёд, не щадя ног, падает на колени... и успевает поймать вазу у самого пола. Риман царственно не замечает учинённый им беспорядок и позволяет увести себя вперёд.

— Распорядитесь насчёт вина, — приказывает Риман, тем самым лишая лорда возможности войти в кабинет вместе с нами.

— Да, ваше высочество.

Думаю, три-четыре минуты Риман выиграл.

Я распахиваю дверь кабинета.

— Л-лорд?

Из-за конторки вскакивает рыжик, помощник лорда Зеера. Возмущение на его конопатом лице быстро сменяется растерянностью. Как верный секретарь, рыжик должен выставить чужаков прочь, только вот чужаком оказался наследник престола.

Я захлопываю дверь и поясняю рыжику:

— Поскольку лорд Зеер рассчитывает на помощь его высочества, — чистая правда, лорд надеется, что Риман поспособствует карьерному взлёту младшего Зеера, — разговор пойдёт здесь, в кабинете. Пока лорд распоряжается насчёт вина, достаньте документы.

— Какие документы, леди?

Я пожимаю плечами.

Риман добирается до стола, занимает хозяйское кресло и шлёпает ладонью по подлокотнику. Рыжик непроизвольно вздрагивает.

— Все неси, по налогам особенно, — заплетающимся языком перечисляет Риман. — Никто не смеет предъявлять претензии дорогим для моей леди людям. Я пр-р-рав?

— Конечно, вы правы, ваше высочество! — радостно соглашаюсь я и хулигански провожу пальцами по его волосам. Риман прищуривается, на миг выходя из образа.

Рыжик бросает обеспокоенный взгляд на дверь.

— Я долго ждать должен?! — рявкает Риман.

Властный окрик пробирает даже меня, на мгновение возникает острое желание немедленно бежать исполнять приказ, не заботясь о том, что я понятия не имею, где искать документы. Рыжик бросается к одному из стеллажей, одним движением сдвигает папки, за которыми скрывается тайник, открывает панель.

Кажется, до него доходит, что он излишне поторопился, но я не оставляю шанса выкрутиться. Довольно грубо отодвигаю, достаю абсолютно всё, что есть в тайнике. Кипа тянет на добрый десяток килограммов. Я с немалым облегчением водружаю её на стол, и Риман точным движением подгребаёт бумаги поближе.

— Белое полусладкое, ваше высочество, — лорд Зеер лично вносит поднос.

При виде вываленных документов он нервно переступает с ноги на ногу. Риман берёт верхнюю учётную книгу, раскрывает, пролистывает:

— Др-рогая, я со-о-овершенно не разбираюсь в цифрах. И ещё голова-а-а...

— Ваше высочество, позвольте я помассирую?

— М?

Я обхожу стол, встаю рядом с Риманом и начинаю подушечками указательный пальцев нежно растирать виски. Риман что-то невразумительное мычит, запрокидывает голову и создаётся впечатление, что он прямо сейчас уснёт, но Риман внезапно встряхивается, открывает глаза.

— Белое, я давно не пил белого.

— Аж целых полтора часа, — вставляю я.

— Угу, — охотно соглашается Риман, встаёт, выбирается из-за стола. — Др-рогая, я ни-ичего не смыслю в цифрах. Я их кому-нибудь из инспекторов покажу, не волнуйся.

Риман ловко подхватывает кипу, прижимает к себе, а свободной рукой подхватывает за горлышко бутылку. И, пошатываясь, направляется к двери.

— Ваше высочество, я вас провожу! — кидаюсь я следом и подхватываю его под локоть.

Вместе мы спускаемся на первый этаж, лорд Зеер следует за нами, пытается что-то говорить. То уговаривает остаться на обед, то хвастается винной коллекцией, то предлагает сменить запачканную рубашку и отдохнуть. Словом, делает всё, чтобы задержать Римана и отобрать учётные книги. Риман притворяется глухим, засыпающим прямо на ходу.

— Может быть, вы присядете, ваше высочество?

— Ваше высочество, до экипажа совсем немного.

— Др-ргая, я сделаю, как вы скаже-ете.

— Ваше высочество, пришлите завтра за мной экипаж. Я очень хочу побывать на приёме.

— Слушаюсь, др-рагая.

С помощью кучера Риман забирается в экипаж, падает на сидение, кипа учётных книг рассыпается по сидению. Риман отпивает из горлышка, ставит бутылку рядом, закрывает глаза и смачно хрюкает, имитируя храп.

Оскара его высочеству. За лучшую актёрскую игру. Оpozорился — успешно. Свою несостоятельность как правителя — подтвердил. Добычу — увёз. И бутылку отжал.

Кучер захлопывает дверцу, убирает приставную ступеньку, запрыгивает на облучок и трогает... Я машу экипажу вслед, не обращая внимания, что лорд Зеер в бешенстве. Экипаж скрывается за поворотом. Я нутром чую, что лорд вот-вот разразится бранью. Я опережаю:

— Вот видите, лорд. Его высочество меня слушается. А вы сомневались...

— Т-с-с... — лорд стискивает кулаки.

Ссориться окончательно и бесповоротно ещё рано, да и неизвестно, какую гадость лорд попытается сделать на прощание, так что стоит его на время утихомирить, подбросив вкусную косточку:

— Лорд, завтра после приёма я обязательно попрошу его высочество за Бальзера. Уверена, кронпринц будет в хорошем настроении не откажет в такой мелочи. Не беспокойтесь, я прекрасно осознаю, с кем на самом деле связано моё будущее.

— Хорошо, если так, — кривится лорд, однако я вижу, что он реагирует спокойнее, а значит, наживка заглочена.

Ха-ха, пожалуй, не буду обманывать опекуна и действительно попрошу Римана... устроить Бальзеру дотошную проверку на профпригодность. Вдруг и правда талант пропадает?

Остаться рядом с лордом нет никакого желания, я поднимаюсь к себе наверх, закрываю дверь спальни. Избавляюсь, наконец, от покупок и яйца, которое чудом не уронила, пока тащила Риману учётные книги. Хм, верхняя накидка до сих пор на мне... Мало того, что в спальне ей не место, так ещё она не моя, а одолжена мне леди Зеер. Выглянув, подзываю первую попавшуюся служанку.

— Леди? — удивляется горничная.

Насколько же печальное у меня в доме положение? Служанка явно не привыкла, что я к ней

обращаюсь. Похоже, кроме той пожилой женщины, обо мне вообще никто не заботится.

Ну и хорошо: меньше привязанностей — легче уйти.

Я протягиваю пелерину:

— Отнеси, куда следует. И осторожнее, не оброни брошь, — «и не укради» мысленно добавляю я.

Служанка с поклоном забирает расшитую накидку.

Я захлопываю дверь, провожу по лакированной створке ладонью — ни замка, ни щеколды. Я настолько привыкла жить одна, что вчера о столь очевидной вещи, как запереться, даже не подумала. Теперь я проверяю следующую дверь — из будуара в спальню. Тоже ничего. Чёрт, даже в ванной не закрыться! Наверное, по здешним меркам это нормально, но...

Заклинить дверь, чтобы меня не отвлекли? Гарантированно привлеку внимание...

Надо просто быть внимательнее и прислушиваться.

И заняться делом. Я просто обязана стать сильнее. К тому же дело — лучшее лекарство от нервов. Думать о жаре пламени, пожирающего экипаж я себе запрещаю.

Присев на кровать поверх покрывала, я беру в ладони яйцо, закрываю глаза, чтобы не отвлекаться, и сосредотачиваюсь на ощущении лёгкого покалывания. Магия разлита в воздухе, она везде и безбидно пощипывает кожу, проникает в тело и также свободно исчезает.

Концентрированный магический шар пульсирует у меня в руках, и эта магия воспринимается иначе. Она никуда не течёт, подобно воде, не проходит сквозь кожу, напротив, ощущается чёткая граница. О, так это яйцо такое интересное? Та-ак, наверное, я любой магический предмет смогу учуять? То есть не любой, Риман упоминал, что есть способы замаскировать артефакт под обычную, лишённую чар вещь.

Я переключаюсь на фоновые покалывания и начинаю медленно стягивать магию в себя. Явно не стоит «зачерпывать» слишком много, подозреваю, что это вредно и опасно, но и по капле цедить бессмысленно. Подобравшись к своему пределу, я перенаправляю магию в яйцо. И дважды повторяю урпажнение.

Пока хватит.

Я вызываю ноутбук, открываю «Систему». М-м-м... Мне кажется, или караты начисляются медленнее? Было сорок семь, а стало всего пятьдесят один. Но волноваться пока не о чем, к указанному оператором сроку я успеваю. Плохо, что я забыла уточнить, что будет, если я провалю задание, но узнать уже негде, а гадать бессмысленно. Наверное, какой-то штраф. Вряд ли «Система» станет в отместку вредить моим родителям. По крайней мере, до сих пор я не видела от «Системы» ничего плохого.

Захлопнув ноутбук, я прячу его под подушку и прикрываю торчащие «усы» наушников краем одеяла. К ноутбуку я обязательно вернусь, но после того, как разберусь с покупками. Я кладу на колени перевязанные бечёвкой листы. На самом деле любопытно прочитать пошаговое описание действий, но я ограничиваюсь первой страницей. Исходных материалов-то у меня нет, не на чем экспериментировать.

Та же беда с «Искусством создания магических картин» — нужны, как минимум, лист бумаги и карандаш. К счастью, канцелярские принадлежности раздобыть гораздо легче, так что с книгой мне безумно повезло.

И последняя покупка — свиток, который дочка продавца принесла из хранилища. Я стягиваю удерживающее свиток широкое деревянное кольцо и разворачиваю бумагу.

Глава 22

«Призрачные когти».

Купив кота в мешке, я сорвала джекпот.

Рукописный текст написан мелким убористым почерком. Я быстро пробегаю глазами описание чар и, не в силах поверить свалившейся на меня удаче, внимательно перечитываю. Заклинание создаёт подобие лезвия, только не из стали, а из магии. Длина и количество когтей зависят от силы мага. Новичок едва ли создаст сантиметровую иголку, а мастер сможет выпустить сразу десяток метровых лезвий, имеющих больше сходства с призрачными мечами, чем с когтями. Я облизываюсь, как кошка, урвавшая у хозяйки банку сметаны. Если я освою... Я точно освою!

Я прислушиваюсь к тишине будуара и достаю из-под подушки ноут. Бумага, увы, носитель ненадёжный. Свиток могут украсть, могут порвать. В конце концов, я могу случайно залить его чаем. Ноут — тоже, но ноут у меня теперь волшебный, так что не пострадает даже после купания в океане. Я создаю на рабочем столе папку «Магия», открываю и сохраняю свой первый файл.

Перепечатывание съедает около получаса — чувствую себя первоклашкой, которой задали переписать предложения из азбуки в тетрадь. Мне не терпится попрактиковаться, но я сдерживаю азарт. Спички детям не игрушки, и магия тоже.

Я спотыкаюсь на первом же шаге.

Создание чар условно делится на два этапа: крохами силы нарисовать правильный рисунок заклинания и напитать рисунок энергией. Я видела, как это сделал Риман, когда защищал нас от стрелы. Синий круг с вписанной в него вязью символов, засветился в воздухе.

То есть сперва надо научиться держать в уме довольно сложный чертёж? Я бы справилась, если бы в уме нужно было удерживать что-то вроде заковыристого китайского иероглифа. Но десять таких иероглифов, да ещё и соблюсти их расположение относительно друг друга?! Ох, это всё равно, что пытаться от руки переписать текст, не изучив перед этим букв.

Проще говоря, мне нужна азбука колдовства.

Я открываю каталог «Системы» и забиваю в поиск «учебник магии для начинающих». Я ожидаю, что в результате выпадет не меньше сотни вариантов.

«По вашему запросу ничего не найдено»

— Что?!

Как это возможно?!

Я пробую ещё несколько вариантов запроса, но ответ не меняется.

Разве не должно быть иначе? Чем больше я практикуюсь, тем больше энергии через себя пропускаю. Чем больше энергии я пропускаю, тем больше получает «Система». То есть выдать мне бесплатный учебник магии в её интересах. Однако «Система» не только не выдаёт бесплатно, но и не продаёт в счёт каратов.

— А если «книги по магии»? — бормочу я вслух.

Вот теперь результат появляется. И снова совсем не такой, как я ожидаю. Во-первых, книги касаются каких-то малопонятных тем. «Создание стационарного портала в зоне нестабильной магической аномалии» явно не для меня. Во-вторых, цены. Я сортирую по возрастанию стоимости. За самую дешёвую книгу «Система» прости тысячу семьсот шесть карат.

Бред, как по мне. Чтобы освоить магию, нужен учебник, но чтобы купить учебник, нужно освоить магию. Замкнутый круг. Бессмыслица...

Я залезаю в фильтры и категории. Мне не обязательно выбирать бумажную книгу, сойдёт и электронный учебник, и отдельный свиток. Но как я ни извращаюсь, «Система» упорно талдычит:

«По вашему запросу ничего не найдено»

Со злостью захлопнув крышку, я мысленно приказала ноутбуку исчезнуть. Толку сейчас с него? Я не знаю, почему «Система» отказывается выдать учебник для начинающего мага, но эта загадка меня не касается, по крайней мере сейчас.

Вернуться к книжке про совмещение живописи и магии? При очередном покушении мне умение

рисовать волшебный пейзаж никак не поможет. Я снова открываю свиток. Символы вписаны в круг. Если попробовать изобразить хотя бы его? Я вбираю из окружающего пространства крохи магии, провожу по руке и дальше направляю не в ладонь, а в указательный палец. Магия вырывается крошечной молнией. Ну...первый блин комом. Я вздыхаю. Конечно, бить магией без всяких заклинаний тоже можно, но это почти то же самое, что размахивать кулаком, когда у противника дальнобойная винтовка. Покалывание в районе солнечного сплетения не прошло. Значит ли это, что магию можно «хранить» в себе? Пока не знаю, не во вред ли это, делать не буду. А пока... Крошечная молния спускается в указательный палец. Мысленно я заставляю её остановиться у самой кожи. Я хочу превратить эту ломаную молнию в круг. Я даже движение пальцем делаю, будто очерчиваю.

Магия вспыхивает в воздухе бледно-зелёным светом, только вместо ровного круга у меня получается перекошенный овал с разорванной окружностью. Но это всё равно первая победа! Я прикусываю губу, концентрируюсь на окружности, боясь даже моргнуть. Линии обретают чёткость, а зелень становится на пару тонов насыщеннее. Наверное, я должна постараться удержать овал как можно дольше. Постепенно я ослабляю внимание, но овал держится.

Я мысленно растягиваю линии, чтобы восстановить окружность, а заодно выровнять круг. Магия слушается, и контур приближается эталону с картинки. Вроде бы нетрудно... Я развешиваю круг и пытаюсь повторить. А если нарисовать круг, а внутри него — второй круг, я смогу?

По-моему, я что-то упускаю.

У Римана картинка с иероглифами появилась сразу целиком, он не рисовал элемент за элементом.

Пойти в библиотеку? Ну да, не хватало только заблудиться в доме и выдать себя с головой. Пока от подозрений меня спасает то, что перемены в поведении списывают на поддержку кронпринца. И, наверное, тот факт, что лорд почти не общался с оригинальной Шелли. Зависела от опекуна — сидела тихо, получила опору — проявила себя. Объяснение звучит вполне логично, как по мне.

Чистой бумаги и писчих принадлежностей я не нахожу ни в спальне, ни в будуаре. Придётся либо просить принести, либо покупать в «Системе», либо обходиться без записей. Я выбираю последний вариант и разворачиваю свиток обратно.

— Так-с...

Может, разгадка в сравнении элементов рисунка с буквами? Сперва надо разбить рисунок на отдельные «иероглифы» и отработать каждый из них до автоматизма. Ведь когда я читаю, я воспринимаю целиком отдельные предложения и даже абзацы, но никак не складываю слоги.

Переучиваться сложнее, чем учиться с нуля.

Я убираю свиток и перевязанную стопку страниц в тумбочку, а книжку про живопись прячу под подушку, почитаю перед сном. А пока...

В дверь раздаётся стук.

— Да? — откликаюсь я.

Входит девочка в униформе горничной. Поймав мой взгляд, девочка быстро кланяется:

— Леди, прибыл посланец его высочества кронпринца Римана. Лорд Зеер просит вас спуститься.

— Да, конечно.

Что-то случилось?

Я жестом показываю, что девочка может идти, нечего ей в моей спальне без меня оставаться. Я не бегу, но иду быстро. Останавливаюсь на верхней ступени парадной лестницы. Внизу лорд и леди Зеер что-то говорят мужчине в военной форме, но он их игнорирует, стоит с каменным лицом и на вытянутых руках удерживает картонную коробку.

Я спускаюсь, подхожу ближе и на доставшихся мне от Шелли рефлексх исполняю лёгкий книксен:

— Доброго дня.

— Приветствую, леди Тинс. Его высочество кронпринц Риман приказал доставить вам приглашение и наряд на завтрашний приём.

Поверх коробки лежит конверт. Я беру его, открываю. Внутри карточка на моё имя, только почему-то это приглашение не на приём, а на аудиенцию у его высочества.

— Благодарю, — я кладу конверт обратно на коробку, и забираю её у военного.

Он отрывисто не то кивает, не то кланяется:

— Леди Тинс, экипаж прибудет за вами в десять утра.

Не дожидаясь ответа, он резко разворачивается, щёлкает каблуками и уходит, чеканя шаг. Я озадаченно смотрю ему вслед. Он злится? Вероятно, я бы тоже не обрадовалась, если бы пошла на военную службу, воображая, как сражаюсь с врагами во имя короны, а мне бы поручили доставку модных тряпок. Кстати, о тряпках. Я поглаживаю коробку пальцем. Мне уже не терпится её открыть.

Какой всё-таки Риман замечательный, предусмотрительный...

Глава 23

...хищный тигр и хитрый игрок, умеющий выжимать из каждой возможности максимум пользы. Риман не просто принял мою идею украсть у Оливии славу, он, уверена, продумал ходы намного дальше меня. Иначе бы присланное платье не было таким.

Я всё ещё мало знаю о мире, но на принятые в Лависе наряды я насмотрелась во время бала. О полном сходстве говорить, безусловно, нельзя, но очень много общего с одеждой времён царя Николая Первого, как её показывают в третьесортных исторических сериалах. Платье от Римана разительно отличается. Во-первых, ткань. Я ни у кого на балу не видела тончайшего шёлка. Я представляю, какой он прохладный и скользкий, но притронуться страшно — пальцы могут оставить следы. По бледно-розовому фону вручную вышиты выпуклые грозди сирени, хрустальные бусины похожи на капли утренней росы.

Во-вторых, фасон. Вместо открытого декольте квадратный вырез, руки до запястья скрыты широкими рукавами-крыльями из воздушной полупрозрачной материи. Нет ничего вычурного, никаких сложных многослойных конструкций. Юбка свободно ниспадает фалдами. При каждом шаге подол колыхается подобно садовому цветку на лёгком ветерке, и в просветах мелькают туфли.

Обувь тоже подобрал Риман. Вряд ли он лично, скорее кто-то из его помощников. Простая танкетка, мягкая ткань, но её не видно за бусинами, точь-в-точь как на платье. Мне перепали самые настоящие хрустальные башмачки.

Риман позаботился и об украшениях. Мои руки украсили широкие браслеты из белого нефрита. Ожерелье к платью не полагалось, а вот серьги были. На первый взгляд очень простенькие — светлые, почти белые цепочки свисающие с крошечного шарика будто ленты дождя с облака. Но к образу подошли идеально. К тому же сегодня украшения не должны отвлекать взгляды от главного сокровища — уникального платья.

Финальный штрих — я вставляю в причёску длинную шпильку с висюльками как на серёжках.

Я смотрю на себя в зеркало. Я не успела привыкнуть к новому лицу. Каждый раз, встречая в зеркале своё отражение, я себя не узнаю. В зеркале отражается хрупкая фея небесной чистоты.

Красиво... Но радости я не испытываю. В моём изначальном плане я прихожу на приём, ничем не выделяясь, а в критический момент вмешиваюсь и лишаю Оливию возможности проявить себя. Я бы не дала ей шанса заподозрить, что нарочно создала для неё трудную ситуацию. Однако Риман внёс коррективы. Из-за платья я с первого мгновения привлеку всеобщее внимание. Риман не просто противопоставляет меня принцессе, он ставит меня над ней. Ни Оливия, ни стоящий за ней Каранс, ни союзная Вигения мне этого не простят. Чёрт, я никогда не наживала себе врагов так быстро — за одно мгновение сразу два государства!

Адъютант Римана встречает меня у бокового входа и провожает в личные покои кронпринца. Хотя аудиенция лишь предлог, чтобы я свободно вошла во дворец, ждатель в одном из помещений неподалёку от зала, Риман меня не отправляет. Может быть, хочет что-то посоветовать?

— Леди, ожидайте, пожалуйста, здесь, — адъютант впускает меня в знакомую гостиную, а сам остаётся снаружи.

Я прохожу вперёд. Мягкую мебель, наверное, лучше обойти стороной. Вдруг ворсинка пристанет к платью? Ни одного деревянного стула в поле зрения не попадает.

Когда межкомнатная дверь распаивается, я стою почти посередине гостиной. Я рефлекторно расправляю плечи и слегка наклоняю голову. Жест, отработанный настоящей Шелли? Увидев Римана, я искренне улыбаюсь:

— Добрый день, ваше высочество.

— Ш-шелли?!

Риман замирает на месте, смотрит на меня, как будто впервые видит. Его глаза темнеют. Риман сглатывает. Я застываю, забыв про реверанс. Улыбка пропадает, а Риман всё не моргает, он будто пожирает глазами. Я даже слегка пугаюсь.

— Ваше высочество?

— Шелли, если бы не знал, что вы из плоти и крови, решил бы, что ожила древняя легенда о деве, рождённой из лунного света.

Хах, комплимент?

— Я не знаю легенд Лависа.

Риман возвращает привычную манеру общения, ухмыляется:

— Вообще-то это легенда Солнечной империи. На землю пролился лунный свет, отразился от вод священного озера и превратился в девушку божественной красоты. Деву увидел старый монах. Он скрыл её под сотней покровов и привёл на банкет в императорский дворец. Он перед всеми снимал с неё покровы один за другим, и не оставил ни одного. Император влюбился в красавицу с первого взгляда, щедро вознаграждал монаха и объявил, что женится на лунной деве, сделает её своей императрицей. Однако точно также с первого взгляда в деву влюбились генералы, принцы, министры. Банкет обернулся кровопролитием. Мужчины, позабыв про жён, сражались между собой, пролилось море крови и, наконец, в живых остался только один, самый молодой генерал. Император, принцы, чиновники — все были им убиты. Генерал приблизился к деве и протянул ей окровавленную руку. дева рассмеялась, покачала головой и растаяла, снова став лунным светом. Генерал, не вынеся потери, сошёл с ума. Так красота сокрушила предыдущую династию.

В свете легенды сравнение с девой уже не так похоже на комплимент...

— Шелли, вы уверены, что готовы? Зал будет поделён на две части, я не смогу войти на женскую половину и вам помочь. Ещё не поздно передумать.

— Спасибо за беспокойство, ваше высочество. Не буду врать, что я ни капельки не волнуюсь. Но я не собираюсь отступать. И я справлюсь. Ваше высочество, мне достаточно, если вы будете верить в меня.

Риман быстро перехватывает мою руку за ладонь, подносит к губам и целует кончики пальцев:

— Я верю в вас, Шелли.

От растерянности я лишаюсь дара речи. Риман же явно забавляется, удерживает мои пальцы в своей руке, ещё раз целует и расплывается в самодовольной улыбке победителя. Тьфу! Легко рассмеявшись, Риман предлагает мне локоть и произносит очень успокаивающую фразу:

— Шелли, как бы его величество ни отреагировал на ваше появление, не обращайтесь внимания, я разберусь. В худшем случае смело говорите, что вы сопротивлялись, но я вас заставил. Отец не будет вас винить.

Риман отходит к столику, берёт с него ларец, похожий на тот, который сейчас стоит у меня в прикроватной тумбочке. Риман откидывает крышку, и внутри действительно оказывается ювелирка, только немного странная. Широкая шёлковая повязка украшена длинными шпильками с навершиями в виде искусно выточенных из камня цветов. Одну из заколок венчает красный пион, дополненный двумя гранатовыми висюльками, другая поражает изяществом мелких розовых цветков, похожих на цветы яблони. Фиолетовые цветы, голубые и даже золотые — ни одна шпилька не повторяется.

Не дав мне насмотреться, Риман сам поднимает мой рукав и закрепляет повязку значительно выше запястья, причём шпильками к коже, так что со стороны кажется, будто у меня на руке шёлковый браслет с цветочными подвесками. Честно говоря, не очень-то удобно. Риман расправляет рукав и поясняет:

— Среди женщин Великой Солнечной империи принято обмениваться украшениями. Если кто-то из них сделает вам подарок, вытаскиваете наугад любую шпильку и вручите в ответ.

— Поняла.

— Шелли, я не думаю, что стоит ждать неприятностей, но всё равно будьте, пожалуйста, осторожны. Их женщины далеко не всегда делают презенты с добрыми намерениями.

Как сложно.

Я киваю.

— Я справлюсь, ваше высочество.

— Тогда идёмте. Мы как раз вовремя опоздаем.

А? Кто так говорит?

Риман ухмыляется, предлагает локоть.

По коридорам мы идём, не торопясь. Не знаю, зачем Риману понадобилось опоздать, но спрашивать об этом я точно не собираюсь. Я вообще думать о том, что будет, не хочу. Я вписалась в слишком

опасную авантюру. Дома я старалась не чудить, чтобы не расстраивать родителей, и мама с папой наивно считали, что я повзрослела. Хах, я всё равно их подвела. Так глупо поверила... Ничего, главное, что родителей моя ошибка не коснётся, магичка обещала всё устроить.

Мы проходим через галерею. Риман неожиданно поворачивает в боковой зал и подводит меня к портрету, с которого смотрит молодая величественная шатенка со скипетром в руках и короной на голове. Кажется, я знаю, кто это, и Риман подтверждает мою догадку:

— Великая королева Тарина.

Жаль, что мы с её величеством разминулись на несколько поколений, хотела бы я вживую познакомиться с той, кто как я, помнит прошлое перерождение, а, может быть, и не одно.

Риман тянет меня дальше, и вскоре мы подходим к двустворчатым дверям.

Караульные распахивают створки, церемониймейстер ударяет посохом об пол и объявляет:

— Его высочество кронпринц Риман.

— Со спутницей, — тихо подсказывает Риман и останавливается.

Церемониймейстеру ничего не остаётся, кроме как объявить и меня:

— Со спутницей.

Приём проходит явно не в тронном зале. Интерьер выдержан в светло-кремовых тонах, разбавленных позолотой. Роскошно, элегантно и не столь вычурно, как в зале, где проходил бал. Помещение разделено на две части. И не просто разделены столы. С потолка спускается полупрозрачный тюлевый занавес. Мужчины смогут видеть иноземных гостей, но как в тумане. Имперцы ещё не прибыли, и от того зал кажется полупустым. На женской половине за столом уже расположились принцесса Оливия и несколько леди, как зрелых, так и юных.

— Сядь слева от Оливии через одно место.

— Угу.

Интересно, чьё место я украду?

Риман не отпускает меня, мы вместе идём к королевской чете. И абсолютно все без исключения смотрят на меня. Точнее, на моё платье. Но и на меня тоже, ведь это я посмела сопровождать кронпринца на официальный приём, заняв место невесты.

Король мрачно взирает на Римана с высоты возвышения, на котором установлен стол для венценосной четы, королева бела от гнева.

И только Риману всё нипочём, довольная улыбка не сходит с его лица, он снова безумно похож на вальяжного, довольного собой и жизнью кота.

Риман кланяется, я приседаю в реверансе.

— Кронпринц, вам хватило бесстыдства привести сюда свою фаворитку?

Король не сдерживается ни в малейшей степени. Похоже, он окончательно разочаровался в беспутном сыне, и вопрос передачи права наследования Дорану можно считать почти решённым.

— Доброго дня, ваше величество, — Риман встаёт прямо и помогает подняться мне. — Я пригласил леди Тинс, чтобы выразить глубокое уважение послу Великой Солнечной империи. Поскольку в Великой Солнечной империи даже чиновники низких рангов принимают несколько жён, присутствие на приёме в честь прибытия делегации не только моей невесты, но и моей избранницы лишь укрепит впечатление о нас и подчеркнёт, что между нашими народами больше общего, чем может показаться.

Королева стискивает кулак, в её глазах горят ненависть и жажда убийства, но объяснение Римана надёжно заткнуло рот и ей, и королю.

Риман слегка кланяется:

— С вашего позволения, ваше величество.

Взмахом платка король позволяет нам удалиться.

Риману предстоит сесть с мужчинами, мне — с женщинами. Но Риман не бросает меня одну,

проводит до занавеса и даже опережает служанку, в обязанностях которой приподнимать занавес для гостей. Рима сам поднимает полог, пропускает меня вперёд, и только после этого возвращается за стол, садится по правую руку от короля.

Я приближаюсь к дамскому столу. Для гостей оставлена дальняя сторона, они сядут лицом к центру зала. Леди Лависа сидит спиной к залу, лицом на гостей и стену.

Церемониймейстер объявляет о прибытии какого-то лорда с супругой.

Я сажусь слева от Оливии через одно место. В «Сбежать от чудовища» она казалась доброй и невинной. Живая принцесса Оливия бросает на меня убийственный взгляд. Не удивлюсь, если в своём воображении она меня четвертует. Я отвечаю насмешливой улыбкой.

Изначально я искренне сочувствовала Оливии, но сейчас... Да начнётся война!

Глава 24

Я вполне допускаю, что Оливия где-то очень глубоко в душе милая девушка, но если выбор стоит между её душевным комфортом и благополучием дашальцев, то я выбираю дашальцев. И Римана. Боль, с которой он живёт, не сравнится с обидами её высочества. Как говорится, ничего личного, но мы, принцесса Оливия, по разные стороны.

Между нами садится жена главы ведомства иностранных дел леди Воровер.

По идее на женской половине именно она будет «хозяйкой», поскольку королева остаётся с его величеством, но негласно блистать должна принцесса.

— Леди Тинс, вы поразительно беззаботны, — медленно произносит леди Воровер.

Тон холодный, и я легко догадываюсь, что за фразой кроется жирный намёк на моё незавидное будущее. Став супругой Римана, Оливия, естественно, найдёт способ со мной разобраться.

— Разве его высочество когда-нибудь относился к другим леди хотя бы вполтину так хорошо, как относится ко мне? Я верю, что между нами вспыхнула любовь, — Риман меня заразил сказками, и я почти неосознанно повторяю за ним, — которую воспевают в легендах, с первой встречи и на всю жизнь.

— Пфф, — не выдерживает Оливия, но фыркает она, не поворачивая головы, так что ответить ей напрямую я не могу.

Но я и не хочу, если честно.

Последней занимает место на лависской стороне дамского стола бесцветная особа лет двадцати пяти с невыразительными рыбьими глазами. Что происходит у мужчин, я не вижу, да и не особо интересно.

Приём начинается со скучнейшей речи его величества — много пафоса и мало смысла. Я пропускаю речь мимо ушей, испытывая подспудное раздражение и слежу лишь за тем, чтобы эмоции не отразились на лице. Король заканчивает речь, и вступает королева. Вторя ему, она говорит о знаменательной встрече запада и востока, о надежде укрепить мир во всём мире, о давних торговых отношениях, связавших Лавис и Великую Солнечную империю. У королевы хотя бы голос приятнее, чем у короля... После королевы начинают высказываться лорды, один за другим они благодарят короля за вклад в поддержание мира. Да они бредят! Они попугаями повторяют друг за другом почти слово в слово, пока церемониймейстер не объявляет о прибытии делегации.

Раздаётся торжественная музыка. И леди Воровер, и принцесса Оливия разворачиваются полубоком, чтобы понаблюдать. Я беру с них пример, тоже разворачиваюсь. Под звуки фанфар двустворчатые двери медленно открываются, в зал входит посол с десятком сопровождающих.

И извержение пафоса начинается по-новой.

Король приветствует гостей, имперцы благодарят за гостеприимство. У меня уши в трубочку сворачиваются.

Наконец, посол жестом подзывает двух подчинённых, с трудом удерживающих носилки, скрытые под алым шёлком. Посол лично сдёргивает покрывало, и взглядам открывается массивный сундук.

— Ваше величество, император Великой Солнечной империи в знак добрых намерений передаёт вам дары.

— Я принимаю добрые намерения его императорского величества и благодарю.

Посол вытаскивает из-за пазухи нечто, похожее на тубус, инкрустированный драгоценными камнями, и передаёт тубус лакею. Лакей подаёт королю. Король лично раскрывает подношение. Внутри оказываются два свитка и ключ от сундука.

Король убирает свитки и ключ обратно, оставляет тубус у себя, а сундук приказывает забрать и доставить в сокровищницу.

Похоже, первый этап закончен, король приглашает посла и его сопровождающих к столу. Посол благодарит, проходит вперёд. В зал входит новая группа подчинённых, а за ними — женщины. Из коротко приветствует королева. Гости молчаливо выслушивают, кланяются, но не так, как принято в Лависе. Они наклоняются в талии, голову при этом поднимают, чтобы продолжать смотреть прямо, а руки складывают у груди. Положение ладоней, скрытых широкими рукавами не рассмотреть.

Служанки поднимают тюль, и гости проходят на дамскую половину.

Леди Воровер поднимается им навстречу. Собственно, встать приходится всем, но обязанности хозяйки исполняет именно жена главы ведомства иностранных дел.

Я же, пользуясь моментом, рассматриваю женщин. Прежде всего платья. Я совпадаю с ними в ткани и стиле — цветочная вышивка по шёлку, но всё же моё платье ни разу не имперское. Другой фасон, и это заметно с первого взгляда. Гости одеты в... роскошные халаты, именно такая ассоциация у меня возникает. Полы платьев запахиваются одна на другую и удерживаются широким поясом.

Приняв приглашение, гости присаживаются за стол.

За каждой госпожой следует пара служанок, и все они без исключения держат в руках подносы, скрытые непроницаемой для взгляда тканью.

На мужской половине лакеи начинают подавать блюда.

— В знак наших добрых намерений примите это скромное угощение, — старшая из госпожей лукаво улыбается не разжимая губ. — Я долго думала, как поприветствовать своих западных сестёр. Я поняла, что вы, наверное, никогда не пробовали блюда, рецепт которых послала первому императору сама богиня Ниира, поэтому рано утром я лично отправилась на кухню и готовила для вас вместе с поварами. Мои сёстры тоже поддержали меня.

По знаку старшей госпожи служанки позволяют ткани стечь прямо на пол и подают еду на стол.

Естественно, отвергнуть угощение невозможно.

Загвоздка же заключается в том, что лависских приборов на столах ещё нет, до нас просто не дошла очередь. Имперцы это предусмотрели. Служанки подают палочки для еды. А откуда лависским леди знать, как ими пользоваться? Леди Воровер смотрит на палочки с плохо скрываемой паникой.

Я улыбаюсь, стараясь подражать госпоже. Ни одна из гостей не показывает зубы, следовательно, мне тоже не стоит. Я выжидаю. Первой должна заговорить принцесса Оливия. По крайней мере так было в сцене в романе. На миг я пугаюсь, что всё пойдёт не так, как я читала. Я не вмешивалась пока напрямую, но уже сам факт, что в книжной версии сцены меня вообще на приёме не было, мог повлиять.

— Уважаемая госпожа, позвольте мне, как невесте его высочества кронпринца выразить, выразить вам глубокую признательность, — Оливия заговорила ясным звонким, как весенний ручеек, голосом.

Она говорила не громко, но и не тихо, полностью завладев вниманием дамской половины.

Я же отметила, как она представилась. Сейчас Оливия всё ещё принцесса Каранса, иностранка. Она не имела права говорить. Но она сгладила острый угол, сославшись на свой статус будущей жены наследника. Впрочем, если бы не поддержка короля и королевы, никто бы не позволил ей подобной вольности.

Оливия продолжала:

— Обмениваться приветственными дарами — это традиция, уходящая корнями в глубокую древность. Дар императора Великой солнечной империи королю Лависа считался бы более, чем безмерным. Однако вы не только приготовили для нас исключительные блюда. Вы лично готовили их, стоя на кухне. Я бесконечно тронута.

Принцесса встаёт из-за стола и склоняется в поклоне, точь-в-точь как кланяются имперцы.

— Вы слишком вежливы, — как и в «Сбежать от чудовища» старшей из госпожей реакция принцессы нравится. — О, должно быть, вы не знакомы с палочками для еды. Я была небрежна. Пока вы принимаете мои добрые намерения, я счастлива, пожалуйста, не смущайтесь попробовать в привычной вам манере.

Оливия возвращается за стол.

Мне вдруг приходит в голову мысль, что леди Воровер лишь изобразила панику, чтобы дать возможность принцессе показать себя с лучшей стороны. В романе Оливия получит подарок от госпожи, а позднее принцессу будут хвалить король и королева.

Нет, ничего этого не будет.

— Госпожа, о чём вы беспокоитесь? Я вижу, что палочки для еды отличаются элегантностью

простоты. Поскольку в Лависе принята некоторая вычурность, к каждому блюду полагается отдельный столовый прибор, я уверена, что использование палочек не вызовет затруднений, особенно для её высочества принцессы Оливии Каранской. Её высочество славится исключительно одарённой и изящной личностью, в сердцах юных леди Лависа её высочество та, с кого берут пример. Госпожа, позвольте мне также выразить вам глубокую признательность, — я встаю, кланяюсь.

Оливия смотрит на меня ошеломлённо.

Я, пользуясь мгновениями замешательства, беру палочки.

В качестве «божественного» блюда нам подали суши. Я слабо представляю себе весь церемониал, никогда им не интересовалась, представления о нём у меня самые поверхностные, знаю, что ни в коем случае нельзя накалывать пищу на палочку.

Я беру суши, обмакиваю в соевый соус и отправляю в рот.

— Госпожа, это блюдо действительно достойно богини, — я снова поднимаюсь, кланяюсь, благодарю, а затем перевожу взгляд на Оливию. — Ваше высочество, почему вы медлите? Вкус невероятен. Скорее, попробуйте!

Словесная ловушка захлопывается. Я просто не оставила принцессе выхода. Отказаться от угощения — это всё равно что оскорбить гостей. Взять вилку означает показать себя бездарностью. Какая она принцесса, если уступит обычной аристократке? Взять палочки — единственный шанс справиться. И в моём исполнении это не выглядит сложным.

Я выжидательно смотрю на принцессу.

Взять палочки у неё получается не сразу. Хуже того, я свои палочки отложила, гости к ним не притрагивались. Оливии просто не с кого взять пример, она пытается повторить по памяти. И зажимает палочки в пальцах неправильно. Подцепив суши, она тотчас роняет.

На второй попытке Оливия сжимает палочки слишком сильно, рис разваливается.

Оливию нельзя винить в ошибке, но тем не менее, это позор.

— Ах, просто возьмите вилку, — взмахивает рукой госпожа.

Служанки — лакеи дамский стол не обслуживают — как раз подносят приборы. Я единственная отказываюсь от вилок.

Старшая госпожа слегка прищуривается. Я ей подмигиваю. Спектакль ещё не окончен, нас ждёт второй акт. Я беру капельку вассаби, пробую, чтобы понять насколько он острый. Пожалуй, порцию с полгорошины выдержу без слёз.

Но начинаю я с имбиря:

— О, вкус раскрывается по-новому.

Я предполагала, что принцесса тоже возьмёт имбирь, а затем я спровоцирую её на пробу вассаби, но она шагает в ловушку, не дожидаясь приглашения. Видимо, заподозрив, что с имбирём что-то не так, Оливия берёт вассаби, и берёт слишком много.

— Ох-х...

Её лицо наливается краснотой, из глаз брызгают слёзы, Оливия никак не может ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Ваше высочество, вам плохо? Кто-нибудь, врача! Её высочество не дышит, — я вскрикиваю достаточно громко, чтобы на происходящее обратили внимание мужчины.

Риман моментально вцепляется в возможность, он поднимается со своего места.

— Моей невесте нехорошо? Скорее уведите принцессу на свежий воздух и пригласите целителя. Госпожа, прошу простить мою невесту.

Служанка откидывает тюлевый полог и пропускает двух лакеев. Они, следуя приказу Римана, подхватывают Оливию с обеих сторон и поднимают на ноги. Ей всё ещё не хватает дыхания, слёзы продолжают течь, смывая макияж и оставляя на щеках грязные разводы. Ни сопротивляться, ни возражать Оливия не может. Лакеи выводят её из зала.

— Госпожа, ещё раз прошу простить. Моя невеста... слишком хрупкая.

Риман кланяется и опускается обратно на своё место, тем самым показывая, что инцидент исчерпан.

Королева не готова отпустить ситуацию так легко и встревоженно спрашивает:

— Что случилось с её высочеством?

Я поднимаюсь, исполняю реверанс:

— Ваше величество, принцесса Оливия Каранская, пробуя новые для себя специи, почему-то взяла сразу слишком много.

Королева стискивает пальцы в кулак. Можно не сомневаться — её величество в бешенстве, ведь я сделала грубейшую ошибку Оливии достоянием всех в зале. Неизбежно пойдут слухи, на безупречной репутации принцессы появится жирная клякса.

— Если это так, не о чем тревожиться, — закрывает тему король.

Банкет продолжается. Посол с разрешения короля приглашает в зал прибывших с ним танцовщиц. Зал заполняет сладкая мелодия флейты.

До окончания приёма принцесса в зал так больше и не возвращается.

Глава 25

На прощание старшая госпожа небрежно стягивает с руки браслет и протягивает мне:

— Леди, в знак моей симпатии примите на память эту безделушку.

Я беру браслет обеими руками:

— Госпожа, ваш подарок не может считаться безделушкой, — улыбаюсь я. — Благодарю вас. На память о нашей встрече я бы тоже хотела что-то оставить.

Шпилька легко вынимается из-под шёлковой повязки, и я протягиваю её госпоже. Она задумчиво смотрит. Я спокойно жду, и это оказывается правильным решением. Госпожа одобрительно кивает, не отказывается и грациозным взмахом руки вставляет шпильку в причёску. Я же надеваю браслет.

Приём заканчивается, первыми, после финального обмена пафосными речами, уходят имперцы. За ними зал покидает королевская чета.

Риман открыто направляется ко мне, предлагает локоть.

От зала до личных покоев Римана мы доходим гораздо быстрее, чем шли от покоев до зала, Риман даёт лакею указание принести чай, пропускает меня вперёд и захлопывает дверь. В этот раз мы не остаёмся в гостиной, Риман проводит меня в свой рабочий кабинет. Или вернее сказать, что нерабочий. Я помню идеальный порядок на столе в кабинете в «Розах Иначка». Здесь же завал бумаг, часть документов разбросана даже по полу.

Риман пинает ближайшую стопку, и стопка разлетается.

— Шелли, вы превзошли мои самые смелые ожидания, — начинает он разговор, но тотчас замечает мои сомнения. — Шелли, только не говорите, что вы чувствуете себя виноватой.

— Если мой сегодняшний поступок поможет дашальцам выбраться с непригодных для жизни островов на континент или вернуться на родину, я не знаю ваших планов, то я поступила правильно. Однако это не отменяет, что по отношению к её высочеству я поступила... нехорошо.

— Шелли, как она собирается быть королевой, если не способна справиться с такой маленькой неприятностью? К тому же, разве это не она допустила ошибку?

Ну...

— Благодарить за угощение должна была леди Воровер. Принцесса заговорила первой, как будто она уже ваша супруга, — признаю я.

— Вот видите, Шелли. Чтобы избежать неприятностей, требовалось всего-то оставаться в рамках правил. Вы не заставляли её нарушать, вы лишь обернули нарушение против неё же. Лучше подумайте, что сделает принцесса, узнав, что дашальцы выжили.

— Сообщит королю Каранса?

— Да. Без колебаний сообщит. И к Окраинному архипелагу выдвинется военный флот Каранса.

Я вздыхаю, качаю головой.

Мы молчим.

Риман хмурится, думая о чём-то своём.

— После моего сегодняшнего выступления королева усомнится в вашей репутации. Простите, вы, разумеется, об этом подумали.

Конечно, он продумал. Риман усмехается, согласно кивает. Он вообще продуманный. Даже шпильки для подарка гостям предусмотрел.

— Шелли, не стесняйтесь, пожалуйста, говорить, что вам приходит на ум. Было бы самонадеянно считать, что я не упускаю ни малейшей мелочи. Что касается вашего вопроса. Вы сказали, что в пророчестве прибытие имперской делегации упоминается один раз в связи с приёмом.

— Да.

— Значит, в том варианте развития событий я не добился успеха. Раз мой изначальный план не даст результатов, я поставлю на кон всё. Откровенно говоря, без помощи союзника Дашаль обречён. Нельзя исключать, что в пророчестве просто не упоминалось, как Каранс уничтожил беженцев.

Как и в судовой конторе, всю боковую стену кабинета занимает карта. Великая Солнечная империя простирается на востоке материка. Лавись расположен на западе континента. Торговля — это хорошо. Но о каком союзе может идти речь? Два государства разделены континентом. Я понимаю интерес Римана. Но что он может предложить благополучной на первый взгляд империи?

— Вы правы, Шелли. На западе никто никогда не рассматривал Солнечную империю как возможного союзника. Имперцы совершенно особенные, мнят себя избранным народом. Они верят, что богиня Ниира изгнала из их земель чужаков, а затем ударила по континенту небесным мечом, чтобы отделить территорию империи от других стран. Видите на карте Великий разлом?

На карте Солнечную империю с континентом соединяет крошечный перешеек. Море, названное Великим разломом, напоминает Красное море на карте Земли — такое же очень узкое, глубоко вдающееся в сушу.

— Солнечная империя закрытая страна, имперцы верят, что мир должен приходить к их порогу и преклонять колени. Но как бы свысока они не смотрели на иноземцев, им всё ещё приходится умирять свою гордость. Поток золота, идущий с запада, настолько широк, что император высочайшим указом даровал купцам милость гостеприимства.

— И почему же император Великой империи согласится на союз с правителем страны, от которой остались одни руины?

Риман усаживается за стол, откидывается на спинку кресла, закидывает ногу на ногу. Поза, выражение лица — Риман лучится самодовольством, но почему-то я не могу ему поверить, будто уверенность в успехе напускная, а где-то глубоко под ней таится сомнение, ведь в книге Риман проиграл. Отбросить осторожность и действовать напролом совсем не означает, что в этот раз Риман добьётся успеха.

Я вздыхаю, сажусь, стягиваю шёлковый браслет со шпильками.

— Оставьте себе, Шелли, пригодится. Я хочу, чтобы завтра вы составили мне компанию, я собираюсь неофициально встретиться с послом.

— Хорошо, — другого ответа я дать не могу.

Риман кивает, его взгляд возвращается к карте.

— Гордыня имперцев сыграла с ними злую шутку. Не интересуясь внешним миром, они отказались от флота. Какие-то корабли у них есть, те же рыболовные, но это, практически, корыта.

— Зачем им понадобился флот?

— Быстро схватываете, Шелли.

Почему мне кажется, что Риман меня проверяет?

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, это констатация факта. Взгляните на карту, Шелли. Лериат — это остров неподалёку от берегов Солнечной империи. Фактически, Лериат в одиночку контролирует все морские торговые пути. Прежде империю такая мелочь не заботила, но после уничтожения Дашаля, Лериат так и не оправился от кризиса.

— Хм? Разве Лериат не один из трёх победителей?

— Формально. По факту две трети флота Лериата были уничтожены. Лериат откусил больше, чем мог проглотить и подавился. Они вывезли жителей из главного портового города, продали в Султанат. Выгоду получили отдельные капитаны. А тогдашний правитель... Его сила была подорвана, и в междоусобице лишился головы. Несколько лет в Лериате подобие порядка ещё сохранялось, а сейчас Лериат окончательно превратился в пристанище пиратских шаяек. Платить пошлину за проход — это нормально. Но когда на караван набрасываются десятки шаяек, требуют мзду, а то и откровенно грабят, купец неизбежно оказывается в убытках. Золотой поток, текущий в империю, сузился до ручейка, грозящего вот-вот прерваться. Империя забеспокоилась.

— Вы хотите объединить ваш флот и армию империи?

— В целом — да. Частности гораздо интереснее. У нас на западе, не только в Лависе, но и в Карансе, в Вигении, не хватает магов. В результате любой бездарь считается уважаемым мастером и может придиричливо выбирать, до какой работы снизойти, а какая ниже его достоинства. Само собой, маги ориентируются на власть. Короне нужны боевые маги, целители. Аристократы и состоятельные горожане готовы платить за бытовые артефакты. Остальные направления просто не развиваются. И

самое парадоксальное, что при полнейшей нехватке магов, обучение очень дорогое.

— Кому нужны конкуренты?

— Верно. И в этом плане нам есть, чему поучиться у империи. Обучение магии очень дешёвое, порой бесплатное. Монахи ежегодно обходят деревни в поисках талантливых детей.

— И забирают их из семьи?! — ужасаюсь я.

Риман на секунду сбивается, прищуривается, но свои мысли оставляет при себе и спокойно отвечает на вопрос:

— Быть избранным на обучение в храм считается великой удачей. Ребёнок может возвращаться в семью на праздники или с разрешения учителя. После обучения такой ребёнок будет служить в армии или станет тем же целителем. Он — надежда семьи на лучшее будущее. Так вот, в империи большая часть народа обучены азам магии. Доходит до того, что крестьянин не умеет писать, но способен использовать боевое заклинание.

— Вы хотите получить от империи боевых магов.

— Да. Империя поможет мне в войне с Карансом и Вигенией, а я дам флот для войны с Лериатом.

— Поразительно...

— Шелли, вы, наверное, устали? Инспектор вряд ли закончит изучать учётные книги до завтра. Я прикажу подать для вас экипаж.

Хм? Его высочество меня выпроваживает? Становится капельку обидно, но я прекрасно осознаю, что у Римана дела...

Но у меня есть просьба:

— Если вас не затруднит, ваше высочество, я бы хотела попробовать себя в магии. Мне вполне хватит учебника для начинающих, — по-моему, просьба очень в тему.

— О?

Кажется, я удивила Римана.

— Я понял, — он не отвечает ни «да», ни «нет». Чего ждать не ясно, но настаивать или требовать более внятного ответа я, естественно, не решаюсь.

Вместе мы выходим в гостиную. На столике сервирован чай, в вазочке лежат шоколадные конфеты. Риман жестом приглашает меня присаживаться. То есть экипаж будет, но чуть позже? Ура отсрочке! На душе становится радостно.

Риман, отдав приказы, отпускает лакея и лично разливает чай по чашкам:

— Шелли, при случае почему бы вам не запретить мне пить? — предлагает он.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь:

— При случае запрещу, — когда это я отказывалась от хорошего шоу?

Неожиданно на пороге появляется давешний адъютант. Проигнорировав меня, он подходит к Риману, передаёт небольшую коробочку. Адъютант явно что-то говорит, но я не слышу, словно смотрю кино с выключенным звуком. Однако... Магия? Как мало я знаю о своём новом мире.

Поклонившись, адъютант уходит.

Риман переводит взгляд на меня, и что-то мне под его взглядом становится неуютно. Почему кронпринц смотрит на меня, как хищник на добычу?! Что я могла сделать не так? Молчание длится несколько секунд. Наконец, Риман открывает коробочку, переворачивает над столом, и с глухим стуком из коробочки на столешницу выпадает ожерелье. То самое, которое я так небрежно сдала в ломбард.

Глава 26

Как отследили только? Кучер успел рассказать до того, как его ранили?

Очевидно, что Риман не доволен моим решением, однако неправой я себя не чувствую. Разве подарок не означает, что я могу делать с ним всё, что пожелаю? Вот шпильки мне даны с определённой целью. Комплект украшений, присланный с платьем назван подарком, но по-другому объяснить посылку Риман не мог, и я готова предположить, что на самом деле Риман украшения и платье просто одолжил. Наряд выглядит слишком дорогим, и, главное, не наспех пошитым. Крой такой, что платье сядет как на чуть более полную девушку, чем я, так и на более худощавую. Следовательно, платье делалось с расчётом, со мной никак не связанным, и может понадобится его высочеству для другого случая. Но украшения, сваленные в футляр без всякого порядка и смысла, я считала настоящим подарком.

Лучшая защита — это нападение?

— Что-то не так, ваше высочество?

— Вам не понравился мой подарок, Шелли?

Хм?

Он хоть вникал, что именно мне дарил?

— Как мне могли не понравиться непарные серьги? На правое ухо гроздь мелких рубинов, на левое — крупный сапфир в бриллиантах.

Риман отводит взгляд.

Он что, смутился?!

— Но вы продали не серьги, — без прежнего недовольства замечает Риман.

— Я подумала, что раз подарок для меня, я могу им распорядиться. В других обстоятельствах я бы с радостью носила украшения, но сейчас мне важнее иметь собственные деньги.

— Разве опекун не выдаёт вам ежемесячное содержание?

— У меня нет воспоминаний о прошлом. В своих покоях я ни монеты не нашла.

— Шелли, вам стоило просто сказать мне.

— Говоря откровенно, не люблю просить, тем более деньги. Об услуге, когда я знаю, что не могу справиться сама, как, например, с обучением магии, я попрошу, но залезать в чужой кошелек...

— Шелли, во-первых, своих людей я вознаграждаю. Вы спасли меня от сумасшествия, выдали мне ценнейшую информацию о ближайшем будущем, помогли сейчас на приёме. Ваш вклад невозможно переоценить. Вам не нужно просить, вам нужно сообщать о своих потребностях. Во-вторых, ожерелье было подарено официально. Вы же получили копию перечня. Хорошо, что ломбард принадлежит мне.

И ломбард?!

— Ох... Как неловко получилось.

Риман оттаивает, усмехается вместе со мной.

— Шелли, если бы о вашем поступке узнала королева или принцесса, они бы использовали это против вас. Вас бы обвинили в оскорблении короны. Обвинение смехотворное, но, поверьте, они бы добились признания вас виновной.

— Хм...

— Шелли, просто не стесняйтесь рассказывать мне о своих трудностях или беспокоить моих подчинённых. Хорошо?

— Да...

Риман поднимается, неуловимо быстро обходит диван, оказывается за моей спиной и надевает на меня ожерелье. Тёплые пальцы касаются спины, шеи. Риман застёгивает замочек и возвращается на место, поднимает чашку, отпивает глоток и жестом фокусника забрасывает в рот шоколадную конфету.

Вот же... кошак.

Я невольно улыбаюсь, мне начинает казаться, что атмосфера возникла очень интимная, как будто мы с Риманом на свидании, хотя, конечно, это не так. Чёрт, любовь всегда отупляет, или у меня индивидуальная реакция — гормоны отключают здравый смысл? Прежде, чем я успеваю нафантазировать, что нравлюсь его высочеству без вязких условий, а просто как девушка, как друг, как человек, наш тет-а-тет прерывает эффектная красotka с пышными формами. Девушка входит без стука и томно изгибается, опирается на стену в развязано-соблазняющей позе.

— Ваше высочество, ваш лакей сказал, что вы по мне соскучились? — она притворяется, что замечает меня, вскидывает бровь. — Ох, ваше высочество, мы покажем этой милой леди, как прекрасна ночь втроём?

— Шелли, это Лара, моя телохранительница. Отвечает за безопасность моих покоев во дворце.

Девушка моментально преображается. Вызывающая вульгарность и томность исчезают без следа. Передо мной собранная женщина с умным лицом и цепким взглядом. Лара закрывает дверь, подходит к нам и останавливается в паре шагов.

— Приятно познакомиться.

— Лара, с этого момента твоя задача меняется. Ты отвечаешь за жизнь леди Шеллары.

Лара опускается на одно колено, прижимает кулак к груди, склоняет голову:

— Да, сир.

Суда по обращению, она из Дашаля?

Не удержавшись, я позволяю себе маленькое хулиганство:

— Тройничка не будет?

— Шелли?!

— Шучу. Ваше высочество, почему вы так реагируете, как будто это я не вылезаю из борделя, а не вы?

Лара, ещё пару секунд назад, притворявшаяся девицей фривольного поведения, смотрит на меня слегка шокированно. Я пожимаю плечами. Лучше Риману знать, что я не ромашка, скорее чертополох.

— Лара, защита леди Шеллары основная задача, но я бы хотел, чтобы ты помогла леди освежить знания этикета и присмотрела, когда леди будет учиться магии.

— Да, сир.

— Шелли, что касается расходов, все счета вы можете направлять во дворец на моё имя, или, если вы хотите приобрести что-то особенное, то в мою судовую компанию. На руки до пятисот рифов вам выдадут в любом представительстве компании.

— Спасибо.

— Что-то ещё?

— М-м-м... Я обещала лорду Зееру попросить вас за его сына. Вдруг незамеченный талант пропадает. Нельзя ли устроить проверку?

— Шелли, любой каприз, — ухмыляется Риман.

— Если вы отправите Лару со мной, кто будет обеспечивать вашу безопасность? Тем более сейчас, накануне очередного покушения? Вдруг место изменят и нападут не в «Розах Инака»?

— Шелли, вы обо мне беспокоитесь? Как мило. Не волнуйтесь, я в состоянии позаботиться о себе.

Чай выпит, лакей докладывает, что экипаж уже ожидает. Мне остаётся только попрощаться, пожелать Риману удачи и надеяться, что у него действительно всё получится, потому что он как никто другой заслуживает успеха. Я выхожу, Лара следует за мной. Я уже почти ступаю за порог. Я поддаюсь порыву и оборачиваюсь. Риман почему-то до сих пор не вернулся в кабинет. Он всё также сидит за низким столиком и смотрит мне вслед. На его губах играет улыбка, которой я не видела у него никогда прежде. Он улыбался по-разному: ухмылялся, насмешничал, улыбался покровительственно или хитро, предвкушающе. Сейчас он улыбается с какой-то невыразимой

нежностью. Сердце сбивается с ритма, бьётся чаще. Я поспешно отворачиваюсь, почти что сбегаю.

Лакей провожает нас с Ларой до экипажа.

Я забираюсь в салон первой, Лара устраивается напротив, спиной по ходу движения. Экипаж трогается, и вскоре мы покидаем территорию дворца. Лара задёргивает шторы на окнах.

— Как мне следует к вам обращаться?

— Я простолюдинка, леди Тинс. Не нужно говорить мне «вы». «Лара» вполне достаточно.

По имени так по имени, мне не трудно, хотя я предпочла бы равноценное «вы», раз Лара обращается ко мне уважительно.

— Я буду полагаться на тебя, Лара.

— Я служу своему государю, — Лара отвечает равнодушно-холодно и замолкает.

Продолжать я не решаюсь. Я слегка удивляюсь неприветливости девушки. Чем я ей не понравилась? Угадать не возьмусь: может, и тон, которым я говорила с Риманом, без подобострастного поклонения и вообще шутила, может то, что ей из-за меня пришлось покинуть обожаемого правителя. Я не хочу об этом задумываться — пусть относится ко мне тепло ли, холодно ли, как ей угодно. Меня всё устраивает, пока она действительно меня защищает.

Экипаж покачивается будто убаюкивает.

Скучно...

Я стараюсь не смотреть на Лару, разглядываю стык боковой стены и потолка. Жаль, я не взяла с собой денег, оставила всё в конверте, вложенным между перевязанных бечёвкой страниц. Я бы бумагу купила и карандаш...

Экипаж останавливается. Лара чуть сдвигает штору, выглядывает. Я точно также приоткрываю щёлку со своей стороны:

— Это не дом моего опекуна!

— Государь приказал.

Это, конечно, успокаивает, но хотелось бы чуть больше подробностей.

— Что приказал его высочество?

Может быть, Лара злится из-за того, что я обращаюсь к Риману как к кронпринцу Лависа, а не как к правителю Дашаля?

— Государь приказа проводить вас к учителю.

Хм?

Я киваю, выбираюсь на мостовую. Экипаж остановился у бокового крыльца. Дверь уже открыта, и на ступеньках стоит величественная графиня. Я её узнаю с первого взгляда, приветствую, опустившись в реверанс. Однако мои усилия проходят незамеченными, а искреннее желание наладить отношение натывается на незримую преграду.

— Добро пожаловать, леди Тинс, — голос графини звучит равнодушно, и я не сомневаюсь, графиня тоже не рада меня видеть, собственно, она даже не смотрит на меня, её взгляд устремлён мимо, куда-то в пустоту. — Прошу, проходите и чувствуйте себя как дома.

— Благодарю.

Иногда самый простой способ получить ответ — спросить прямо.

Я поднимаюсь за графиней на второй этаж, она ведёт меня по коридору. Лара следует за нами. Явно, что сейчас задавать вопрос не время, и именно поэтому я резко останавливаюсь и чуть повышаю голос:

— Графиня, вы холодны. Я чем-то обидела вас?

Глава 27

Графиня оборачивается, смотрит пристально:

— Леди, клянусь честью, я верна моему государю. Государь выбрал вас.

— Что, простите?!

Если я поняла правильно... Но это просто невозможно! Как Риман мог выбрать меня? Ведь подразумевается, что я стану не просто фавориткой, а... супругой? Будущей королевой? Исключено... Брак монарха — это прежде всего политический союз, монарх связывает себя брачными узами не столько с девушкой, сколько с силой, которая за ней стоит. Обычно в жены берут иностранную принцессу, в редких случаях — дочь герцога или графа, чтобы получить поддержку внутри страны. Но за мной нет никакой силы, а всё, что я могу Риману дать, я отдам без брака. Рассказ о пророчестве, уникальные артефакты Системы, информацию из Сети... Риману нет никакого смысла привязывать меня к себе официально, ведь я и так его со всеми потрохами. Разве что на близкие отношения как с женщиной не готова, потому что хочу быть единственной и только единственной, а в будущем Риман женится...

— Моя наследница неофициальная невеста государя. Как главе рода, мне тяжело смотреть на вас, леди. Прошу не вините меня за это. Какие бы надежды я ни возлагала на будущее своей внучки, высказанные и невысказанные желания моего государя превыше всего.

— Простите, но я не понимаю, с чего вы решили, что у его высочества на меня какие-то планы.

— Достаточно заметить, как государь на вас смотрит, — фыркает Лара и тотчас умолкает под строгим взглядом графини.

Я качаю головой, и графиня подтверждает слова Лары:

— Я впервые видела, чтобы государь так заботливо относился к девушке.

Может, это всё Риман? А что, вполне себе версия. Спектакли он любит. Приказал изобразить холодность, спровоцировать меня на разговор, навешать мне лапши на уши и посмотреть на реакцию, оценить. Жадная ли я? Вспыхивают ли мои глаза восторгом при упоминании короны? Хочу ли я власти?

Я качаю головой:

— Простите, графиня, мне кажется, вы заблуждаетесь.

— Или вы.

— Время покажет. Я всего лишь сирота на попечении лишённого влияния лорда. Какая из меня невеста монарха?

— Леди, в ваших словах есть смысл, однако, смею предположить, вы упускаете нечто важное, — спокойно возражает графиня. — Возрождение Дашаля — дерзость, которая напугает наших соседей. Никто не рискнёт заключить союз. Разве что император Великой Солнечной империи отдаст государю одну из своих многочисленных дочерей, но это никак не укрепит позицию возрождённого Дашаля, империя слишком далеко, а принцесс в ней слишком много... Государь собирался сделать своей королевой мою наследницу, чтобы крепче связать себя с народом Дашаля, но это лишь жест вежливости. Государь наша единственная надежда, мы последуем за ним, даже если он женится на последней крестьянке. У нас просто нет иного пути. А значит, государь может выбрать королеву по сердцу. К тому же сейчас государю нужна супруга, которая станет его соратницей и поддержкой, а не украшением на троне. Я признаю, что как личность вы сильнее моей внучки. Идёмте, леди.

Графиня отворачивается, и я следую за ней, странный разговор окончен.

Я морщусь, тщетно пытаюсь понять, что стояло за этими странными откровениями, которым я не верю.

В любом случае, мне не интересна власть.

— Сюда, пожалуйста.

Графиня пропускает меня в библиотеку. На угловом диванчике сидит морщинистый старик в красной тоге и медленно потягивает из пиалы чай. Аромат напитка плывёт по библиотеке. Пахнет жасмином и свежескошенным лугом. Я интуитивно замедляю шаг, стараюсь ступать беззвучно, чтобы не потревожить старика. Он выглядит настолько умиротворённым, что кажется, будто в

библиотеке только оболочка, а душа его унеслась в высшие небесные чертоги.

Графиня пропускает меня вперёд и останавливается за моим плечом. Старик продолжает смаковать чай, словно и не замечает нас. Хм, а старик ли он? Волосы похожи на нити инея, кожу изрезали глубокие морщины, но мужчина совсем не выглядит дряхлым и немощным. Напротив, его окружает аура силы.

Время останавливается. Чай в крошечной пиале не заканчивается бесконечно долго. Старик едва слышно причмокивает, вглядывается в доньшко пиалы, будто нет ничего интереснее случайного рисунка чаинок.

— Вы пришли, — говорит он. Голос звучит тихо, как если бы старик разговаривал сам с собой.

Он неторопливо ставит пиалу на стол, поднимает взгляд на меня и вдруг вздрагивает.

Я кланяюсь мужчине. Не приседаю в реверансе, а именно наклоняюсь вперёд, сложив руки у груди.

— Доброго дня, мастер, — обращается к старику графиня. — Прошу прощения, что я потревожила ваш покой. Государь приказал проводить к вам леди Тинс.

— Как тебя зовут, девочка? — старик ничего не обещает.

Я выпрямляюсь:

— Шелли, мастер.

— Оставьте нас.

Графиня и Лара выходят без единого возражения. Дверь закрывается с приглушённым хлопком, и библиотека исчезает. Аромат жасмина становится почти удушающим, и я вижу цветущие ветви, сочную зелень, укрывающую землю, холодный пруд, обложенный камнями. Тёмная вода манит и пугает одновременно. С усилием я отворачиваюсь, смотрю ввысь на голубое небо, на солнце, на перистые облака, складывающиеся в причудливый узор. Я могла бы взлететь птицей? Я опускаю взгляд, смотрю на каменный стол и чаши, выточенные из драгоценного нефрита. Рядом небрежно брошена длинная шпилька.

Мастер прибыл из Великой Солнечной империи?

Хотя окруживший нас чудесный сад отвлекает, мне удаётся сосредоточиться на мастере. Я повторно кланяюсь, и иллюзия рассыпается мириадами брызг.

Мы по-прежнему в библиотеке.

— Ты не ушла бродить по тропинкам.

Не вопрос, утверждение.

Я молчу.

Мастер наполняет из чайника пиалу.

— Мой ученик попросил за тебя. Но... Откуда ты, дитя?

Обращение изменилось — это хороший признак?

— Я..., — о чём он спрашивает?

К счастью, мастер не нуждается в ответе. Я даже начинаю сомневаться, что вопрос был адресован мне. Может быть старик размышляет вслух, позволяет мне услышать его размышления? Он отпивает из пиалы, задерживает чай на языке, наслаждается вкусом. Проходит почти минута, мастер сглатывает и вновь заговаривает:

— Твоя душа голодна.

— Простите?

— Души питаются тем, что в Лависе называют магией, — мастер не злится на мою непонятливость и неспешно разъясняет. — Подобно телу, пьющему ключевую воду из родника, душа пьёт само дыхание этого мира. Душа обретает блеск и силу, но ты, дитя, с рождения голодала и лишь недавно попыталась наесться. Кому ты отдаёшь часть своих сил? Ты пьёшь и делишься с кем-то.

Сколько же он видит?! Делюсь я с «Системой». Мастер явно говорит об изъятии энергии, за которое мне начисляют караты.

— Я заключила договор.

— Тот, с кем ты делишься, не берёт много. Хотя поить двоих тяжело, ты справишься. Но ты пожертвовала посмертием? Я не вижу ясно, — качает он головой. — Чего ты хочешь, дитя?

— Обучиться магии.

— Ста тысяч жизней не хватит, чтобы обучиться магии. Ты можешь начать изучать боевую магию или искусство плетения иллюзий, но сколько бы усилий ты ни приложила, твои знания будут похожи на каплю перед величиим океана.

— Капля — это тоже хорошо, особенно, если это большая капля. Я не имела в виду, что обниму необъятное, но я хочу попробовать это сделать. Как бы далека и недостижима ни оставалась цель, пройденный к ней путь — это определённый результат.

Мастер кивает:

— Я познакомлюсь с тобой, дитя. Присядь.

Я послушно опускаюсь на стул напротив и замираю.

— Сделай глоток, дитя.

Хм? Речь ведь не о чае. Второй чашки нет, а пиала в руках мастера.

Его сравнение магии и воды я помню. Я вспоминаю ощущение лёгкого покалывания и стараюсь уловить щекотные укусы крошечных молний. Я знаю, магия здесь прямо сейчас. Интересно, справлюсь я не закрывая глаз? Нужное ощущение приходит, и я направляю молнии в район солнечного сплетения. Я стягиваю энергию до тех пор, пока не чувствую, что вот-вот лопну.

Глава 28

Мастер отрешённо наблюдает.

Я останавливаюсь, становится больно, но я терплю.

— Голодная..., — тянет мастер. — Ты проглотила так много, что едва справляешься. Отпусти.

С удовольствием.

Я направляю переизбыток силы в руки, позволяю колким молниям покинуть меня. Боль проходит, сменяется щекоткой.

— Хорошо, — одобряет мастер. — Запомни, нельзя переходить свой предел — выгоришь. Но подступать к нему вплотную, как ты сейчас, полезно. Но ты должна быстро отступить.

— Я запомню вашу науку, мастер.

Старик игнорирует мою благодарность, то ли принимая её как нечто, само собой разумеющееся, то ли не заботясь о столь прозаичных вещах, как словесное «спасибо».

— Хотя тебе непривычно, старайся как можно дольше удерживать магию в себе. Это поможет тебе быстрее напитать душу, а при необходимости использовать силу. Тебе не понадобится тратить драгоценное время, чтобы собраться для удара.

— Да, мастер.

Чайник бездонный? Старик наливает ещё чаю. Его медлительность капельку раздражает, всё же я привыкла к немного другому темпу обучения, но я сдерживаюсь и тренирую терпение. А ещё я начинаю подозревать, что старик читает мои эмоции, иначе с чего он вдруг одобрительно улыбнулся.

Библиотека исчезает, сменяется сосновым лесом на покатом склоне горы. Камни поросли мхом, и вместо стула подо мной оказывается один из таких валунов. Я провожу по зелени пальцами, и на кожу оседает влага. Я знаю, что вижу иллюзию, но не могу найти в ней изъяна.

— Я знал монаха, который пятьдесят лет не покидал пещеры. Тот монах учился магии, он учился слушать дыхание мира, как мы называем силу, — мастер указывает на зев норы под вздыбленными корнями упавшей сосны. — Хочешь отправиться по его стопам?

— Нет, мастер.

— Знаю.

Тогда зачем спрашивать?

К запаху сосен примешивается аромат жасмина.

— Вы тоже монах? — внезапно для самой себя спрашиваю я.

Вопрос срывается с губ прежде, чем я благоразумно сдерживаю неуместное любопытство.

— Да, дитя.

Больше спрашивать я не решаюсь.

Мастер меня удивляет. Он солнечно улыбается, демонстрируя крепкие белые зубы, совсем не стариковские.

— Я монах. Сколько себя помню, я бродил по просторам Великой Солнечной империи, взбирался на горы, спускался в долины, прошёл от Жемчужного моря до Великого разлома. Подолгу оставался в храмах, переписывал свитки, искал истину, помогал нуждающимся. Я был одним из тысячи тысяч монахов, пока однажды дорога не привела меня в портовый город. Я очнулся в трюме рабовладельческого судна. Знаешь, что такое Великий разлом, дитя?

— По легенде богиня Ниира отсекла земли Великой Солнечной империи от континента, чтобы защитить избранный народ от тлетворного влияния иных культур.

— Чужаки часто называют Великий разлом проклятым, потому что корабли из его вод не возвращаются. Моих похитителей вела жажда золота. Отринув всякую осторожность, они дерзнули войти в запретные воды. Капитан считал, что я смогу принести его кораблю удачу, что проклятие не тронет монаха. Он ошибся. Судно разметало в щепы. Но боги были милостивы ко мне. Доску, за

которую я ухватился, вынесло в Лериатский пролив, и меня подобрал корабль, направлявшийся к берегам Лависа. Я мечтал о возвращении, но когда я увидел душу юного хозяина торговой компании, я осознал, что мой путь был предопределён, и я предложил ему ученичество. Теперь я предлагаю ученичество тебе, дитя.

— Что означает «ученичество»?

— В Великой Солнечной империи связь ученика и учителя сродни связи ребёнка и его родителя. Я не буду торопить тебя с ответом, дитя. Когда ты будешь готова, ты подашь мне чашку чая, — улыбается он.

Какая-то церемония? Спрашивать придётся у Римана.

Мастер вновь наливает чай в пиалу почти до краёв. Сосновый лес сменяется берегом широкой реки, неспешно несущей свои воды через окружённую лиственными лесами долину. По зеркальной глади скользят селезень и его утка. Птицы соприкасаются клювами будто целуются.

— Дитя, чему ты хочешь обучиться?

— Я плохо представляю себе, чему можно научиться. Наверное, тому же, чему учился Риман. Когда на нас напали, он магией отклонил стрелу. Только закрываться от врага недостаточно, изучить пару-тройку атакующих заклинаний тоже не помешает.

— Девочка, ты хочешь стать воином?

Я ненадолго задумываюсь. Сражаться? Нет, это не моё. Я не представляю себя в бою. Я бы хотела вести мирную жизнь. Возиться с документами, управлять хозяйством мне ближе. Если уж фантазировать о будущем, то я бы хотела искать в интернете информацию, которая могла бы пригодиться Лавису и переписывать её для Римана. Непыльная работёнка, ценная, хорошо оплачиваемая. И это то, что ждёт от меня Риман. Надо будет поискать для него чертежи кораблей...

— Скорее нет, чем да. Пока я рядом с Риманом, я в опасности. Я упоминала, что совсем недавно на нас напали. Я хочу перестать быть обузой. Я понимаю, что я не смогу сравниться в мастерстве с Риманом, по крайней мере не в ближайшие годы, но я могу освоить хотя бы азы самообороны.

— Хм...

— Азы целительства тоже не помешают, чтобы я могла помочь раненому продержаться до прихода специалистов.

Мастер качает головой:

— Дитя, я спросил о твоих желаниях, ты же говоришь мне о необходимости.

— Тогда... Я слишком мало знаю о магии, чтобы ответить.

Иллюзия рассыпается, и мы вновь в библиотеке.

Мастер опускает пустую пиалу на стол. Неужели чай закончился? Вместе с чаем заканчивается и урок. Мастер взмахом руки показывает, что я могу подняться и идти. Я замираю в замешательстве. Втягивать молнии я и до урока умела, мастер лишь разъяснил, как это делать правильно. Мастер больше не обращает на меня внимания.

Нет, простите, но так легко я не уйду!

— Мастер, позвольте вопрос.

— Да, дитя?

Я рассказываю, как пыталась научиться заклинанию по свитку, как смогла нарисовать своей силой круг, но не сумела вывести чертёж полностью, как заподозрила ошибку — Риман, защищая нас от стрелы, поставил магический щит в мгновение, а не выводил линии одну за другой, как заподозрила, что есть элементы, из которых составляют рисунок, как текст составляют из слов.

Мастер не отказывает, внимательно слушает и даже спрашивает, что и как я делала.

— Дитя, ты слишком торопишься. Рисунок, как ты его назвала, готовят заранее. Маг проводит многие часы, медитируя на переплетение линий, отпечатывает их в глубинах своего разума, и когда приходит время, рисунок возникает без усилий. Ты пыталась напрягаться там, где нужно расслабиться.

Вот как...

Я благодарю, но мастер же закрывает глаза, меня для него больше нет.

Осторожно попятившись — повернуться к учителю спиной мне кажется некоторым неуважением — я отступаю к двери и тихо выхожу из библиотеки. В коридоре никого нет, и я понимаю, почему меня не ждала графиня. Но где моя телохранительница? В доме должно быть безопасно... Коридор упирается в эркер, значит, мне в обратную сторону. Я спускаюсь в холл.

Почему так мало слуг? Я не встретила ни одной горничной. Поискать на кухне? Разумнее поискать колокольчик. Я оглядываюсь.

— Леди?

На вершине лестницы подобно ледяной статуи воздвигается графиня.

Я поднимаю голову, молчу.

— Леди, я приглашаю вас отобедать у нас.

— Графиня, мне бы не хотелось вас стеснять. Я не сторонница мешать долг и личное.

— Я прошу вас, леди. Не отказывайтесь. Я...

— Бабушка, если леди Тинс желает уехать, как мы можем задерживать леди?

Рядом с графиней появляется белокурая блондинка. Грациозно приподняв подол сливочного платья с перламутровыми вставками на лифе, она медленно спускается. Графиня следует за ней.

— Леди Тинс, позвольте представить вам мою внучку и наследницу.

И заодно неофициальную невесту Римана, которая почему-то мнит меня своей соперницей за трон. Мне не нужна власть, мне не нужен Риман в романтическом смысле. Только как друг. И... государь? Мне некому довериться, кроме него. Только вот сердце протестует. Риман слишком хорош, чтобы устоять и не влюбиться.

— Рада знакомству.

Я дожидаясь, когда девушка спустится и окажется на одном со мной уровне. Тело настойчиво тянется исполнить реверанс, но я сдерживаюсь. Разве мы не должны поклониться друг другу одновременно?

Леди растягивает губы в улыбке.

— Аяна, — графиня встаёт рядом с внучкой.

— Бабушка-графиня, не сердитесь, я пришла лишь пожелать леди Тинс беречь себя. Кто знает, сколько врагов леди сегодня обрела.

Это намёк? Аяна смеет угрожать мне так открыто? Где её ум? Или меня снова проверяют?

— Всего двух, Каранс и Вигения. Как мне кажется, никто больше не заслуживает упоминания.

Да, Аяна, если ты хотела сказать, что ты мой враг, прости, я отказываюсь это принимать. На фоне остальных моих противников ты выглядишь... мелковато.

Неожиданно, но графиня одобрительно кивает.

Поскольку от обеда я отказалась, графиня провожает меня к боковому входу. Лара поджидает меня у двери. Вдвоём мы выходим на крыльцо. Графиня преступает через порог и останавливается.

Я первой забираюсь в салон, Лара — за мной.

Экипаж трогается.

Глава 29

Я расслабленно откидываюсь на мягкую спинку сидения. Я... устала. Вроде бы ничего особенного, подумаешь, суши поела, с монахом побеседовала, а такое чувство, будто из меня кости вынули. Даже шелохнуться трудно. Или это не усталость, а страх? Я ведь Аяне правду сказала. И Каранс, и Вигения сегодня подписали мне смертный приговор.

Едва мы отъехали от особняка графини, я задремала.

Просыпаюсь я, когда экипаж приближается к дому лорда Зеера.

— Лара...

— Да, леди?

Телохранительница отвечает не слишком охотно, но отвечает, так что пусть. Пока её эмоции не мешают делу, я не стану реагировать. Лара из Дашаля, возможно, она близка с семьёй графини. Не удивительно, что она не рада мне.

— Как мне объяснить ваше появление в доме лорда Зеера?

— Никак.

И Лара растворяется в воздухе. Я протягиваю руку, чтобы поймать невидимку, но хватаю пустоту. Это больше, чем просто невидимость... Лара возникает на сидении. Она могла бы посмеяться над моей растерянностью, но её лицо ничего не выражает. Лара снимает с руки перстень и протягивает мне:

— Здесь отпечаток моей ауры, леди. Постарайтесь сделать так, чтобы лорд Зеер лично привёл вас в дом. Магическая защита сочтёт, что это он меня впустил, и, пока кольцо внутри, защита не будет на меня реагировать.

То, что сделал Риман?

— Поняла.

Экипаж останавливается, и Лара вновь исчезает.

Я спускаюсь на мостовую. Как я должна выманить лорда? Дверь открывает дворецкий.

Я оборачиваюсь к кучеру:

— Уважаемый, подождите минуту, — и перевожу взгляд на дворецкого. — Попросите лорда спуститься, это срочно.

Дворецкий кашляет в кулак, кивает, принимая мою просьбу и уходит. У меня есть пара минут, чтобы придумать объяснение

Лорд Зеер спускается быстро. Я же нарочно заранее отступила к экипажу, чтобы вынудить опекуна спуститься с крыльца и подойти. Наверняка из-под купола, или что тут защищает дом, он вышел.

— Шелли, что произошло? — лорд выглядит обеспокоенным.

— Всё хорошо, — поспешно успокаиваю я. — Даже больше, чем хорошо. Я попросила его высочество за Бальзера, и его высочество обещал разобраться в ближайшее время. Из затруднительного... его высочество не сразу вернёт учётные книги, он полистал и сказал, что всё слишком запутано, у него от таких записей разболелась голова. Его высочество не слишком любит работать с документами. Лорд, я попросила вас прийти, потому что его высочество очень хвалил вино, которым вы его угостили. Если бы вы послали бутылочку во дворец, его высочество лишний раз вспомнил бы обо мне и моей просьбе.

— Хм... Я сейчас распоряжусь. Шелли, для этого не нужно было дёргать меня.

— Да? Простите. Я просто боялась, что экипаж уедет, не дождавшись.

— Всё в порядке, — отмахивается лорд.

Мы вместе входим в дом.

Я сжимаю кулак и подушечкой большого пальца глажу кольцо Лары. Получилось...

В спальне, точнее, в будуаре, меня встречает служанка, та самая, которая ехала со мной в карете на

бал, и имя которой я до сих пор не знаю. Кивком поприветствовав её, я притворяюсь уставшей, прошу помочь мне снять платье, сама ломаю причёску, распускаю волосы. Женщина тянется к расчёске, но я мотаю головой, отказываюсь. Сославшись на усталость, говорю, что буду отдыхать.

— Моя леди, вы так изменились...

Ах?!

Спокойнее, только спокойнее.

— Полагаешь? — спрашиваю я и наклоняю голову к плечу.

Под моим прямым взглядом женщина теряет её уверенность разбивается, стоило даже не надавить, а... показать властность? Привычка безоговорочно подчиняться господам слишком глубоко укоренилась в женщине. Она опускает голову, беспокойно переплетает пальцы.

— Моя леди...

— Наверное, ты права. На балу его высочество кронпринц показал мне новые грани жизни... Я чувствую себя совершенно по-новому. Его высочество говорит, что позаботится обо мне, — я улыбаюсь, старательно изображая влюблённую дурочку.

Женщина переминается с ноги на ногу.

— Вы правы, моя леди.

Я не слышу в её голосе убеждённости. Сейчас женщина отступает. А дальше? Стоит ей проговориться, пойдут слухи. И не обязательно она проговорится со зла, хватит, если она будет вздыхать обо мне на кухне или поделится переживаниями с какой-нибудь горничной, а уже та понесёт новую тему дальше. Какие слуги не обсуждают хозяев? Я не заметила, чтобы в доме Зеер горничные были особо вышколенными. Чем обернётся слух для меня? С одной стороны, женщина простолюдинка, а я аристократка. Её слово веса не имеет. С другой стороны, если расследование поддержит, допустим, королева... Монах как-то увидел, что у меня душа голодная. Мало ли, что ещё можно рассмотреть, если смотреть пристально.

Ладно, сейчас об этом беспокоиться нет смысла. Я отсылаю женщину, дожидаясь, когда её шаги стихнут.

— Лара?

— Да, леди?

Телохранительница возникает в трёх шагах от меня.

— Лара, узнай, пожалуйста, кто эта женщина, какое положение в доме занимает, как её зовут.

— Леди?

— Его высочество не сказал? Хм, раз не сказал, то я опущу подробности. У меня возникли проблемы с памятью.

Лари исчезает, растворяется в воздухе. Я старалась не моргать, но всё равно упустила миг её исчезновения.

Потянувшись, я прикидываю, чем заняться. Бумаги и карандаша у меня пока нет, так что магическое рисование пока отложим. Светильник мне тоже делать не из чего. Я прислушиваюсь к ощущениям. Крошечные молнии, которые я втянула в солнечное сплетение, после ослабления контроля постепенно разбежались и вернулись в окружающую среду. Что же, мастер прав, управлению энергией мне ещё учиться и учиться.

Я достаю из тумбочки яйцо, провожу подушечками пальцев по чуть тёплой поверхности, осторожно обнимаю яйцо обеими ладонями. В библиотеке у меня получилось втянуть молнии, не закрывая глаз. Сейчас тоже получится. Я строго слежу, чтобы не втянуть лишнего, наставления я помню. И перенаправляю энергию в яйцо. Получается вроде бы неплохо, и я продолжаю подпитывать яйцо. Главное знать меру и не перетрудиться. Почувствовав, что устаю, я останавливаюсь. Яйцо изменилось, теперь скорлупа прозрачная, но внутри клубится густой туман.

Подумав, прячу яйцо под подушку.

Есть хочется...

Глянув за окно, я поразилась, как время быстро летит. Стемнело, на небе выпали звёзды. Я

тянусь в удовольствие, поднимаюсь и нехотя отправляюсь на поиски хоть кого-то. Лара не в счёт, я не жду нападения прямо сейчас, но отчётливо понимаю, что телохранителя нельзя отвлекать от его обязанностей. Надо придумать, под каким соусом я приведу личную горничную, причём не выберу из домашних служанок, а попрошу надёжную девочку у Римана.

Я выхожу из коридор, в доме я уже ориентируюсь. Условно. По крайней мере, я знаю, как от парадного входа добраться до моих покоев, и где искать кабинет лорда... Выловив первую попавшуюся горничную, я небрежно отдаю приказ накрыть в моём будуаре.

— Шелли, разве вы не поужинаете с нами? — раздаётся со спины голос леди Зеер.

— Леди, я устала и не слишком хорошо себя чувствую, — отказываюсь я.

— Шелли, вы до сих пор не восстановились после поездки? Ох, если ваше самочувствие настолько пошатнулось, мы немедленно вызовем целителя.

— Не настолько, леди. Однако я бы предпочла остаться в спальне.

— Шелли, вы разобьёте нам сердце.

Не верю.

Но, пожалуй, согласиться всё же стоит. Как минимум проверю, насколько хороши рефлексy Шелли во владении столовыми приборами. Завтра я должна сопровождать Римана на неофициальной встречи с послом. Что я буду делать, если подадут не палочки?!

Распорядиться принести вторую порцию я всегда успею...

— Раз вы настаиваете, леди, я не стану отказываться.

Глава 30

Ужин проходит в странной атмосфере. Пусть Шелли этой семье чужая, пусть у лорда и леди договорной брак и между собой они не слишком тепло общаются, но почему они также холодны к сыну?

Бальзер встряхивает пшенично-льняной чёлкой:

— Сегодня моими предложениями заинтересовались из канцелярии его высочества, — самодовольно объявляет щёголь, когда суп сменяет основное блюдо. — Наконец-то, меня оценили. Жаль, что глава департамента так и не смог этого сделать, но ожидание того стоило.

— Бальзер, вероятно, стать советником при кронпринце — это меньшее, на что вы можете рассчитывать.

— Бальзер невероятно талантлив, — подхватывает леди.

Я допускаю, что парень не в курсе, что я за него просила, хотя надо быть совсем хлебужком, чтобы не сложить два и два: интерес Римана ко мне и последовавший за этим интерес к сыну моего опекуна. Но у лорда Зеера совесть не чешется? Приписывать сыну мою заслугу. Впрочем, пусть. Я посмеюсь, когда вместо карьерного взлёта Бальзер встретит карьерное падение. Мозгов у парня мало, так что в исходе можно не сомневаться.

Ужин проходит вполне мирно.

Я убеждаюсь, что справляться с вилками и ложками натренирована достаточно, чтобы не опозориться при посторонних.

Подают десерт. Ягодное желе дрожит на квадратной тарелке. Я пробую самую малость. На вкус десерт оказывается гораздо лучше, чем на вид, и я съедаю половину. Съела бы больше, но лорд Зеер откладывает приборы, что означает окончание ужина.

Вернувшись к себе, я первым делом спрашиваю:

— Лара?

— Да, леди?

Лара появляется.

— Мне попросить принести ужин?

— Леди, спасибо, но не стоит. Я уже была на кухне. Пожалуйста, не беспокойтесь ни о чём.

— Если что-то потребуется, обязательно скажи.

— Да, леди. Леди, я выяснила, что женщину, о которой вы спрашивали, зовут Тамра. Мне пока не удалось определить её статус. Она единственная, кто прислуживает вам.

— Она была со мной в карете, когда мы ехали на бал.

— Возможно, она ваша бонна, леди? Вы подозреваете, что она как-то связана с тем, что вы испытываете трудности с памятью?

— Нет, Лара. Причину я знаю, нет необходимости расследовать. Спасибо.

Значит, Тамра. Уже лучше. А то попросила бы меня назвать её по имени, что бы я делала?

Убедившись, что больше у меня вопросов нет, Лара исчезает, и я остаюсь одна. Конечно, это лишь иллюзия одиночества, уверена, невидимая Лара не сводит с меня глаз. Именно из-за неё я не спешу призывать ноут, хотя хотелось бы узнать, сколько карат я нащёлкала.

Временно отбросив все заботы, я ухожу в ванную комнату. С каким же удовольствием я полежу в тёплой воде... Пену найти не удаётся, зато на дальнем крае полки мне попадается увесистая банка с морской солью, и я бросаю в воду целую пригоршню, нахожу шампунь, бальзам, мочалку. Кладу поближе стопку свежих полотенец. И забираюсь в воду.

Блаженство... Дома я вечно торопилась, принимала душ. Неужели, чтобы понежиться в ароматной воде, нужно было угодить в другой мир? Я закрываю глаза, расслабляюсь.

— Леди! Леди Тинс, проснитесь!

— А?

— Леди, простите, но вы заснули, а вода уже остыла. Как я объясню государю, если вы завтра заболите и не сможете пойти на встречу с посланцем?

— Спасибо.

Лара, фыркнув, исчезает.

Я сливаю воду, включаю горячую воду, согреваюсь. Затем выбираюсь из ванной, растираюсь полотенцами и закутываюсь в пушистый халат.

Дома бы мне пришлось прибирать за собой — расставлять склянки по местам, вытирать пол. Но в новом мире у меня есть горничные. Как-то я быстро начала привыкать к хорошему.

Я забираюсь под одеяло. Как нарочно, спать после того, как Лара меня разбудила, расхотелось. Я не достаю из-под подушки яйцо, просто прижимаю ладонь и подпитываю его магией ещё немного.

Вот загадка с этим яйцом. Энергия окружает его, так почему природа не сделала так, чтобы зародыш сам мог тянуть из окружающего пространства силу? Наверное, есть причина. Может, тех крох, которые яйцо само может втянуть, недостаточно? Нужен концентрированный поток? Ладно, с магией на сегодня покончено.

Сон по-прежнему не идёт. Я выбираюсь из кровати, делаю ночник ярче, вынимаю свиток с заклинанием «Призрачные когти». Мастер сказал, что нужно концентрироваться на рисунке до тех пор, пока он не отпечатается в сознании. Что же, медитация — отличное завершение дня.

Я вглядываюсь в переплетение линий, заключённых в круг. В первые секунды я концентрируюсь на рисунке, но очень скоро меня начинают отвлекать посторонние мысли. В прошлой жизни мне доводилось слышать, что медитация требует дисциплины ума. Видимо, дисциплины мне не хватает. Линии плывут перед глазами, расплываются...

Проснувшись, я обнаруживаю, что лежу, раскинувшись в позе морской звезды поверх одеяла, голова оказалась между двух подушек. Ночник погашен. Свиток свернулся на животе. Зевнув, я убираю свиток, поворачиваюсь на бок. Вставать лениво, поэтому я нащупываю яйцо и в очередной раз вливаю магию, а затем втягиваю из окружающего пространства энергию и пытаюсь удержать.

В дверь раздаётся осторожный стук.

— К вам Тамра, — сообщает пустота голосом Лары.

— Да?

— Моя леди, вы проснулись?

Я поспешно поправляю подушку, чтобы скрыть яйцо, и встаю.

Служанка входит:

— Доброе утро, моя леди.

— Доброе, — отзываюсь я. — Завтрак уже готов? Я не знаю, когда его высочество пришлёт за мной экипаж сегодня.

И надо обдумать, во что одеться. Второй раз в одном и том же платье появляться не стоит. Опять же, платье, надетое на официальный приём не может быть надето во время неофициальной встречи. Хм, самой рыться в гардеробе? Ну уж нет.

— Помогите мне подобрать платье, что простое, элегантное. И пусть это обязательно будет платье с широкими рукавами.

— Да, леди.

Я ухожу умываться.

Когда я возвращаюсь, Тамра ждёт меня у зеркала с расчёской в руках. Я не возражаю, позволяю расчесать волосы, а затем собрать наверх и заколоть пучок. Длинные шпильки подождут, я одеваюсь в домашнее платье и перебираюсь в будуар завтракать. Чай, оладьи с вишнёвым вареньем, сыр с орехами, вазочка с сухофруктами на десерт.

Экипаж за мной прибыл, когда я допивала вторую чашку — раньше, чем я ожидала.

Я торопливо поднимаюсь, возвращаюсь в спальню, на ходу скидываю домашнее платье, благо никаких сложных застёжек на нём нет.

— Моя леди, прошу прощения, но у вас нет платьев с широкими рукавами, кроме подаренного его высочеством кронпринцем.

— Пелерина, палантин?

Шёлковый браслет со шпильками смотрится неплохо, но всё равно мне бы не хотелось выставить его напоказ, это будет... неэстетично.

— Палантин есть, — радуется меня Тамра и достаёт два на выбор, газовый белый с серебристой нитью, очень красивый и довольно невзрачный жемчужно-серый.

Первый смотрелся бы лучше, но второй непрозрачный, и я выбираю его. Под него подойдёт такое же простое платье, выделяющееся ядовитым цветом — сочная фуксия. Я дополняю причёску длинными шпильками, надеваю подаренный мне вчера старшей госпожой браслет. Финальный штрих — накидываю палантин и перетягиваю левый край вперёд, так, чтобы скрыть руку. Может, через локоть перебросить и обернуть вокруг запястья?

— Моя леди..., — вздыхает Тамра.

Наверное, Тамра снова видит разницу между прежней Шелли и мной. Я качаю головой, прошу оставить меня одну на пару минут. Тамра подчиняется.

Я прячу в тумбочку яйцо, беру с собой пару купюр, убираю их в декольте. Вроде бы ничего не забыла. Я выхожу из спальни, спускаюсь вниз. Всего день прошёл, а я так соскучилась по Риману, что никакие опасности не пугают.

Кучер уже ждёт, дверь распахнута.

— Приветствую, леди Тинс, — кланяется он.

— Доброго дня, — улыбаюсь я.

Скорее, увезите меня из этого дома.

Я забираюсь в салон, кучер захлопывается дверцу, и тотчас на сидении напротив появляется Лара.

Экипаж трогается.

— На рассвете, когда прислуга ходит на рынок за свежими продуктами, у дома крутился подозрительный паренёк, леди. Будьте начеку, леди.

— Спасибо, что предупредила, Лара.

— Это мой долг, — она замолкает, отворачивается.

Я не настаиваю.

Сегодня Лара кажется не такой холодной, как вчера. Может быть, ей требуется время, чтобы ко мне привыкнуть?

Я закрываю глаза, чтобы не отвлекаться на неё, и сосредотачиваюсь на ощущениях. Перед завтраком я втянула в солнечное сплетение магию. В идеале у меня должно быть ровно столько силы, сколько я взяла. Увы, треть потерялась. Я снова тяну магию из окружающего пространства. И тренируюсь, пока экипаж не останавливается, а кучер не объявляет, что мы прибыли.

Дверца распахивается.

Оттеснив кучера, руку мне подаёт Риман.

Глава 31

Улыбка появляется на губах, я не в силах скрыть свою радость. Риман отвечает беззлобной усмешкой. Мои чувства для него наверняка прозрачны как стекло. Я опираюсь на его руку чуть выше края манжета. Леди не пристало касаться открытой кожи. Риман отступает на шаг, освобождая для меня место.

Перед нами широкая парадная лестницы не то огромного особняка, не то небольшого дворца.

— Резиденция посольства Великой Солнечной империи? — уточняю я.

— Верно. Вы настолько понравились главной супруге посла, что я не мог отказать и привёз вас, Шелли.

Ясно, мне вновь отведена роль щита, Риман выбрал отличное объяснение нашего визита в посольство. Мы поднимаемся по ступенькам. Риман склоняется к моему уху, будто собирается прошептать пару интимных комплиментов, его дыхание касается кожи:

— Шелли, в империи принято, что у чиновника высокого ранга, кроме главной жены и младших жён, есть пяток другой наложниц, поэтому я могу свободно вас привести. Поскольку я вас выделяю, вас воспринимают как младшую жену, причём фактическую, ведь при дворе вас уже называют моей фавориткой.

— И?

— Покажите отношение к Оливии как к старшей сестре.

— Разве госпожа не поняла, что я подставила принцессу?

— Естественно, поняла, — улыбается Риман. — А теперь позволь ей оценить твоё умение давать благородное объяснение не самым благовидным поступкам.

Я киваю.

Лакеи распахивают двери, мы входим в здание, и нам навстречу незамедлительно шагает...

Сходу определить статус женщины в тёмно-коричневом платье у меня не получается. Для госпожи она одета слишком мрачно, но и простой слугой она быть не может.

— Ваше высочество, — она складывает руки перед грудью и низко кланяется, — господину уже сообщили. Не возражаете ли вы подождать в гостинной?

А мне ни слова, будто меня нет...

Риман ограничивается кратким да:

— Да.

Женщина провожает нас в относительно небольшую комнату, выдержанную в густых зелёных тонах. Риман отпускает мою руку, проходит к креслу, садится, и слуги под руководством управляющей тотчас подают чай. На стол ставят одну пиалу, для Римана, но не для меня.

А ко мне подходит одна из служанок, кланяется:

— Леди, я провожу вас в гостиную.

Видимо, в другую гостиную. Прежде, чем согласиться, я кошусь на Римана. Он в знак одобрения моргает.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я служанке.

Следуя за ней, я выхожу из комнаты. Служанка уводит меня довольно далеко вглубь резиденции. С одной стороны, посольство Великой Солнечной империи — не то место, где мне желают зла. С другой стороны, если бы я была уверена, что Лара рядом, мне было бы спокойнее.

Меня ждут.

Перед входом в гостиную стоит служанка, она распахивает дверь, кланяется. Я вспоминаю, что Риман младших слуг игнорировал, ответил только управляющей, да и то расщедрился всего на одно слово, поэтому я прохожу мимо.

Центральное кресло наверняка для хозяйки. Риман сел справа от кресла, которое займёт посол. Я

поступаю также, и служанки подают мне чай. Я не отказываюсь, поднимаю пиалу, глубоко вдыхаю терпкий аромат с лёгкой горчинкой.

Старшая госпожа не появляется ни через пять минут, ни через десять. Я начинаю подозревать, что я должна тянуть чай, пока хозяйка не явится. Не зря же монах пил каждый глоток чуть ли не по часу. Эх, Риман не предупредил...

— Доброго дня, леди. Я рада вас видеть.

Опустив пиалу на стол, я поднимаюсь и под прикрытием палантина повторяю принятый в империи поклон. Как правильно складывать ладони я до сих пор не знаю и радуюсь, что скользкий нюанс можно обойти.

— Доброго дня, госпожа. Я также рада вас видеть и тронута вашим гостеприимством.

Я говорю искренне, и госпожа медленно кивает.

Она проходит к центральному креслу, садится, бросает острый взгляд на моё запястье.

— Госпожа, я должна ещё раз выразить вас свою признательность.

— Леди, вам нравится браслет? Хорошо.

Я сделала ошибку?!

Госпожа слишком безмятежна, по её лицу ничего не прочесть. Слуги подают ей пиалу, и она поднимает её к губам.

Перебивать её наслаждение чаем я не осмеливаюсь, думаю. Хотя я гостя, я явно младше, и по возрасту, и по положению. Следовательно, говорить и задавать тему беседы привилегия хозяйки, а моя задача ловить намёки и лавировать.

Хозяйка опускает пиалу на уровень груди, улыбается:

— Леди Шеллара, я вижу вам нравится наш шёлк, наша кухня, наши украшения, наша традиция чаепития... Но я ни разу не замечала, чтобы вам нравилось что-то лависское.

— Хм? Госпожа, хорошие вещи есть хорошие вещи, независимо от того, из какой страны они пришли. Скажите, если базарную торговку облачить в парчу и бархат, разве исчезнет её визгливый голос и страсть браниться? Истинная правительница, даже в дерюге, будет излучать достоинство и гордость. Как вы, ступив на землю Лависа, не перестанете быть гордой дочерью Великой Солнечной империи, так и я, облачившись в шёлк, не перестану быть... избранницей его высочества кронпринца Римана.

Я говорю очень опасные слова, но всё же я рискую отделить себя от Лависа. Помогая Риману, я уже зашла слишком далеко. Так зачем останавливаться?

Другое дело, я не знаю, как госпожа воспримет моё признание... Но ведь это именно Риман идёт против воли короля и предлагает послу союз. Значит, я действую верно.

— Смелость до безрассудства опасна, — тянет госпожа, рассматривая чай в пиале.

— Смелость до безрассудства ведёт к катастрофе или победе. Нерешительность же чаще оборачивается поражением.

Госпожа не возражает и меняет тему:

— Интересно, если союз будет заключён, укрепят ли его узы брака? — и смотрит на меня внимательно.

И почему все видят во мне невесту Римана?

— Полагаю, решение будет принято на самом высоком уровне, — киваю я.

— Я слышала, в Лависе у мужчины может быть только одна жена?

— Это верно. В Лависе у мужчины может быть только одна официальная жена, однако мужчины остаются мужчинами в любой стране и нередко благоволят певицам или берут неких особ на содержание. Но это делается лишь для отдыха, и не может рассматриваться официально.

Госпожа делает глоток:

— Я также слышала, что у его высочества есть невеста. Но невеста ещё не супруга, жизнь

изменчива.

Я вспоминаю слова графини. Она была убеждена, что в браке с дочерью императора Великой Солнечной империи для Римана нет никакой выгоды. Но что думает сам Риман? И может ли быть так, что империя выставит брак одним из обязательных условий союза? Я не невеста, меня все эти брачные перипетии не касаются.

— Вы абсолютно правы, госпожа. Жизнь изменчива, а получить шанс связать судьбу с дочерью Великой Солнечной империи следует считать большой удачей.

— У Лависа нет принцесс, но есть благородные леди, которые могли бы войти в дома высших чиновников империи или даже во дворец императора.

Что за намёк?!

Я... я не хочу ни в чей гарем, даже императорский! Тем более императорский...

К счастью, у меня есть ноутбук, и Риман знает о ноуте, Риман не отпустит меня. Я уверена. Поэтому мне удаётся сохранить спокойствие.

— Это тоже верно, госпожа. Если бы благородные чистые дочери лордов расцвели в садах Великой Солнечной империи, было бы прекрасно.

— Чистые, — эхом повторяет госпожа.

Учитывая, что я считаю себя любовницей кронпринца, предлагать меня чиновникам империи равноценно оскорблению. Ха, я могу не беспокоиться!

Госпожа допивает чай, опускает пиалу на стол. Из её рукава выскальзывает складной веер, и она небрежно вертит его в пальцах, открывает, закрывает. Её игра с веером похожа на танец. Я отвожу взгляд и смотрю вдаль. Пристальный интерес к вееру — во вред.

Время течёт медленно. Я не знаю, прошёл час или пять. Слуги подливают чай.

Бездействие раздражает.

Дверь открывается, входит управляющая. Она обходит комнату вдоль стен, останавливается за спиной госпожи, наклоняется и что-то шепчет. Я не пытаюсь вслушиваться, наоборот, старательно не замечаю служанку.

— Леди Шеллара, — обращается ко мне госпожа, — его высочество ожидает вас.

— Благодарю.

Я поднимаюсь, кланяюсь и выхожу вслед за управляющей. Она ведёт меня по коридорам, залам, и некоторые кажутся знакомыми.

Риман ждёт меня в вестибюле. Посла нет, только слуга с опущенной головой стоит поодаль и притворяется элементом интерьера, но я не заблуждаюсь. Прямо сейчас за каждым моим шагом, за каждым моим жестом наблюдают. Не только за мной, за Риманом тоже. Отрешившись, я позволяю телу действовать на рефlekсах, опускаюсь перед Риманом в реверанс. Риман принимает моё приветствие и предлагает локоть:

— Моя леди.

Мы покидаем резиденцию посольства.

Я кошусь на Римана, но тотчас мысленно вздыхаю. Он не тот, по чьему лицу можно прочесть ответ. Мне очень хочется узнать, как всё прошло и добился ли Риман результата, но я прихлопываю любопытство — успех или неудача не лучшая тема для обсуждения перед посольством.

Мы проходим мимо роскошной кареты Римана. Экипаж для меня стоит вторым и рядом с каретой смотрится весьма убого. Меня же удручает не внешний вид экипажа, а скорое расставание.

Кучер распахивает дверцу, ставит ступеньку. Я изнутри прикусываю щёку, чтобы не дать огорчению отразиться на лице. До мастерства Римана мне ещё учиться и учиться.

Столькому нужно научиться, а времени так мало...

Раздаётся стук копыт, из бокового переулка вылетает всадник на гнедом коне. Риман замирает. Я тоже смотрю на всадника, облачённого в военную форму. Адьютант Римана?

Всадник натягивает повод, конь встаёт на дыбы. Всадник спрыгивает на мостовую, делает шаг вперёд:

— Ваше высочество, — говорит он с поклоном.

— Шелли, прошу прощения.

Сообщение, с которым прибыл адъютант, каким бы оно ни было, не для моих ушей. Я отступаю, чтобы не мешать. Может, сесть в экипаж? Наверное, нехорошо это делать, не попрощавшись, Риман всё равно пройдёт мимо к своей карете.

Выслушав адъютанта, Риман забирает папку и подходит ко мне:

— Шелли, как насчёт того, чтобы принять участие в судебном разбирательстве?

Глава 32

Как будто у меня действительно есть выбор.

Я улыбаюсь, и Риман приглашает меня в свою карету. Интересно, Лара поедет в моём экипаже или будет с нами? Вряд ли с нами...

Как кронпринц Риман мог бы сесть лицом по ходу движения, но он галантно уступает место мне, садится против хода кареты, и, как только лакей захлопывает дверцу, Риман растягивается на сидении точно ленивый домашний кот. Так и хочется протянуть руку и почесать котище пузико, но не в тех мы отношениях. Разыгравшееся воображение никак не хочет успокаиваться.

— Шелли, о чём вы таком интересном задумались, неужели не поделитесь?

— Хм... О предстоящем судебном разбирательстве? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Риман фыркает, он явно не верит мне, но и не опровергает, жмурится.

На столике стоит корзинка с фруктами, и я вынимаю кисточку винограда. Отрываю ягоду, закидываю в рот. Риман не сводит с меня хитрых глаз. Я закидываю в рот вторую ягоду.

— Шелли, я правильно понимаю, что вы хотели бы освободиться от опеки лорда Зеера?

— Если быть точнее, я бы хотела избавиться от любой опеки. Я в состоянии позаботиться о себе сама.

— Охотно верю, — усмехается Риман. — Вы чуть не увели у меня из-под носа сделку с Безумным капитаном. Подумать только, соблазнить его картой... Я верю, что вы можете о себе позаботиться, но, увы, закон не на вашей стороне, Шелли, а власти переписать ради вас законодательство у меня, увы, нет. Хотя совершеннолетие наступает в восемнадцать, жить самостоятельно вы сможете только после достижения двадцати пяти лет.

— Ваше высочество, раз вы завели этот разговор, у вас есть идеи.

— Безусловно, — хмыкает Риман.

Он садится ровнее, вынимает из корзинки яблоко, вгрызается в красный бок со смачным хрустом. Я сосредотачиваюсь на ощипывании виноградной кисточки.

— В законе чётко прописаны не только права опекуна в отношении воспитанника или воспитанницы, но и обязанности, которыми, как я понимаю, лорд Зеер пренебрегал. Это очевидно.

Риман откладывает надкушенное яблоко, открывает папку и быстро листает. Его взгляд становится цепким. Хотя Риман листает очень быстро, я уверена, он не упускает ни одной детали.

— Не дразните, ваше высочество, — улыбаюсь я.

— Если доказать, что лорд не только вами пренебрегал, но и действовал против вашей выгоды, его опекунство можно оспорить.

— И кто же в таком случае получит право опеки?

Риман снисходительно смотрит на меня, самодовольно улыбается.

Я откладываю ощипанную кисточку винограда в корзинку.

— Вы, ваше высочество?

— Вы против, Шелли?

— Отнюдь.

— Вы не сможете остаться в доме лорда Зеера.

— Какая радость.

Риман догрызает яблоко, причём съедает его вместе с семечками.

— Шелли, хотите собственный дом в столице?

— Идея снимать жильё или остановиться в гостинице мне точно не нравится, да и вы вряд ли одобрите. Хочу или не хочу не имеет смысла, когда речь идёт о безопасности.

— Верно. Шелли, покупку дома я тоже не одобряю. Самую надёжную магическую защиту можно вскрыть, а мои возможности, увы, ограничены. У меня не так много надёжных телохранителей, чтобы обеспечить вам достаточную охрану. Во дворце, в покоях в моём крыле, было бы безопасно...

Риман хмурится, надолго замолкает. Я не тороплю его, тоже задумываюсь. Во дворце, где и принцесса, и королева желают моей смерти, безопасно? А ведь в этом есть смысл. Если королева пришлёт мне приглашение, отказаться не смогу. Но если я буду в покоях Римана, то пригласительный до меня просто не дойдёт.

— Но? — напоминаю я, когда Риман выныривает из размышлений, и его взгляд снова фокусируется на мне.

— Возможно, в ближайшем будущем ситуация изменится, и моё крыло во дворце тоже перестанет быть безопасным. Шелли, я куплю для вас дом, по подставным документам. Вы переедете позднее, причём тайно. Для всех вы будете жить со мной.

— Да, ваше высочество.

Риман одаривает меня быстрой улыбкой и берёт из корзинки грушу. У меня же пропадает желание возиться с фруктами. На душе становится беспокойно. Почему Риман сказал, что во дворце станет опасно? Возникшее дурное предчувствие отказывается пропадать. Я перебираю в уме события романа «Сбежать от чудовища», но не нахожу ни единой зацепки. Реальность слишком далеко ушла от своей книжной версии.

Карета останавливается.

— Столичный магистрат, — ухмыляется Риман и подаёт мне руку. — Знаете, Шелли, я задаюсь вопросом, зачем лорду Зееру столько денег? Вам они определённо нужны.

Мы поднимаемся по ступенькам, походка Римана неуловимо меняется, становится менее твёрдой. Откуда Риман вытащил полупустую бутылку? Кажется, что как фокусник, буквально из воздуха. Отпив, Риман надолго задержал вино во рту, и теперь все, кто окажется близко, будут чувствовать, что Риман предавался возлияниям.

Интересно, когда я должна запретить Риману пить? Сейчас зрителей явно недостаточно.

Риман привёл меня в судебный зал и плюхнулся на стул, мне же ничего не оставалось, как идти вперёд. Центральное место занято, вероятно, судьёй. Справа лорд Зеер и плюгавенький типчик с пуговичными, как у крысы глазами. Слева незнакомый мне мужчина.

— Леди Тинс, — приветствует тот меня и указывает на место рядом с собой. — Позвольте представиться, я инспектор Гральс, назначен его высочеством кронпринцем разобрать дело с бухгалтерскими книгами.

— Благодарю, инспектор Гральс, — я послушно сажусь.

По идее я последняя, кто должен был появиться, пора начинать, но судья смотрит на кронпринца. Я оборачиваюсь. Риман, развалившись на двух стульях, прикладывает к бутылке, затем поднимает её и смотрит на свет, хмурится, опускает и пытается заглянуть в бутылку одним глазом, второй зажимивает. Очевидно, что его высочество потерян для общения.

— Начнём, — негромко объявляет судья.

Риман никак не реагирует.

Обиженно выпятив губу, он откуда-то выуживает вторую початую бутылку и начинает их сравнивать. Мда... Вот не знала бы лично, поверила бы, что у его высочества мозги заспиртовались необратимо.

Инспектор поднимается со:

— Господин судья, четыре года назад лорд Зеер принял под опеку свою племянницу юную леди Шеллару Тинс и, соответственно, взял под управление наследство леди Тинс. Основываясь на бухгалтерских книгах, я провёл тщательное расследование.

Какой быстрый, однако. Хотя, если над цифрами корпели десятки помощников главного инспектора...

— Семейные бухгалтерские книги ведутся для внутреннего учёта и не могут в полной мере считаться официальным документом, — немедленно влезает помощник лорда Зеера.

Инспектор Гральс ни капли не возражает:

— Именно поэтому я поднял архив казначейства.

Я про себя усмехаюсь.

Инспектор продолжает.

— Мне бы хотелось получить от лорда Зеера объяснения по некоторым пунктам. Первое. Леди Тинс унаследовала трёхэтажный дом в Омсе. Став воспитанницей лорда Зеера, леди была вынуждена переехать в столицу, а её родительский особняк был превращён в доходный дом.

— Во благо воспитанницы, — немедленно вякает лорд Зеер.

Инспектор вытаскивает из пухлой папки документ, кладёт перед собой.

— Доход за первый год был вложен в ремонт доходного дома, далее поступления от постояльцев переводились в семейный фонд лорда Зеера.

— Открывать для подопечной отдельный счёт не является обязательным, — плюгавенький моментально сослался на законы.

— Лорд Зеер, сумма за три года накопилась значительная. Какая её часть была потрачена на леди Шеллару Тинс? В учётных книгах ни одна подобная трата не упоминается. Может быть, вы можете назвать модистку, у которой заказали для леди наряды или привести в пример ювелира, изготовившего для леди украшения?

— Я...

— Вот полный перечень имущества, с которым леди прибыла в столицу, — инспектор вытаскивает ещё один документ. — Описание платьев присутствует.

— Н-нет, я...

— Что вы, лорд Зеер? — внезапно Риман поднимается со своего места.

Ухватившись за спинку, Риман сохраняет равновесие и расплывается в дьявольской улыбке.

— В-ваше высочество...

Не знаю почему, но до сих пор судья не вмешивался. Тем, кто задавал вопросы, был инспектор. Я до конца не уверена, какое это имеет значение, но не сомневаюсь, солгать инспектору не самое тяжкое преступление. Но за ложь кронпринцу можно и головы не сносить.

— Ваше высочество, покойный лорд Тинс занимался торговлей с Северным союзом, а именно торговал мехами. За четыре года его компания обанкротилась, однако в Омсе появилась похожая компания, за бесценок выкупившая флот и перезаключившая контракты с компаньонами лорда Тинса на аналогичных условиях. Фактически, компании похожи как две капли воды, единственное отличие — владелец. Новая успешная компания принадлежит лорду Зееру младшему.

Удивительно, но разбирательство не затянулось надолго.

Риман, так и не расставшись с бутылкой, вышел вперёд. Инспектор передал ему список вопросов, и Риман, заплетающимся языком зачитал их. Лорду Зееру оставалось лишь отвечать «да» или «нет». Лгать Риману лорд Зеер не осмелился, и это понятно. Я бы тоже не стала подставляться под обвинение в оскорблении короны, когда можно отделаться штрафом.

В глазах опекуна вспыхивает подозрение. Он переводит взгляд с бутылки в руках Римана на стопку бухгалтерских книг и обратно.

Риман выходит вперёд, небрежным взмахом руки убирает судью с центрального места, садится. Лорд Зеер бледнеет. Риман ставит перед собой бутылку, упирается в неё взглядом, будто в остатках вина спрятана шпаргалка.

— Королевский суд постановляет, — Риман тянет гласные, но язык уже не заплетается, речь внятная. — За злоупотребления и недобросовестность лишить лорда Зеера права опеки, вернуть наследство леди Тинс в полном объёме. Выплатить леди компенсацию в размере трёхсот тысяч рифов.

Лорд Зеер хватается за сердце, багровеет. Э-э-э, у него так сердечный приступ не случится? Учитывая, что в ломбарде за рубиновое ожерелье мне дали чуть больше сотни рифов, Риман сейчас отвоевал для меня приличную такую гору сокровищ.

Про казну Риман тоже не забывает, назначает штраф.

— Суд окончен, — Риман залпом допивает вино.

— Ваше высочество, — вмешивается судья.

— Мда?

— Леди Тинс девятнадцать лет. Вы лишаете её опекуна, но больше у леди нет близких родственников, готовых взять её под своё крыло.

Риман морщится:

— Впишите в протокол. Я лично беру на себя ответственность за леди Тинс. Моя леди? — Риман протягивает мне руку.

В гробовом молчании мы покидаем зал, но у двери Риман приостанавливается, оборачивается:

— Инспектор Гральс, я назначаю вас управляющим делами моей леди.

Мы выходим.

В магистрате Риман не задерживается. Чувствуется, что он торопится, а я задерживаю. Я стараюсь шагать быстрее. Наверное, сейчас Риман посадит меня в экипаж... Но разве я могу теперь вернуться в родовой особняк Зеер? Куда бы Риман меня ни отправил, нигде мне не будет так спокойной, как рядом с ним.

Риман поднимает голову, смотрит в небо. Солнце уже клонится к западу.

— Отлично, успеваем.

— Хм?

— Шелли, во дворец. Нас ждёт ещё одно хорошее шоу. Вы готовы исполнить для меня главную роль?

Глава 33

— Ваше высочество?

В карете Риман теряет былую вальяжность. Адъютант, перед тем, как кучер лакей закрыл дверцу, передал очередную папку с документами, и Риман не отрывается от бумаг. Я не могу рассмотреть ясно, лишь замечаю столбцы чисел, карты, какие-то схемы. Кто в здравом уме может желать сесть на трон?

— Да, Шелли? — Риман перелистывает очередную страницу.

— Может быть, вы отдохнёте? Честно говоря, смотреть больно.

Риман реагирует с запозданием, медленно опускает папку.

— Я так плохо выгляжу?

Не сказала бы. Теней под глазами нет, да и выглядит Риман бодрым, полным сил. Но всё равно...

— Откуда мне знать, что вы не обманываете меня магической иллюзией? — или банальной косметикой. В этом мире уже изобрели тональный крем?

Риман почему-то не отвечает. Вообще он выглядит подозрительно удивлённым, а я ведь не сказала ничего особенного.

— Ваше высочество, в любом случае в жизни должно быть что-то кроме работы, иначе сгореть не долго.

— Шелли, вы первая, кого заботят подобные мелочи, — звучит почти упрёком, как будто я говорю что-то неразумное.

Ха!

— Это не мелочи! — горячо протестую я.

Риман словно теряет. Иначе почему он буквально отгораживается от меня папкой?

Я вздыхаю.

Я понимаю, что сейчас у Римана тяжёлый период и на счету каждая минута, но что-то мне подсказывает, что и год назад, и два Риман только работал, работал, работал. Это неправильно... Мало достигнуть цели, надо суметь не сломаться после победы. Что толку от твоих достижений, если они опустошат тебя, исчерпав до дна? Нагрузка у Римана чудовищная. А хоть какая-то разгрузка есть?

До самого дворца Риман притворяется, что он один в карете, а я пыталась понять, почему простейшее предложение отдохнуть вызвало такую странную реакцию.

Карета въезжает на территорию дворца.

Риман захлопывает папку.

— Шелли, сегодня королева устраивала стихотворные чтения в королевском саду. По идее отец встретит её после возвращения, там же должен быть Доран. Лучше возможности не придумать.

— Запретить вам пить? — хмыкаю я.

— Нет, — Риман неожиданно серьёзен, обычно он, даже говоря о важных вещах, предпочитал более лёгкий тон. — Королеве наверняка донесли о моём визите в посольство Солнечной империи.

Естественно, донесли.

— Я помню, это главная жена посла хотела меня увидеть, вам пришлось меня сопровождать.

Как ни объясняй, подозрения неизбежны. Риман знал, на что шёл, когда рисковал открыто увидеться с послом. Что сейчас его беспокоит?

— Шелли, обязательно упомяните, что вы обменялись с главной госпожой украшениями и плавно перейдите на рассказ о других украшениях. Скажите, что увидели у госпожи шпильку, увенчанную уникальной розовой жемчужиной, размером с грецкий орех.

— Такие бывают?

Я мало знаю о жемчуге.

— Не важно, — отмахивается Риман. — Какая разница, бывают они или нет? Мы же врём. Достаточно, что розовые жемчужины упоминаются в имперских легендах. Жемчужину госпожа получила в подарок накануне свадьбы. Чтобы показать свою глубокую любовь, жених лично нырнул и достал с морского дна раковину.

Риман упоминал, что скоро в его крыле станет опасно. Кот из дома — мыши в пляс? Сопоставить одно с другим не составляет труда, и вывод напрашивается сам собой.

— Ваше высочество, мне отправить вас добывать для меня такую же побрякушку? Вы отправляетесь в империю?

— Верно, Шелли. Заключить военный союз с уничтоженным государством — это решение, которое может принять только сам император, но никак не посол. Можно было бы подождать, пока посол вернётся в империю, получит новые указания... Но это неприемлемо. Раньше время играло на меня, я набирал силу, ресурсы, готовился. Сейчас время играет против меня. Каждый лишний час — это риск, что Каранс или Вигения разоблачат мои планы и ударят первыми.

Дверца открывается, Риман, прихватив папку, выходит, отдаёт её адъютанту, а я... Я радуюсь, что прямо сейчас мне не нужно смотреть Риману в глаза. Я понимаю, что раз он говорит, что ехать надо, значит надо. На кону жизнь целого народа. Тут нет места моим переживаниям. Но как же не хочется расставаться!

Я выхожу следом, и в этот раз спуститься мне помогает кучер. Я опираюсь на его предплечье, догоняю Римана, и только тогда он протягивает мне руку.

Перед глазами мелькают интерьеры дворца, мы проходим анфиладу залов, лишь перед последним Риман замедляет шаг. Мы выходим в вестибюль и ломаем царящую в вестибюле гармонию. До нашего появления король и королева чинно беседовали, к их разговору прислушивались сопровождавшие его величество лорды и леди из леди свиты её величества.

Риман останавливается.

— Оу.

Он не повышает голос, но его слышат все. И поворачивают головы.

— Сын?

— Отец, ваше величество, — Риман кланяется, я приседаю в реверансе.

Королева проходится по мне цепким взглядом, замечает шпильки в волосах.

— Ваше высочество, — улыбается она, — я слышала, вы посещаете сегодня посла Великой Солнечной империи. Вы уже вернулись?

— Ваше величество, главная супруга посла пожелала познакомиться поближе с леди Тинс. Я лишь сопровождал леди.

— Леди Тинс, вы лишь недавно дебютировали в свете, но уже привлекли внимание. Откройте нам тайну, чем же вы заинтересовали имперскую госпожу?

— Ваше величество, его высочество кронпринц слишком хвалит меня. Главная супруга заметила, что моё платье на приёме было из шёлка, который производят лишь в Великой Солнечной империи. Госпожа заинтересовалась шёлком и беседовала со мной лишь о моде и украшениях, немного — о связанных с украшениями обычаях Великой Солнечной империи. Оказывается в Великой Солнечной империи мужчины, чтобы показать избраннице силу своих чувств, должны своими руками достать со дна моря раковину. Госпожа была столь любезна, что показала большую розовую жемчужину, которую преподнёс ей супруг, тогда ещё жених. Это так романтично...

Я делаю паузу.

Клюнет кто-нибудь? Ну же, хоть кто-то?

Глупой оказывается Оливия.

— Ох, леди Тинс, сочувствую. Должно быть очень тяжело наблюдать за чужой любовью, зная, что никогда ничего подобного не испытаешь.

— Ох? Ваше высочество, — я оборачиваюсь к Риману. — Разве вы не любите меня?

— Л-люблю, моя леди.

— Ваше высочество, вы клянётесь? Вы нырнёте ради меня за жемчужиной на дно моря?

— Легко! Обещаю, Шелли, даю вам королевское слово! Я завтра же отправлюсь к морю и лично найду для вас жемчужину!

Так быстро?

Нет-нет, нельзя показывать разочарования, у нас же целый зал зрителей.

— Ах, ваше высочество! — корчу я восторженную дурочку и полубоком разворачиваюсь к Риману, чтобы уйти из-под чужих взглядом.

Королеву не обмануть, но... Мне остаётся лишь верить, что Риман знает, что делает.

— Сын..., — его величество хмурится, но теперь, когда Риман при лордах и леди дал королевское слово, оспорить клятву невозможно.

Риман кланяется:

— Отец, простите, что отвлёк вас от беседы с её величеством, — звучит почтительно, но в тоне слышится едва уловимая насмешка.

Король не останавливает нас, а королеве, похоже, и вовсе не терпится закончить общение побыстрее, чтобы немедленно поднять по тревоге своих доверенных людей и как можно скорее передать весточку в Вигению и Каранс.

Риман уводит меня из вестибюля, и мы молчим, пока идём по коридорам. Риман приводит меня в уже знакомую гостиную. Двери закрываются, и Риман тотчас отпускает мою руку:

— Шелли, вы идеально сыграли, — подбадривает он меня.

Не верю, но и спорить не хочу.

— Спасибо.

— Шелли, Лара о вас позаботится, а я должен поработать.

— Я понимаю.

Риман скрывается в кабинете, а меня накрывает болезненным, иррациональным ощущением, будто Риман исчезает навсегда. Но это же неправда!

В гостиной материализуется Лара.

Глава 34

Мне ничего не остаётся, кроме как вздохнуть и пойти вслед за телохранительницей. Лара отводит меня в гостевые апартаменты. Я без интереса оглядываю будуар и спальню, сажусь в кресло:

— Лара, подскажи, пожалуйста, как я могу забрать из особняка свои вещи? Есть кое-что, что мне нужно срочно.

— Леди, это что-то габаритное?

— Нет.

— Я могла бы сходить, если вы не будете покидать крыло его высочества.

Я пожимаю плечами:

— Как я могу это обещать? Если его высочество распорядится...

Лара качает головой:

— Я имела в виду без приказа государя. Леди, вы не должны открывать окна, тем более выходить на балкон или спускаться в сад. Вы сможете с этим справиться?

— Если что-то случится, я обращусь к помощникам его высочества, но не уйду без контроля. Лара, королева и принцесса Оливия желают видеть меня мёртвой. Я не буду делать глупостей.

— Что именно мне принести?

Яйцо, книги, деньги, футляр с подарками его высочества... Вроде бы ничего не забыла. Не очень хочется подпускать Лару к своим «сокровищам», но я прекрасно осознаю, что заглянуть в тумбочку она могла уже сто раз пока я плескалась в ванной или даже спала. С её-то способностями. Сейчас важнее, чтобы лорд Зеер со злости не порвал книжки и не разбил яйцо.

В последний момент я вспоминаю про бонну Тамру. Я до сих пор не знаю точно, кем приходится эта служанка прежней Шелли: назначена Тамра лордом или прибыла с Шелли из Омса. Если из Омса, то я должна взять на себя ответственность и выплатить женщине выходное пособие. Наверное... Но уж точно не бросать на произвол судьбы.

Лара уходит.

Оставшись одна, я втягиваю из окружающего пространства магию — надо формировать привычку — и вызываю ноутбук. Давно пора посмотреть, сколько карат мне начислила «Система». На выполнение обещания оператор дал мне времени с хорошим запасом, но это не значит, что можно забыть про тикающий таймер.

Нет, можно. Таймер исчез, вместо него висит уведомление, что взятое на себя обязательство я выполнила и больше ничего не должна. Хотя здесь хорошая новость!

Сейчас на моём счету... Я открываю баланс. Двести семьдесят шесть карат?! Так много? Да я богата!

И я уже знаю, что я хочу купить.

Отвлечься приходится, когда горничная приносит ужин. Оказывается, увлёкшись, я потеряла счёт времени. Почти одновременно с горничной возвращается Лара. Я приглашаю её поесть со мной, ничего зазорного я в этом не вижу, ведь Лара не служанка, она моя телохранительница, а это совершенно особый статус. Увы, Лара отказывается, и я не могу настаивать, да и не нужно это. Уверенно, постепенно мы станем чуть ближе друг к другу. По крайней мере, Лара уже не так холодна, как была в самом начале нашего знакомства.

Лара отдаёт мне яйцо, книги, футляр с украшениями, коротко отчитывается и завершает доклад немного неприятным для меня сообщением:

— Леди, сомнительно, что лорд Зеер выплатит вам назначенную государем компенсацию.

— Вот как? Он намерен обратиться к королю?

Отменить решение Римана может только его величество, ни один судья не осмелится, да и нет у судей таких полномочий.

— Нет, леди. Просто у лорда Зеера не будет столько средств, даже если он продаст всё родовое имущество. Он крепко повздорил с сыном, обозвал его бесполезным.

— Хм?

— Против младшего лорда начато служебное расследование. Вероятно, он будет уволен без возможности вернуться на государственную службу.

— Ясно.

Лара кланяется мне по-мужски и уходит, не утруждая себя пожеланиями приятного аппетита или доброй ночи.

Я ужинаю в одиночестве, и ощущение, что Риман исчез, возвращается. Чем больше я думаю, тем больше мне хочется увидеть его высочество, но я сдерживаюсь. Я не должна мешать, тем более отвлекать от работы, поэтому я возвращаюсь в спальню. Чтобы не думать о глупостях, буду тренироваться, это лучшее, что я могу сейчас делать. В первую очередь я подпитываю яйцо, вливаю в него магию, пока не устаю, затем вытягиваю энергию и надеюсь, что удастся удержать её чуть дольше, чем это происходило раньше. И, наконец, медитация. Авось, получится освоить «призрачные когти». Или я снова делаю что-то не так?

За окном окончательно темнеет, время близится к полуночи.

Я вызываю ноутбук, открываю каталог и кликаю «купить», подтверждаю списание карат. Передо мной воздух тотчас сгущается, скручивается в упругий темнеющий вихрь, и вот уже кажется, что вращается не воздух, а сам космос, в черноте ночного мрака мелькают разноцветные звёзды... Из воронки на руку выпадает игрушка величиной с яблоко. Я выбрала озорную ярко-оранжевую мордочку, сделанную из материала, на ощупь напоминающего замшу. Похожая игрушка-антистресс была у меня в прошлой жизни, естественно, самая обычная, ни капли не волшебная. Её можно было мять, менять форму рожицы, то выпячивая щёки, то выдвигая вперёд подбородок, то, наоборот, делая несоразмерно-гигантским лоб. Это мордочка не сильно отличается. Описание обещает, что «замшевый» материал похож на пластилин и пропитан травяным настоем с успокаивающим эффектом. Но главное, «замша» сама по себе обладает свойством вытягивать негатив.

Сжав в руки мордашку, я выхожу из отведённых мне покоев. Лара сказала, что я не должна самовольно покидать крыло, где проживает его высочество. Выходить в гостиную запрета не было. Впрочем, мне не нужна гостиная, мне нужен рабочий кабинет. На полу лежит полоска света. Риман до сих пор работает?

Мне вдруг становится очень неловко за свой порыв. Взрослый мужчина — а я ему игрушку принесла. Я усмехаюсь, но назад не поворачиваюсь, стучусь.

— Да?

— Ваше высочество, вы всё ещё здесь?

— Шелли...

Я вхожу. Переступая рассыпанные по полу бумаги, подхожу к столу.

— Ваше высочество...

— Что-то не так, Шелли?

— Ваше высочество, неужели нельзя чуть больше работы передать помощникам? Вы совсем не отдыхаете.

Какое я имею право поучать? Но промолчать не получается.

Не задумываясь, я мну в пальцах оранжевую рожицу.

— Что это? — Риман не мог не заметить.

Похоже, рожица действительно работает. Я чувствую прежнее смущение, но уже не волнуюсь. В худшем случае Риман надо мной посмеётся. Что же, говорят, смех продлевает жизнь, так что это тоже неплохо.

Я протягиваю игрушку:

— Ваше высочество, я не знаю, сколько времени займёт путешествие. Надеюсь, эта безделушка скрасит ваше плавание.

— Хм? — Риман пялится на рожицу, лежащую в моей ладони, словно не представляет, как реагировать.

Чёрт, Риман смотрел со мной мультики. Как ему может не нравиться игрушка?!

А если серьёзно... Неужели Риман никогда не получал подарков? Не тех, которые полагаются по протоколу, не тех, которые подносят подданные, с расчётом получить в будущем некое благо, а самых обычных, человеческих, сделанных от души, без всякой задней мысли.

Хотя сказать, что выгоды я не получу, нельзя. Если Риман оставит игрушку при себе, то она каждый раз будет напоминать ему обо мне.

Риман снимает рожицу с моей ладони, чуть сжимает, тотчас замирает. Опасается испортить?

— Она как глина, держит форму, — подсказываю я.

Риман сплющивает рожицу в лепёшку, хмыкает, сжимает в кулаке. Рожица возвращает объём и превращается в кособокую колбаску.

— Мило..., — другого слова Риман не находит.

Я улыбаюсь.

— Ваше высочество, у меня к вам просьба.

— Да? — его взгляд моментально леденеет.

Наверняка Риман подумал, что я попрошу что-то для себя. Нет, он ошибается.

— Ваше высочество, я прошу, позаботьтесь не только о народе, о тех, кто пошёл за вами, но и в первую очередь о себе, — продолжать оставаться в кабинете нет причин, и у Римана всё ещё есть дела. — Доброй ночи, ваше высочество.

Я выхожу, закрываю за собой дверь. Чувство потери вспыхивает с невероятной остротой, но я возвращаюсь в спальню, сбрасываю платье, натягиваю ночную сорочку, забираюсь под одеяло, укрываюсь. Как будто одеяло может отгородить меня от самой себя...

Этой ночью мне так и не удаётся заснуть, я ворочаюсь с боку на бок до самого рассвета.

Когда крошечная темнота сменяется предрассветной мглой, ночник мягко вспыхивает, и комната наполняется светом. Я резко поворачиваю голову, сажусь. У ночника стоит Лара.

— Леди, вы проснулись? — безразлично спрашивает она, как будто не видит, что я напугана её внезапным появлением. — Вставайте, леди, мы прямо сейчас покидаем дворец.

— Что? Почему?

— Без государя здесь станет опасно.

— Его высочество...?

— Около получаса назад государь покинул дворец.

Глава 35

Одноэтажный каменный дом с приплюснутой черепичной крышей ничем не выделяется среди таких же домов, теснящихся по обеим сторонам неширокой улицы. В доме мне предстоит провести... Вечность? По крайней мере, кажется именно так.

Лара сразу предупреждает, что про прогулки можно забыть. Дом станет моей крепостью и моей же клеткой одновременно. Я не возражаю, ведь быть запертой предпочтительнее, чем быть мёртвой, и я старательно запоминаю рычаги, открывающие тайные ходы на случай вынужденного бегства.

С самого отъезда его высочества в столице неспокойно.

Город захлёстывают слухи. Их до нас с Ларой исправно доносит домоправительница. Крепкая женщина крестьянского телосложения будет кухарить, стирать, убирать, ходить за покупками и развлекать нас новостями. Соседи считают её хозяйкой дома вдовой Тимран. Кто она на самом деле? Одна из людей его высочества.

— Говорят, кронпринц так спешил угодить фаворитке, что покинул Лавис всего на двух кораблях. Люди спорят, вернётся ли его высочество, когда протрезвеет, после того, как на корабле кончится вино, или пополнит винные запасы в Торвине.

Плохой слух. Вместо исцеления любовью у нас получилось любовное помешательство, переходящее в откровенное безумство. И с каждым часом о Римане говорят всё хуже и хуже, к его возвращению вся столица будет ненавидеть кронпринца и боготворить принца Дорана. Я не представляю, что можно будет сделать, чтобы переломить общественное мнение.

Днём позднее приходит более тревожный слух.

— Говорят, король настолько разочарован безрассудной выходкой наследника, что перед лордами объявил о намерении передать титул кронпринца младшему сыну, сразу после того, как его высочество кронпринц вернётся.

Я не знаю, оттягивает ли король время, тем самым помогая Риману или просто соблюдает формальности.

— Говорят, кронпринц трусливо сбежал из Лависа, чтобы вести беззаботную жизнь в империи. Говорят, принцесса Оливия безутешна. Говорят, принцесса заслуживает счастья, и пусть бы на ней женился достойный принц Доран. Говорят...

Слухи-слухи-слухи, и никаких достоверных сведений.

Мне стоило поискать в «Системе» артефакты связи... Хах, нужны ли они Риману, если он даже не попрощался толком? Да, он предупредил, что время не ждёт, что он должен отправиться в империю как можно скорее, а потом была неловкость с антистрессовой рожницей... Я всё испортила? В любом случае, уверена, Риман попросил бы меня передать артефакт адъютанту или помощнику, носившему гражданскую одежду. Я вздыхаю. Мне следовало хотя бы спросить, как долго Римана не будет, но я даже этого не сделала. А, впрочем, что изменится от того, что я знаю или не знаю?

— Леди, раньше, чем через два месяца государь точно не вернётся, — безразлично пожимает плечами Лара, но в её голосе слышится глубоко спрятанные тоска и беспокойство.

— Так долго?!

— Самым коротким маршрутом плыть до империи около месяца, однако самый короткий путь проходит через Лериатский пролив, слишком опасно. Я могу лишь догадываться, что государю придётся обходить Лериат со стороны океана, а значит, нужно прибавить ещё один месяц.

— Его не будет полгода?!

— Возможно, дольше.

Невысказанное, что путешествие смертельно опасно, и что Риман может не вернуться никогда, погибнуть, повисает в воздухе.

— Государь вернётся в сиянии славы раньше, чем мы смеем ожидать! — Лара повышает голос, словно пытается громкостью слов заглушить тревогу.

Я вздыхаю.

Месяц или полгода, ожидание обещает быть мучительно долгим.

Погрузиться в меланхолию не позволяет учитель.

Я не знаю, как монах появляется в доме, ведь он жил у графини. Утром я выхожу на кухню, отдельной столовой нет, монах, облачённый в красную тогу, сидит за столом. Над пиалой поднимается пар, плывёт слабый аромат жасмина. В этот раз перед стариком лежит деревянная рамка, заполненная светлым песком. Рядом выложены гладкие камни. Старик берёт один и бросает в песок, поднимает миниатюрные грабельки и прочерчивает вокруг камня круги, затем бросает в песок второй камень. Я присаживаюсь с краю и наблюдаю.

Старик заканчивает рисунок, делает несколько глотков чая, а затем безжалостно стирает композицию, вынимает камни, раскладывает на столе и начинает с начала.

— Полагаешь, в моих действиях нет смысла, дитя?

— Для вас смысл есть, мастер. Мастер, я готова принять ученичество.

— Почему?

— Его высочество вам доверился. Хм, звучит, как будто я живу чужим умом. Я не это имела в виду. Я считаю важным пользоваться возможностями, которые судьба даёт здесь и сейчас. Возможно, я могла бы однажды встретить учителя, который бы мне изначально был ближе и понятнее, но этого может никогда не случиться. К идеалу надо стремиться, а не гнаться за ним. Сейчас только вы можете меня научить, поэтому я прошу.

Что будет, если Риман... проиграет? Королева не отпустит меня легко, мне придётся бежать, возможно, как раз в Великую Солнечную империю. Магия станет моим спасением.

Монах водит граблями по песку:

— Прямо сейчас, без промедления, направь в меня магию.

Хм?

Перед тем, как выйти на кухню, я втянула магию, но часть силы уже рассеялась. Всплеск получается откровенно слабым.

— Хорошо, ты не забыла, о чём я говорил.

— Учитель...

— Продолжай. Собирай и сбрасывай силу, пока я не закончу пить чай.

Знала бы я, о чём прошу, всё равно бы не отказалась.

Учитель мягкий и добродушный в общении, в учёбе оказался сущим тираном.

Учёба начинается около четырёх утра, когда небо ещё серое, и лишь восток бледнеет. Мне позволено умыться, подпитать магией яйцо и выпить стакан чистой воды. С рассвета до восхода солнца под присмотром учителя я тренирую ум, оттачиваю способность концентрироваться или, наоборот, отстраняться от действительности и погружаться в себя.

К восьми утра мы поднимаемся на чердак, учитель распахивает окно, садится в старое кресло-качалку и наблюдает, как я выполняю зарядку — учитель ценит гармонию души, разума и тела, а значит я не могу игнорировать физическое развитие. И я согласна с учителем.

В девять утра завтрак, затем учитель позволяет мне сделать небольшой перерыв, а затем до полудня я тренируюсь собирать магию, удерживать в себе или, наоборот, направлять в окружающее пространство. Иногда даже примитивный удар чистой силой способен спасти жизнь.

После обеда учитель отпускает меня на четыре часа — дневной сон. А после отдыха я второй раз подпитываю яйцо, и учёба продолжается. Мы пьём чай, учитель рассказывает о магии, о мироустройстве, перемежает теорию легендами и занимательными историями.

Вечерняя тренировка на чердаке куда серьёзней. Учитель не говорит, но у меня складывается впечатление, что он преподаёт мне некую смесь йоги и боевых искусств с акцентом на гибкости и ловкости. Понятно, что драться по-настоящему я не смогу, но увернуться и сбежать — да.

Ужин, после ужина — медитация. Учитель показывает мне простейшие рисунки заклинаний, и я подолгу смотрю на каждый, чтобы рисунок отпечатался в подсознании. И, наконец, чаепитие, которое длится почти до полуночи. Учитель снова что-то рассказывает, но теперь не о магии, а об истории, географии, культуре, учит меня языку Великой Солнечной империи.

Спать я падаю без сил, чтобы через четыре или, реже, четыре с половиной часа встать. И учёба начинается по новой. Я перестаю различать дни, они похожи друг на друга, и я даже толком не могу провести чёткую границу между «вчера» и «сегодня».

Учёба захватывает с головой, а нагрузка такая, что я не то что скучать по Риману не успеваю, я и про ноутбук забываю.

Дни слипаются в недели, недели — в месяцы.

Я искренне наслаждаюсь учёбой, и однажды ловлю себя на том, что хочу, чтобы уединение в каменном домике длилось и длилось.

Краем глаза я замечаю вспышку и на рефlekсах выставляю щит.

— Ты стала сильнее, — одобрительно кивает учитель.

Это же... первая похвала! Ха, я буду заниматься ещё усерднее.

Глава 36

Вдова Тимран подаёт на завтрак толстые оладья, щедро политые вареньем. Я не сразу замечаю, что женщина этим утром мрачная. На лбу собрались глубокие морщины, вдова постоянно покусывает нижнюю губу, хмурится. Не одна я замечаю её состояние. Учитель невозмутим, а вот Лара спрашивает:

— Что случилось?

Обычно вдова за завтраком делится последними слухами, которые она приносит с рынка. Но почему сегодня она молчит?

— Говорят...

Вдова стискивает пальцы, а на нижней губе проступает капелька крови.

— Очередную гадость говорят? — даже представить не могу, что могло настолько вывести вдову из себя.

Неужели что-то плохое случилось с Риманом? Прошло пять месяцев...

— Государь возвращается? — мы с Ларой совпадаем.

Вдова качает головой:

— Говорят, кронпринц Риман поднял мятеж.

— Что?! — поражаюсь я, разом теряя спокойствие.

Даже учитель опускает нож и вилку на тарелку.

— Это ведь просто сплетни? — переспрашиваю я.

Только какая в принципе разница? Слух, в который верят, становится правдой, независимо от того, насколько этот слух далёк от истины, поэтому не важно, поднял Риман мятеж или нет. Если народ уверится, что Риман взбунтовался, то на защиту кронпринца не встанет никто. Да и кто бы встал? Кому нужен увязший в разврате кронпринц?

Вдова пожимает плечами:

— Откуда же мне знать? Но это очень плохие сплетни.

И я не могу с ней не согласиться.

Спокойствие разбивается вдребезги.

Хотя я продолжаю учиться с прежним упорством, но настроение уже не то. Уроки магии разом теряют всё своё очарование, становятся пресными. Теперь я отношусь к ним, как к обязательной работе, которую нужно выполнить не за страх, а за совесть. Пожалуй, я стараюсь даже больше прежнего, ведь на пороге... война.

Я живу от завтрака до завтрака. Вдова Тимран каждый день рано утром ходит на рынок за продуктами и новостями.

— Говорят, кронпринц в порочности своей зашёл так далеко, что захотел узурпировать власть, чтобы никто не мешал ему наслаждаться виной и женщинами. Король приказал заключить его высочество под стражу.

— Где его высочество неизвестно?

— Под столицей будет разбит временный военный лагерь. Говорят, часть войск направят в Каранс.

Воздух пропитывается тревогой. Даже я чувствую изменения в атмосфере столицы. Я не выхожу из дома. Откуда мне знать, вдруг наш сосед через дорогу не безобидный продавец тканей, а шпион, глаза и уши королевы? Но я иногда, спрятавшись за шторой, наблюдаю за улицей из чердачного окна. Изменения пугают.

Неведение длится около полумесяца.

Я знала о планах Римана, но новость всё равно ошеломляет — Дашаль атаковал Каранс.

Это... хорошая новость. Значит, Риман добился успеха и не только заключил военный союз с

Великой Солнечной империей, но и получил реальную поддержку. Фактически, император дал Риману армию.

И снова слухи. Говорят, Каранс решительно подавил мятеж. Сплетники путаются, то ли Риман ради женитьбы на фаворитке привёл личных гвардейцев и потребовал от будущего тестя отмены помолвки, то ли действительно Дашаль восстал из пепла. Говорят, Лавис отправит в Каранс две тысячи солдат под командованием прославленного генерала, но ещё не отправил, тянет. Говорят, Риман бежал на острова, чтобы возглавить пиратскую шайку, потому что ром его высочеству понравился больше вина. Говорят, кронпринца убил приближённый гвардеец.

Но приходят и другие слухи. Кронпринц доблестно сражается, кронпринц ведёт войска к победе, кронпринц выполняет долг Лависа перед союзным Дашалем. Говорят, кронпринц спас попавших в шторм каранских рыбаков.

Ещё через две недели приходит новость, не менее ошеломляющая, чем прежде. Каранс пал, Дашаль атаковал Вигению. На стороне Дашаля выступила Фида.

— Говорят, государь ударил с двух сторон, по суше, со стороны каранской границы и с моря.

— А Лавис? — уточняю я.

— Король обещает подавить мятеж, но отправил всего два батальона, а больше отправлять отказывается. Армия нужна, чтобы защитить столицу.

Знакомо... Когда помощь требовалась Дашалю, король прибег к той же риторике.

И снова бегут дни, недели.

Вигения сопротивляется дольше Каранса, но едва ли это что-то меняет.

Третья новость громоподобная — Риман объявляет захваченные земли территорией Дашаля, Каранс и Вигения прекращают своё существование.

Слухи меняются. Точнее, те, в которых Риман показан недалёким и порочным, стихают, растворяются, а новые, ещё недавно звучавшие лишь разрозненными голосами, набирают силу, сливаются в мощный хор.

Его высочество поднял страну своего деда из руин.

Его высочество одержал три великих победы одну за другой. Оказывается, Лериат пал первым.

Его высочество заботится о народе и уже объявил о снижении налогов для простолюдинов.

Его высочество так молод, а уже доказал, что он достойный правитель.

Я же задаюсь вопросом, придёт ли война в Лавис. Принц Доран лишился поддержки. На его стороне остались разве что некоторые лависские аристократы, за Риманом же аристократы Дашаля, армия, ресурсы. Можно с уверенностью утверждать, что Риман утвердился в статусе наследника трона. Но захочет ли Риман ждать? Я бы не стала. Убить может даже змея, у которой, казалось бы, вырваны зубы. Я не верю, что королева или принцесса Оливия сдадутся.

Дни бегут, война не приходит.

Вернувшись с рынка, вдова Тимран не ждёт, пока учитель, Лара и я соберёмся за столом.

— Все сюда! — зовёт она. — Государь возвращается!

— Что? Как? Уже? Наконец-то!

— Государь прибудет как король Дашаля? — уточняет более практичная Лара.

Вдова качает головой:

— Да нет, коронации-то не было. Официально государь пока регент Дашаля.

Даже так?

— То есть...

— Государь возвращается в столицу как кронпринц Лависа.

Лара хмурится, бросает на меня косой виноватый взгляд. Если бы не муштра учителя, требовавшего всегда быть внимательной к деталям, я бы не заметила. Но уроки дали свои плоды. Однажды, водя

грабельками по песку в рамке, учитель рассказал мне легенду о рыбачке, влюбившейся в купца. Я заслушалась, а учитель, закончив историю, заставил меня вспомнить всю последовательность узоров, которые он чертил.

— Лара? — окликаю я.

— Я бы хотела пойти, — признаётся она.

— Я бы тоже. Думаешь, это всё ещё опасно? — погрузившись в учёбу, я и не стремилась выходить. Ха, у меня просто не было времени на прогулки, учитель посчитал, что дать мне даже пять свободных минут недопустимое расточительство.

Лара пожимает плечами:

— Уверена, государь давно отдал приказ очистить столицу, и вряд ли нас заметят в толпе, но...

Учитель неожиданно усмехается. Я впервые вижу, чтобы он проявил эмоции. Учитель всегда был отстранённым, спокойным, безмятежным, и вдруг вместо невесомой улыбки учитель показывает зубы.

— Девочка, — обращается он к Ларе, — сможешь незаметно вывести свою госпожу из дома?

— Да, мастер.

— Я могу изменить вашу внешность. Маг, преуспевший в искусстве иллюзий, заметит маскировку, но я не слышал, чтобы в Лависе был подобный мастер.

— Я умею находить иллюзии, — вскидывается Лара.

Учитель издаёт сухой кашель, будто он поперхнулся. Тишина длится секунду. Учитель больше не сдерживается и искренне, от души смеётся.

— Девочка, скажи мне, кого ты видишь? Старика, да?

Ха, я так и знала!

Лара смотрит на учителя во все глаза, удивление сменяется сосредоточенностью. Учитель наблюдает за её потугами, не скрывая насмешки. Впрочем, насмешка беззлобная, всего лишь щелчок по носу. Кто сказал Ларе хвастаться своими способностями перед настоящим мастером? Она ведь тоже видела его мастерство. За ужином учитель часто развлекал нас — превращал кухню то в уступ над бездонным ущельем, то в скрытую среди чащи цветущую поляну, то в остров посреди озера.

Глаза Лары вспыхивают лёгким голубовато-призрачным светом, она подаётся вперёд, сию секунду рассмотреть настоящее лицо учителя. Свет гаснет.

— Сдаюсь. Мастер, я бы хотела стать вашей ученицей.

Я скептически морщусь. До неё только сейчас дошло?

Учитель прищуривается и отворачивается.

— Учитель, — меняю я тему. — Вы действительно считаете, что можно сходить? Если я одна пострадаю, это одно, но если я приведу беду в дом?

— Всё в порядке, дитя, тебе не нужно думать слишком много. Я присмотрю.

— Я... должна справляться сама, — учитель только говорит, что будет со мной нянчиться, но если я приму его предложение, он будет разочарован.

Учитель одобрительно кивает, с правильным ответом я угадала.

— В этот раз я присмотрю, дитя. Я тоже хочу увидеть своего старшего ученика.

Вот теперь помощь можно принять.

До прибытия Римана два дня...

Глава 37

Улицы запрудила толпа. Кажется, вся столица попыталась втиснуться на дворцовую площадь. Гвардейцы с трудом удерживают людей. Мы с Ларой и учителем, попирая закон, угнездились на крыше одного из выходящих на площадь правительственных зданий.

Осознавать, что мы совершаем преступление, тянущее на смертную казнь, было, мягко говоря, неудобно, но моё мнение никто не спрашивал, а возражать я не стала. Во-первых, доверяю учителю. Во-вторых, любопытно же! На крыше удобно, а в толпе меня бы, возможно, просто раздавили.

Учитель разворачивает свёрток, который зачем-то прихватил с собой. Под тканью оказывается большой чайник и сложенные одна в одну три пиалы. Я про себя хмыкаю — наблюдать за действием с чаем почти то же самое, что с попкорном.

Незадолго до полудня парадные двери дворца распахиваются, чинно выходит королевская чета. За ними, держась справа, следует Доран. Придворные рассыпаются веером за их спинами. В одиночестве, отдельно от всех, встаёт принцесса Оливия, и я не могу не признать, что она заслуживает уважения. Её страна уничтожена, но она способна встречать завоевателя с гордо поднятой головой. Пожалуй, королева выглядит менее достойно, её голова опущена.

Король и королева спускаются на две ступеньки и останавливаются на лестнице.

— Хорош ученик, — учитель пиалой прикрывает довольную улыбку.

— Хм?

Поясняет Лара:

— Обычно кронпринц, вернувшийся с победой, приветствует короля и королеву в тронном зале, но государь не только заставил их выйти навстречу, не только заставил их ждать, но даже спуститься.

С противоположной от дворца стороны раздаётся нарастающий гул, переходящий в радостные крики:

— Да здравствует его высочество Риман!

— Да здравствует кронпринц-победитель!

Вверх летят цветы, ленты. Я шурюсь, всматриваясь вдаль. Лара предупредительно придерживает меня за руку.

Сколько мы не виделись? Помнит ли меня Риман? Не как обладательницу ценного артефакта, а как девушку? Сердце стучит.

Процессия приближается. Её возглавляет военный оркестр, и вскоре к крикам примешивается бой барабанов и удары литавр. За оркестром маршируют знаменосцы, флаги хлопают на ветру.

Риман едет на... А?! Они реально водятся?! Стыдно сказать, но, увидев чудо, я даже про Римана на миг забываю. Поначалу я принимаю животное за очень крупного, но обычного коня. Подумаешь, белая шкура отликает перламутром, а грива шёлком льётся чуть ли не до самой мостовой. Именно такие кони положены сказочным принцам. А потом я замечаю крупные перья. Конь будто чувствует мой взгляд и раскрывает крылья.

— Пегас..., — восхищённо шепчу я. А можно на нём прокатиться?

Риман величественно восседает на спине пегаса. Усыпанный бриллиантами венец переливается сияет в лучах полуденного солнца.

Оркестр вступает на площадь и расходится по дуге. Марш смолкает. Знаменосцы расступаются, Риман едет через площадь один, «гусеница» его свиты останавливается.

Король и королева, а вслед за ними и все придворные спускаются, и теперь уже не они смотрят на Римана с высоты лестницы, а он на них со спины своего скакуна.

Риман спешивается, последние метры проходит пешком.

— Ваше величество, — хотя Риман склоняет голову, его поклон далёк от почтительного, всего лишь лёгкий кивок, в поясе Риман не сгибается.

— Сын.

Их голоса звучат подозрительно громко.

— Магия, — подсказывает учитель.

— Сын, — повторяет король и замолкает, словно не находит в себе сил продолжить.

Риман молчит, и мне чудится в его молчании насмешка, но это, конечно, только моя фантазия. Или нет?

Король глубоко вдыхает:

— Сын.

В третий раз он почти выплёвывает обращение, молчать дальше означает терять лицо, и король продолжает, он произносит длинную речь, в которой до небес превозносит военный и дипломатический успех Римана, плавно переходит на восхваление порядка, который Риман навёл на завоёванных землях. Его послушать, Риман даже не гений, а сверхчеловек, почти божество.

Учитель тихо фыркает, наливает в пиалу очередную порцию чая. Король говорил долго, чай успел кончиться.

Король завершает речь:

— Сын, я верю, что народ Лависа будет благоденствовать под вашей рукой. Сегодня я отрекаюсь от престола и вверю Лавис вам.

Риман прижимает правую руку к груди, склоняется:

— Я принимаю Лавис.

Вот так просто? Риман, окончательно презрев этикет, обходит отца словно столб и, чеканя шаг, направляется напрямик ко дворцу. Учитель почему-то вздыхает, будто не одобряет такой резкости. Я же вижу в разворачивающемся спектакле не столько унижение теперь уже бывшего короля, хотя и унижение тоже, сколько демонстрацию силы и власти. По рядам придворных проносится вдох. Неужели не все знали, чем закончится эта встреча?

Король и королева следуют за Риманом, как за хозяином. Доран отстаёт, а у подножия парадной лестницы и вовсе останавливается.

Риман поднимается на вершину, почти взбегает, не заботясь о том, что король и королева, особенно королева, не могут за ним успеть. Поднявшись, Риман оборачивается, с высоты осматривает лежащую у его ног площадь.

Безусловный победитель, новый король... Я мысленно соглашаюсь с дашальцами. «Король» не так подходит Риману, как «государь».

Внезапно воздух рассекает вспышка. На крыше здания с противоположной стороны расцветает огненный цветок взрыва.

Лара, вскрикнув, приподнимается.

Раздаются крики.

Я замечаю, как торжествующе поднимает голову королева.

Риман небрежно, почти что лениво, поднимает руку, вспыхивает щит. И тотчас лопается под страшным ударом огненной кометы. Римана в одночасье заливают пламя.

— Нет! — кричит Лара, и её крик теряется в общей какофонии.

— Нет..., — я не кричу, я обессиленно опускаю голову.

Короткое знакомство, разлука длиною больше, чем полгода.

Риман прошёл войну, и в шаге от победы...

И это конец?!

Пламя стекает на плиты площадки. Риман неподвижно стоит целый и невредимый, даже мундир не пострадал.

Я закрываю глаза, чувствую себя растекающимся желе, выдыхаю — обошлось. Лара рядом стонет что-то невразумительное, и только учитель цедит чай по глотку, словно только что никакого покушения вообще не было. Наверное, учитель успел оценить силу атаки и, зная возможности Римана, не сомневался.

— Государь жив, — Лара же вцепляется мне в плечо, до боли стискивая пальцы.

Я морщусь, оборачиваюсь и мягко освобождаюсь от хватки. В глазах Лары сверкают самые настоящие слёзы. Она всхлипывает и вдруг разражается рыданиями. Я неловко обнимаю свою телохранительницу, прижимаю к себе, вздыхаю. Честно говоря, я не знаю, как утешать в таких случаях, поэтому даю Ларе успокоиться самой, лишь поглаживаю по спине.

— Тишина! — церемониймейстер ударяет посохом об пол, и звуки стихают.

Вряд ли люди подчиняются приказу, скорее, срабатывает магия. Может быть, посох — это артефакт?

Король, стоящий с королевой тремя ступенями ниже Римана, выжидает минуту, другую, медленно поднимает руки к голове:

— Я перед Небом и Лависом, признавая великие свершения его высочества кронпринца Римана, отрекаюсь от данной мне венценосными предками власти и передаю судьбу Лависа и свою судьбу под руку моего достойного сына, — король снимает корону и протягивает её Риману на вытянутых руках.

Риман почему-то медлит, выдерживает паузу, затем снимает венец наследника и опускает на бордовую подушку с золотыми кистями, которую спешно поднёс опустившийся на одно колено церемониймейстер.

— Я принимаю Лавис под свою руку, — Риман неторопливо берёт у отца корону, высоко поднимает и опускает на голову.

— Да здравствует король Риман! — громко выкрикивает бывший король и первым склоняется в поклоне.

Звуки возвращаются, толпа подхватывает и скандирует:

— Да здравствует король Риман! Да здравствует его величество король Риман!

Не утруждая себя полноценной речью, Риман коротко обещает заботиться о народе, выслушивает приветствия толпы и скрывается во дворце. За ним следует бывший король с королевой. А её можно считать бывшей, или она по правилам получает статус королевы-матери? Впрочем, даже если получает, уверена, надолго она его не сохранит, разве что на полчаса.

Оливия, очевидно, что нежеланная невеста, чья страна пала, не может стать супругой короля, и теперь она свободна, делает шаг к Дорану, беспомощно протягивает руку. Я улыбаюсь уголком губ. Ничего не имею против принцессы, если она найдёт своё счастье с любимым...

Доран проходит мимо.

Оливия, пошатнувшись, опускает руку.

На самом деле в «Сбежать от чудовища» Доран Оливию не любил?!

Придворные устремляются обратно во дворец, за их спинами больше не видно ни Оливии, ни Дорана. На площадь въезжают гвардейцы Римана.

Похоже, представление окончено, но учитель не торопится покинуть крышу, вместо этого наливает в пиалу очередную порцию чая.

Глава 38

Опасаясь, что домой вернуться не удастся, я прихватила яйцо с собой. Я вынимаю его из поясной сумки и сжимаю в ладонях. Прошло столько времени, а оно до сих пор зреет... Яйцо заметно изменилось, туман внутри приобрёл сочный горчичный оттенок с вкраплениями золотистых пылинок, и с каждым днём пылинок становится всё больше. Пользуясь свободной минуткой, я привычно подпитываю яйцо, и изнутри приходит слабый отклик. Думаю, скоро яйцо созреет.

— Дитя, ты хочешь себе пегаса?

— Эм? — почему учитель спрашивает? — Нет. Что я с ним буду делать? Прокатиться бы не отказалась.

— Идем.

— Учитель? — я прячу яйцо обратно в сумку.

Учитель игнорирует вопрос, допивает чай, прячет пиалу в пустой чайник, чайник заворачивает обратно в ткань и, прижимая к себе сверток, будто завёрнутого в одеяло питомца.

Через небольшой люк мы проникаем в здание и открыто спускаемся по лестницам на первый этаж. Учитель ни капли не смущается, и я подзреваю, что он тонко прикрывает нас магией. Догадку подтверждает проскочивший мимо нас чиновник. Мужчина не заметил нас в упор.

Учитель выводит нас с Ларой через чёрный ход и внезапно передаёт сверток Ларе:

— Девушка, отнеси домой.

— А...

— Об ученице я позабочусь. Иди первой.

Лара дожидается моего согласия и подчиняется странному распоряжению, я же гадаю, что задумал учитель. Не может быть, чтобы он действительно решил устроить мне прогулку на пегасе Римана, тем более в суе, к пегасу подскочил парень в военной форме и куда-то скакуна увёл. За дворец, если быть точной.

Учитель ведёт меня на территорию дворца. Никто нас не останавливает, и я впервые по-настоящему поражаюсь силе учителя. Я знаю, что иллюзии, которые учитель создаёт виртуозно, требуют исключительного мастерства, но то мирное искусство. Сейчас учитель показал, что может пройти, куда угодно, и даже защита королевского дворца ему не помеха.

Мы останавливаемся в тени клёна.

Пегас щиплет траву.

Мальчишка-военный, вблизи мне удаётся рассмотреть, что парнишка совсем молод, устроился на бортике фонтана и пытается ловить ярких рыбок голыми руками.

Учитель кивком указывает на двери бокового выхода из дворца, и буквально через минуту двери открываются, Рима́н выходит в сад, коротким свистом подзывает пегаса. Учитель жестом показывает мне оставаться на месте, делает несколько шагов вперёд и с улыбкой упрекает:

— Даже не поприветствуешь старика?

Рима́н, собиравшийся вскочить в седло, замирает.

— Учитель?!

На лице Римана мелькает и пропадает досада. Рима́н обходит пегаса, встаёт перед учителем и низко кланяется, сложив руки перед грудью, как принято в Великой Солнечной империи.

— Ученик, рад видеть тебя.

— И я рад вас видеть, учитель. Простите, я очень спешу. Вы же знаете.

— Ох, я понимаю. Не бери в голову, мальчик. Я не собирался тебя задерживать, я всего лишь хотел показать пегаса своей ученице.

Учитель театрально отходит вбок, и я оказываюсь прямо перед Риманом. Учитель, зачем...? Я растерянно смотрю на Римана, я совершенно не готова вот к такой вот встрече лоб в лоб. Рима́н застывает, будто каменное изваяние. Он... тоже не готов?

Будь Риман обычным мужчиной, я бы смело подошла первой. Пусть не как девушка, хотя моё сердце бьётся чаще, а пульс грохочет в ушах, я бы подошла как друг. На дружбу я ведь могу рассчитывать? Но больше Риман не бессильный кронпринц, теперь он король, сосредоточивший в своих руках реальную власть и подлинное могущество. Я не хочу дать ни малейшего повода подумать, что я навязываюсь.

Молчание затягивается. Взгляд глаза в глаза... Если бы Риман был безразличен ко мне, он бы проигнорировал меня, а он смотрит, не моргая. Я не знаю, я фантазирую, или Риман действительно не может отвести глаз?

— Леди Тинс... Шелли...Я должен идти...

Тогда почему же он продолжает стоять?

— Да..., — соглашаюсь я.

— Шелли, я рад убедиться, что вы в порядке.

Неловкость ломается, почудившаяся мне стеклянная стена разлетается осколками.

Риман запрыгивает в седло, и я, уверенная, что он поймёт правильно, подбегаю к пегасу и даже кладу ладонь на конскую шею:

— С возвращением, ваше... величество.

Сейчас Риману не до меня, получить корону мало, Риману предстоит навести в Лависе порядок, а это, пожалуй, труднее, чем выиграть войну. Я собираюсь шагнуть назад, я почти ожидаю, что пегас сорвётся с места даже до того, как я отойду, я специально встала так, чтобы не попасть под копыта.

Риман рывком наклоняется, его руки оказываются на моей талии, ноги теряют опору, мгновение взлёта, и Риман усаживает меня перед собой, крепко прижимает к себе. Я тихо ахаю, а пегас встаёт на дыбы, раскрывает крылья. Короткий разбег, и мы взмываем в воздух.

— А?

— Официально я сейчас осматриваю свои новые покои — королевские. И отдыхаю. Наверное...

Мне кажется, Риман говорит совсем не о том, о чём хотел бы.

Я уютно опускаю голову ему на плечо. Разлуки словно и не было.

— Но вы не отдыхаете, — с намёком на упрёк вздыхаю я.

Риман тихо усмехается:

— Я должен.

— Угу.

Очередной взмах белоснежных крыльев, рывок, и перья летят в лицо. Происходит что-то совершенно не понятное, я будто оказываюсь в сердце метели. Перья летят подобно хлопьям снега, мешают дышать, слепят. Я пытаюсь закрыться, отвернуться, но перья повсюду. Риман удерживает меня, не даёт упасть, разворачивает к себе лицом, и я уже не задыхаюсь.

Вот и покаталась на пегасе...

Хотя настроение совсем не прогулочное. Я не могу объяснить, откуда у меня такая уверенность, но я убеждена, что Римана что-то гнетёт.

Перья сдувает порыв ветра, и пегас плавно снижается. Осторожно наклонившись через руку Римана, я смотрю вниз. Столица за какую-то минуту исчезла, под хвойный лес и лента грунтовой дороги. Впереди лес вроде бы расступается. Рассмотреть я не успеваю. Передние копыта пегаса ударяются о землю, и скакун складывает крылья, продолжает бег.

Я вопросительно смотрю на Римана. Какие дела могут быть у короля в такой глуши? Пожалуй, я знаю.

Рука Римана на моей спине напрягается:

— Мама связала себя магической клятвой не покидать монастырь без разрешения короля. Иначе я бы нашёл способ так или иначе вывести её.

Я поднимаю голову, смотрю ему в глаза:

— Но вы нашли способ. Вы стали королём.

— Да...

Я отворачиваюсь. Наверное, я должна сказать слова поддержки, но на ум ничего не приходит. И вообще... Когда мать Римана заперли в монастыре, он ведь был ребёнком. Нет, я не хочу сказать, что встретятся два чужих человека, это не так. Но в то же время... Риман повзрослел, состоялся как личность. Насколько далека окажется реальность от его надежд, рождённых детскими воспоминаниями?

Лес расступается. Впереди пологий холм, и на холме приземистая крепость. По четырём сторонам квадратные башни. Монастырь, если это он, больше похож на крепость.

Хм... Как я понимаю, Риман отправился без охраны. Охрана бы его тормозила, а пегас оказался по-настоящему волшебным и использовал что-то вроде портала. Когда Риман заберёт из монастыря её величество, то, естественно, посадит на пегаса перед собой. А я? Становится слегка неуютно, но я напоминаю себе доверять Риману. Кому, если не ему? Да и пожить немного в монастыре, пока за мной не придёт экипаж, с меня не убудет.

Мы останавливаемся у самых ворот. Не знаю, какую команду даёт Риман. Пегас разворачивается и бьёт по воротам копытами. Грохот получается внушительный.

Не проходит и минуты, как открывается небольшое зарешеченное окошко. Я сравнила монастырь с крепостью? Больше похоже на тюрьму.

— Открыть ворота! — командую я, сам о себе король докладывать точно не должен. — Его величество прибыл!

За решёткой появляется чей-то глаз.

— Я доложу настоятельнице! — голос звонкий, детский.

— Открыть ворота! — рывкает Риман.

Но даже его привратник или, скорее, привратница, игнорирует. Я лишь слышу удаляющийся топот.

Риман цедит сквозь зубы ругательства, но при этом бережно спускает меня на землю. Едва я стою, Риман спрыгивает сам, вскидывает руку. С его пальцев срывается вспышка, с грохотом ворота срываются с петель и, покорёженные, падают.

Я бегу за Риманом. Похоже, он знает, куда идти. Мы по диагонали пересекаем двор, взбегаем, буквально взлетаем, на второй этаж опоясанного галереей бокового здания — коридор получается как бы снаружи.

Риман ругается по-чёрному. Одна из безликих, неотличимых друг от друга дверей раскрыта. Из неё выходит девочка лет четырнадцати-пятнадцати, одетая в мышиного цвета мешковатый балахон. Такого же грязно-серого цвета на девочке треугольный колпак.

Она раздвигает губы в сумасшедшей улыбке:

— Дашальский выродок, ты опоздал.

Риман отшвыривает девицу, влетает в келью. Я заглядываю через его плечо.

На полу, раскинув руки, лежит женщина. Одного взгляда на её лицо хватает, чтобы увидеть её сходство с Риманом. Крови нет, но на живую женщина не похожа.

Глава 39

Риман падает на колени, из его горла вырывается надсадный хрип. Он протягивает руку, и его пальцы не просто дрожат, трясутся. Я опускаюсь рядом и первой касаюсь шеи женщины. Думаю, от меня сейчас проку больше.

— Пульс есть. Слабый очень. Это... яд?

Был бы удар по голове — была бы кровь. А тут ничего похожего. Вон, под волосами виден белый платок, будто соскользнул, когда женщина падала. Я не решаюсь прикоснуться, снимаю туфлю и каблуком откидываю платок.

От платка тотчас поднимается едкий запах йода с неуловимой примесью то ли вони тухлой рыбы, то ли приторного запаха черёмухи. Риман сжигает платок одним движением. Огненный шар попадает на удивление точно — его пальцы по-прежнему дрожат.

Риман приподнимает маму, укладывает на кушетку.

Пусть монастырь, но почему королева жила в столь ужасающей обстановке? Зарешеченное окно, койка и небольшой сундучок в ногах.

Сейчас неважно, почему...

— Мама, — Риман обхватывает её запястье, подушечки пальцев характерно ложатся на венку, Риман слушает пульс.

Вмешиваться последнее дело, но я откровенно не понимаю, почему Риман ничего не делает. Он настоящий маг. Я не верю, что он не знает азов оказания первой помощи.

— Целителя бы, — осторожно предлагаю я.

Риман вздрагивает, оборачивается. Я невольно отшатываюсь. Его лицо искажено. Ненависть, бешенство, желание убивать и...отчаяние.

В спину бьёт смех. Девушка никуда не ушла.

Толком не осознав идею, я поднимаюсь на ноги и выхожу из кельи, выталкиваю девушку на галерею.

Монахинь во дворе нет, только одна стоит в стороне и смотрит в нашу сторону. Одета не в серый мешок, а в строгое чёрное платье, на голове шляпка-таблетка. Настоятельница? Скорее всего.

— И чего ты смеёшься? — спрашиваю я у девушки нарочито миролюбиво.

— Она умрёт, не приходя в сознание. Ей осталось дышать минут пять.

— Никогда не слышала о таком яде.

Девушка молчит. Видимо, про яд она мне ничего не скажет, вряд ли знает.

— Зачем ты её убила?

Девушка морщит нос:

— Ты знаешь, какой он выродок? Если бы ты видела девушек, с которыми он забавлялся... Моя сестра...

Всё ясно. Кто-то, ставлю на королеву, воспользовался репутацией Римана, задурил девушку голову. Мне даже жалко её становится самую капельку — погубила свою жизнь во имя мести, а не только отомстила не тому, но и подыграла настоящим виновникам.

— И ты поверила, что это был его высочество?

Ничего полезного вытащить из девочки не получилось, а мне бы хоть какую-то подсказку. Яд, например, магический или природный?

Я возвращаюсь в келью, закрываю дверь и призываю ноутбук — жаль, но придётся действовать вслепую.

За полгода я почти не вспоминала про «Систему». Зачем бы? Магией я занималась, караты капали, значит, оператор должен быть доволен. А когда тратить заработанное — моё дело. Мне и без магических приключений хорошо жилось. И даже без любимых мультфильмов.

«Система» загружается мучительно медленно. Меньше, чем за минуту, если быть честной, но сейчас каждая секунда на счету. Я сразу же открываю поиск по каталогу. Мне нужно... универсальное противоядие, так?

«По вашему запросу ничего не найдено».

Что за чёрт?!

А если... Взгляд цепляется за уведомление. Не до него, но оно не просто висит красной точкой, а разворачивается всплывающим окошком. «Система» сообщает, что мне предоставлено право вызова оператора. Пояснения я игнорирую, потом разберусь, сколько карат надо было накопить, чтобы получить возможность обратиться за живой помощью.

Я открываю чат. Разовое право или постоянное, не имеет значения.

«Срочно!!! Женщину отравили неизвестным ядом, она без сознания, вот-вот умрёт. Что есть в каталоге, что я могу купить с моим балансом, чтобы её спасти? Самой искать слишком долго», — я даже поисковый запрос нормально сформулировать не смогла.

«Доброго времени суток, Душа! Система может предложить вам более тридцати вариантов».

Он издевается?!

«Дайте один, который спасёт женщину. Лишь бы карат хватило».

Ну же!

Выскакивает новое окошко:

«Душа, вы предоставляете оператору разовое разрешение выбрать оптимальный товар согласно вашему запросу и подтвердить покупку, что приведёт к доставке товара и списанию карат?»

Кликаю «да». Конечно, подтвердить!

Пожалуйста, только быстрее.

На балансе — я поднимаю взгляд — четырнадцать тысяч семьдесят два карата. Это я столько заработала? Внушительная сумма резко уменьшается до жалких шестисот девятнадцати карат, а перед экраном воздух темнеет и скручивается в воронку.

С запредельной скоростью закручивается звёздный космос, и мне на руки выпадает стеклянный флакон с бледно-розовой жидкостью. Воронка схлопывается, но я не обращаю внимания, читаю инструкцию на этикетке. Оператор выдал мне эликсир, судя по описанию, не просто нейтрализующий яд, а полностью очищающий и восстанавливающий тело.

— Мама, я подвёл, мама...., — Риман повторяет и повторяет одно и то же, стоя перед кушеткой на коленях, покачивается будто маятник.

Да он на грани безумия! Никогда представить не могла, что этот сильный мужчина окажется таким... сломленным? Жить ради единственной цели, жить мыслью, что он освободит маму, начать и пройти войну, сразиться с половиной мира, выжить в покушении перед коронацией, получить для матери свободу, и...

Я оставляю ноут на полу, подхожу к кушетке, отталкиваю Римана в сторону, чтобы не мешал. Женщину нужно напоить, согласно инструкции, она должна сделать хотя бы один полноценный глоток.

Риман вздрагивает, оборачивается, в друг вцепляется в мой подол:

— Ты можешь её спасти? Пожалуйста, всё, что угодно... Я отдам трон, корону, будешь королевой. Помоги, пожалуйста!

Похоже, на остатки карат мне придётся покупать успокоительное.

Я боком присаживаюсь на кушетку, выдёргиваю из флакона пробку и пристраиваю у подголовного валика, заменяющего подушку.

Риман, замолкает, комкает мой подол.

Я приподнимаю женщине голову, подношу флакон к губам. А если она не сможет пить? Она же без сознания, вдруг в дыхательное горло попадёт? Но выбора нет, я осторожно капаю ей на язык несколько тягучих капель, и женщина делает глотательное движение. Её дыхание становится чуть

глубже, размереннее. Я повторяю, и, наконец, ей удаётся сделать полноценный глоток.

Проходит минута, другая. Я вслушиваюсь в биение её сердца. Пульс выравнивается. Проходит ещё минута, и женщина приоткрывает глаза, чтобы сразу же закрыть, но теперь она не без сознания, а просто спит. Мне так кажется...

Риман с тихим стоном разворачивается на полу, садится, откидывает голову назад и опирается затылком о моё колено. Он опускает руку в карман, вытаскивает... Рожица, которую я подарила? Он не только не выбросил её, но и носит всегда с собой? Риман стискивает мордочку в пальцах. Рыжая игрушка стремительно чернеет, будто обугливается, и разлетается хлопьями грязи.

— А? — Риман растерянно смотрит на ладонь.

Я помогаю стряхнуть ошмётки.

— Вам лучше, ваше величество?

— Наверное...

Я даю королеве сделать ещё один глоток. В течении суток нужно спить весь флакон, на взгляд поллитра или около того.

Риман всё ещё выглядит потерянным, но уже не обезумевшим, способность мыслить он вернул.

— Знаете, почему я взял вас с собой, Шелли?

— Почему? — послушно переспрашиваю я.

Ноутбук послушно прыгает в руки.

На экране сообщение:

«Время ожидания ответа истекло. Сеанс связи завершён».

Я захлопываю крышку и испаряю ноут.

— Потому что вы моя Счастливая звезда, Шелли. Если бы не вы, сок лиоруанского цветка сделал бы из меня невменяемого идиота. Если бы не вы, я не рискнул бы говорить с посланником империи открыто. Если бы не ваш подарок... Я вспоминал вас и знал, что пока вы меня ждёте, я смогу победить. Глупо, да?

— Нет, не глупо.

Риман вздыхает.

— Шелли, я..., — Риман замолкает, опускает голову и после паузы с сожалением добавляет. — Простите, я потерял над собой контроль и...

— Ваше величество, было бы странно, если бы вы не потеряли контроль. Вы можете считать, что я ничего не видела.

— Шелли...

— Ваше величество, пол холодный.

Голый камень. Про полноценный настил не заикаюсь, но даже худой циновки не брошено.

— М-м-м...

Риман тяжело поднимается, опускается на кушетку в ногах у мамы. По его медлительности я понимаю, что он отнюдь не пришёл в себя.

— Вам бы...

Качнув головой, Риман заранее отвергает любую заботу.

— Я пообещал вам трон, Шелли...

А теперь сообразил, что именно?

— Вы действительно так считаете, ваше величество?

— Что-то не так?

— Вы действительно считаете, что я помогла сейчас, чтобы получить выгоду? Мне ничего не нужно, ваше величество. Благодаря вам у меня уже всё есть.

Я поднимаюсь, кладу флакон в изголовье кушетки, выхожу из кельи, глубоко вдыхаю. Что пошло не так?

На плечи внезапно ложатся ладони, сквозь ткань платья я чувствую, что пальцы у Римана ледяные.

— Шелли, я не это имел в виду. Я... Шелли, будьте Счастливой звездой моей судьбы?

Глава 40

Я кладу свои ладони поверх его пальцев и молчу. Сейчас я могу принять его признание и, без сомнения, получить всё: корону, трон, любую из захваченных стран или все разом. Но я не хочу, чтобы фундаментом наших отношений, какими бы мы их ни построили, была боль.

— Ваше величество, я буду рядом.

— Это отказ? — его голос звучит хрипло, Риман пытается убрать руки.

К счастью, благодаря тренировкам учителя, я реагирую вовремя и прижимаю его пальцы к своим плечам.

Риман замирает, его пальцы подрагивают.

— Это эгоизм, ваше величество. Та девица была убеждена, что ваша мама не продержится и пяти минут. Прошло гораздо больше времени, эликсир действует. Но разве вы не продолжаете волноваться?

— Да...

— Подарите мне вечер или четверть часа, ваше величество? Чтобы были только вы и я, без тревог, забот, сомнений.

— Обещаю, Шелли, — Риман вздыхает.

Я оборачиваюсь, он опускает руки, но я беру его ладонь в свою и начинаю растирать.

— У вас совершенно ледяные руки, ваше величество.

— Оставьте.

Но противореча себе же, Риман не пытается забрать руку из моей слабой хватки.

Некоторое время я растираю его пальцы.

Нас прерывает слабый стон. Мы вдвоём бросаемся обратно в келью. Мать Римана открывает глаза, и в этот раз её взгляд вполне осмысленный. Она видит нас и откровенно пугается:

— К-кто вы?

Она не узнаёт сына. Конечно, ведь последний раз она видела Римана маленьким мальчиком. Указать ей на корону? Должна же бывшая королева узнать регалии Лависа. Но она закрывает глаза, вновь проваливается в забытё. Я лишь успеваю напоить её эликсиром.

— Ваше величество, вы... собираетесь забрать отсюда вашу маму прямо сейчас?

Подозреваю, что лучше бы покинуть монастырь пораньше. Кто знает, сколько ещё убийц скрывается под балахонами монахинь? Я бы, например, не рискнула пить здесь воду даже из колодца.

Останемся мы или нет, в любом случае надо навести подобие порядка, и, похоже, порядком заняться придётся именно мне.

— Шелли, я могу на вас рассчитывать?

— Разумеется.

Риман касается короны на своей голове, и от венца отделяется его призрачная копия. Риман жестом подзывает меня к себе. Я послушно наклоняюсь, и Риман водружает призрачный венец мне на голову. Виски тотчас сдавливает холодом.

— Шелли, пока Малая корона на вас, всё, что вы делаете и говорите, вы делаете и говорите от моего имени.

— Вы хотите, чтобы я судила убийцу? — зачем ещё могла понадобиться именно корона?

— Вы сможете, Шелли?

Неужели графиня сказала правду? Просьба Римана очень похожа на проверку. Он хочет посмотреть, какой королевой я могу быть? Или стоит смотреть глубже? Покушение на свою мать Риман никогда не простит. Он хочет убедиться, что я смогу стоять рядом с ним, когда он проливает

кровь? Того, кто обрушил войну на несколько стран, белым и пушистым зайчиком точно не назовёшь. Риман в очередной раз напомнил, что он самый настоящий хищник.

Я неуверенно киваю.

— Я слышал, она оправдалась? — Риман заинтересованно прищуривается.

Он запомнил наш разговор?

Я качаю головой:

— Она подтвердила, что покушалась на убийство её величества. Что касается её объяснений, они не могут считаться оправданием. Жизнь за жизнь — справедливый принцип, однако эта девочка отправилась убивать не вас.

— Шелли, я бы не стал взваливать на вас столь грязное разбирательство, — Риман устало трёт переносицу. — Шелли, монахиня Лисса мой человек. Достаточно, если вы назначите её настоятельницей, — Риман коротко улыбается одними губами, выражение его лица тотчас гаснет, он тяжело вздыхает.

Тьфу, навоображала себе чёрт знает что. Конечно, Риман не мог доверять мне ничего серьёзного. Ну, если не принимать во внимание Малую корону.

Я уже выхожу, когда Риман меня останавливает:

— Шелли, пусть Лисса пошлёт сообщение в ближайший город, в отделение моей судовой компании. Они будут знать, что делать. Девуцу надо отправить в столицу.

— Да, ваше величество, я всё сделаю.

На галерее пусто. Двор по-прежнему безлюден, и только настоятельница в чёрном платье неподвижно стоит, но едва она меня замечает, подходит ближе к лестнице, останавливается метра за три. Я всматриваюсь в её лицо. Круглое, чуть одутловатое, у глаз собрались морщинки, бледные губы плотно сжаты. Внешне женщина хранит непоколебимое спокойствие, но я догадываюсь, что она не может не нервничать. Риман не сказал, на чьей стороне настоятельница. В нейтралитет не верю.

Я спускаюсь. Чтобы удержаться и не потрогать невидимый обруч, льдом сковавший голову, скольжу пальцами по перилам. И останавливаюсь на третьей ступеньке снизу.

Настоятельница низко кланяется.

— Ваше величество, — смиренно приветствует она меня.

Даже так?

— Представьтесь, — наполовину прошу, наполовину приказываю я.

За полгода ожидания я пыталась подтянуть знания этикета, но не могу сказать, что успешно. Учитель эту тему не считал слишком важной, в основном мне помогала Лара, и она объясняла мне, как должна себя вести леди. К роли королевы она меня не готовила.

— Настоятельница «Белой магнолии» Финелис, ваше величество.

Статус я угадала.

— Пригласите монахиню Лиссу.

Настоятельница дрогнула, на миг её глаза расширились.

— Да, ваше величество, — по-прежнему смиренно произнесла она.

Без присмотра я настоятельница не отпускаю, следую за ней. Монахини собрались в храме. Чем ещё может быть здание, под крышей которого нет ничего, кроме статуи у дальней стены. Войти я не рискую. С местными храмами я до сих пор не сталкивалась, но уверена, что даже король должен быть почтителен к богам, независимо от того, существуют они в действительности или являются персонажами выдуманными.

Настоятельница оборачивается. Я и без неё догадываюсь, что делаю что-то не совсем верное. К счастью, серьёзных проблем не возникает, иначе было бы слишком позорно провалить простейшую задачу.

Монахини выходят из храма, сбиваются в серую стайку. Навскидку их пятьдесят или шестьдесят, явно меньше сотни.

— Ваше величество, — раздаётся нестройных хор.

Настоятельница подводит ко мне полную, даже шароподобную женщину с тремя подбородками и очень короткими толстыми пальцами.

— Монахиня Лисса, ваше величество, — представляет она её.

Я киваю и обращаюсь к толпе.

— Как вы все, уверена, знаете, в «Белой магнолии» проживала мать его величества Римана. Сегодня на королеву, — не уверена, что сейчас у неё есть такой титул, но в нынешних обстоятельствах это сущие мелочи. — На королеву было совершено покушение, одной из тех, кто жила и молилась в «Белой магнолии».

Настоятельница склоняет голову:

— Ваше величество, это моя вина, я не рассмотрела черноту, скрывающуюся в душе Мальи. Я приму любое наказание, каким бы суровым оно ни было, лишь прошу пощадить невиновных и сохранить монастырь.

— Настоятельница Финелис, вы отстраняетесь от управления монастырем. Исполняющей ваши обязанности назначается монахиня Лисса. Также всем без исключения запрещается до особого королевского приказа покидать территорию монастыря. Лисса, вы знаете, что делать?

— Да, ваше величество, — женщина с трудом кланяется.

— Сопроводите меня.

Не при всех же уточнять, надёжно ли преступница заперта и послала ли Лисса весточку в ближайший город.

Получив указания, Лисса уходит. Я же на миг задумываюсь — ничего не упустила? Вроде бы нет. И словно откликаясь на мою мысль, Малая корона исчезает, холод больше не сдавливает виски. Значит, с делами покончено.

Я же тороплюсь вернуться в келью и сталкиваюсь с Риманом на лестнице. Бережно прижимая маму к себе, он спускается. Можно не сомневаться, в монастыре Риман не останется, заберёт маму во дворец.

Всё правильно, но... а я?

Глава 41

Состояние королевы меня беспокоит. На первый взгляд, всё в порядке, пульс ровный, чёткий, дыхание спокойное. Очевидно, что королева крепко спит и уж точно она не похожа на умирающую. Но почему она не просыпается, а, проснувшись, почти сразу отключается? На этикетке по этому поводу ничего не сказано. Подозреваю, подробные разъяснения надо искать в каталоге Системы...

Риман наступает на покорёженную створку ворот, выверяет каждый шаг. Я понимаю, сам бы он не заметил в снесённых воротах препятствия, но с мамой на руках иначе.

Я иду следом, и вместе мы выходим из монастырской крепости на дорогу.

Пегас успел исчезнуть. Римана пропажа не смущает. Поудобнее перехватив маму за плечи, он ловко вытаскивает из рукава крошечное пёрышко, подносит к губам и выдыхает. Пёрышко легко взмывает в воздух, кружится, и хотя погода безветренная, кажется, что перо подхватил ветер. Очень быстро пёрышко исчезает за холмом.

Пегас появляется почти бесшумно, копыта мягко касаются нетоптанной травы. Белоснежный крылья распахнуты, и создаётся иллюзия, будто скакун не бежит, а парит над землёй. Плавно замедлившись, пегас по-птичьи хлопает крыльями, а затем свёртывает их и поворачивается боком.

Риман ухитряется запрыгнуть в седло, не выпуская маму из рук, пегас только ушами недовольно дёргает и переступает с ноги на ногу. Устроив маму перед собой, Риман оборачивается ко мне. Я про себя вздыхаю. Всё понимаю, так надо, но от этого не менее горько, увы. Впрочем, в этот раз ждать недолго, каких-то несколько дней, пока люди Римана вернут меня в столицу.

Но Риман протягивает руку:

— Шелли, вам придётся сесть сзади и держаться за меня. Справитесь?

— Что?

Разве пегас выдержит троих? Я не разбираюсь в лошадях, тем более в волшебных, но мне доводилось слышать, что коню, если он не породы тяжеловозов, будет проблемно везти двух седоков. Но втроём?

— Шелли?

Я глажу пегаса по лбу, он охотно подставляет морду и тихо фыркает мне в волосы.

— Разве ему не будет тяжело?

— Здесь недалеко, справится. Шелли, вы же не думаете, что я могу вас бросить?

На самом деле примерно так я и думаю, но Риману об этом знать не обязательно.

Я всё ещё сомневаюсь, но с одной стороны пегас не возражает принять дополнительный груз на спину, с другой стороны Риман уверен.

Я обхожу пегаса.

Риман наклоняется:

— Шелли, поставьте ногу в стремя.

Сказал бы честно — задержите ногу к носу. Если бы не учитель, ежедневно дававший физическую нагрузку, я бы опозорилась. Втиснуть мысок в стремя мне удалось с первой попытки.

— Шелли, держитесь за меня. Я на счёт три помогу вам подняться. Ваша задача перекинуть ногу и сесть. Справитесь? Раз-два-три-и...

Риман приятно удивил меня. Я вполне обычная, уж точно не худышка, но Риман словно вообще не заметил, что у меня есть вес. И это при том, что он удерживает маму. Он вздёрнул меня за руку, как морковку за ботву. Рефлекторно ухватившись свободной рукой за его плечо, я вспомнила, что моя задача не восторгаться, а сесть.

Сидеть сзади не удобно... Я поёрзала в надежде устроиться поудобнее, а в результате чуть не съехала по гладкой шкуре вниз.

— Шелли, держитесь крепче, а лучше придвиньтесь ближе и обнимите меня за пояс.

Ближе?! А ничего, что у меня мысли сворачивают совсем не в то направление, в которое нужно?

Я сделала так, как и сказал Риман.

Пегас шумно фыркает, делает пару шагов, видимо, привыкая к ощущениям, разбегается с холма вниз, мощно отталкивается, подпрыгивает. Раскрываются крылья. Пегас взлетает.

И очень быстро мы оказываемся над столицей, почти над самым дворцом. Пегас тяжело приземляется, проходит несколько шагов и останавливается.

— Шелли, сможете спуститься?

— Конечно.

Ногу в стремя, уцепиться за протянутую руку и спрыгнуть. Риман легко удержал меня от падения, спустился следом.

Пегас фыркает, взмахивает крыльями, и с них срывается крошечное пёрышко. Я начинаю догадываться, что это особый способ связи скакуна и хозяина. Неожиданно, но ветер приносит пёрышко мне в ладонь.

— Кажется, вы понравились Снежку, Шелли.

Пегас складывает крылья и уходит, прихрамывая на переднюю ногу. Риман провожает его обеспокоенным взглядом, но ничего не говорит, и мы следуем во дворец, поднимаемся по лестницам, минуем коридоры. Я почти не обращаю внимания, куда мы идём, всё равно не запомню.

В жилых покоях Риман плавно опускает маму на кровать, присаживается рядом, проверяет пульс. Вид у королевы... нездоровый. За какую-то четверть часа кожа потускнела, начала шелушиться, на щеках россыпь выпавших ресниц.

Следовавший за нами адъютант Римана прикладывает руку к груди, склоняется:

— Ваше величество, Совет лордов Лависа ожидает вас в тронном зале.

Риман резко оборачивается:

— Может быть, они устали стоять?

Адъютант ничего не отвечает, но зачем-то бросает взгляд на меня. Он что, ждёт, что я включусь в хор бесконечных «Риман, ты должен»? Ну уж нет, только не я.

Не дождавшись от меня помощи, адъютант с укором вздыхает:

— Ваше величество...

Я вмешиваюсь:

— Ваше величество, есть горничная, которой можно доверять? Возможно, целитель бы не помешал.

— Я пришлю горничную и приглашу учителя.

Отлично.

Только вот уходить Риман не спешит, держит маму за руку, всматривается в её измученное лицо.

— Я присмотрю за её величеством, — обещаю я.

Риман нехотя отпускает её руку, выходит.

Я занимаю его место и первым делом призываю ноутбук. Хотя сеанс связи с оператором завершён и вызвать историю переписки я не могу, описание купленного эликсира всё ещё хранится в истории покупок.

На картинке знакомый флакон с розовой жидкостью. Та-ак... Что и следовало ожидать — оператор тот ещё хитрый типчик, не упустил шанса сбавить баснословно дорогое пойло, когда под мой запрос подходили средства в разы более дешёвые. Эликсир прямо таки фантастический, очищает организм от токсинов и ядов, избавляет от негатива магического происхождения, включая родовые проклятья. Всего этого более, чем достаточно. Но оператор выбрал эликсир, который дополнительно запускает полное омоложение организма. Да-да, кожа у королевы слезет, как слезает шкура линяющей змеи. И зубы выпадут, вместо них вырастут новые. Про волосы и ногти не говорю — тоже полное обновление.

Словом, выздоровление будет довольно тяжёлым, перестройка тела пройдёт болезненно, зато встанет королева не зрелой женщиной на пороге старости, а молодой красоткой лет двадцати пяти, причём эффект будет не косметический, а глубинный.

Ну и вишенка на торте — внешним изменениям тоже быть: глаза обретут блеск, а кожа — перламутровое сияние. Возможно, самую малость изменятся даже черты лица — станут тоньше, изящнее.

На самом деле мне не жалко карат. Да, я потратила почти всё, что накопила за полгода. Жизнь дороже.

— Леди? — в спальню входит Лара.

— Рада тебя видеть, — улыбаюсь я. Я как раз успела развеять ноут, Лара не заметила.

— Государь приказал мне принять на себя обязанности горничной её величества, леди.

Я киваю.

— Лара, её величество была отравлена. К счастью, мы успели дать противоядие, — я не вдаюсь в подробности, — вовремя. Пожалуйста, проследи, чтобы на тумбочке всегда стоял тёплый свежий бульон и куриное суфле.

Что-то такое, что не нужно жевать, легко глотать и при этом питательное, ведь на одной магии организм не перестроится. Подозреваю, что очень скоро аппетит у её величества проснётся как у десятерых.

Получив указания, Лара уходит.

Вскоре появляется учитель. Я поспешно встаю. Учитель взмахом руки показывает, чтобы я не суежилась, сейчас не до церемониала, принятого в Великой Солнечной империи. Обычно я старалась соблюдать правила — мне не сложно, а учителю приятно — но сейчас не те обстоятельства.

Учитель водит руками над головой королевы, плавно спускается ниже. Создаётся впечатление, будто он ощупывает ауру. Пульс королевы учитель слушает не меньше пяти минут. И, наконец, он переходит на магическое зрение, его глаза вспыхивают глубоким болотно-зелёным светом.

— Что ты учудила, дитя?

Учитель второй, кто знает о моём иномирном происхождении. Однажды я ему рассказала. Как не рассказать? Чтобы верно направить, учитель должен знать об ученике всё. Учитель понял моё беспокойство и обещал сохранить мою тайну.

Я ничего не скрываю, разве что оператор в рассказе превращается в мага. Я вызываю ноут и зачитываю описание эликсира вслух.

— Мда...

На большее учителя не хватает.

Лара возвращается с подносом в руках. Кроме бульона и куриного суфле для королевы на подносе обед для меня.

Обедаем мы втроём: учитель, Лара и я. Я жду Римана, но он так и не появляется, видимо, надолго застрял в тронном зале.

После обеда учитель уходит, предупредив, что будет в соседних покоях. Мы с Ларой до позднего вечера остаёмся вдвоём. Лара либо рассказывает мне о дворцовом этикете, либо мы вдвоём ухаживаем за её величеством. Я угадала — каждый раз, просыпаясь, королева просит пить, съедает пару ложек суфле и снова проваливается в сон.

Ближе к полуночи я в приказном порядке отправляю Лару отдыхать. Нет никакого смысла дежурить вдвоём, пусть наберётся сил, чтобы подменить меня утром.

Я остаюсь в одиночестве. Но ненадолго. Часы показывают полночь, дверь открывается, и в спальню вваливается уставший, обессиленный Риман.

— Как мама?

Мама в порядке. О себе бы побеспокоился. Я поднимаюсь навстречу.

Глава 42

Его шатает, как будто он выпил пару бутылок, не закусывая.

— Шелли? Поздно. Почему вы здесь?

— О? Для меня поздно, а для вас в самый раз?

Риман не отвечает, подходит к кровати. В приглушённом свете ночника его лицо выглядит жутко: белая как мел кожа, чёрные тени под глазами. Вылитый упырь.

— Эликсир оказался с двойным действием, он полностью очищает и обновляет тело, поэтому смотрится некрасиво и время занимает.

— Угу, — кивает Риман. — Шелли, а где Лара?

— Отослала. Мы договорились дежурить по очереди. Сейчас моё время.

— Шелли, идите. Я посижу.

Здравомыслие Риману всё-таки отказало?

Я морщусь нос и не скрываю скепсиса:

— Ваше величество, мне принести вам зеркало?

Риман мотает головой и даже пытается выдавить улыбку. Получается плохо.

— Я устал, Шелли, — признаёт он. — Так устал, что не смогу заснуть, поэтому идите, а я посижу. Рядом с мамой я успокоюсь. Я столько лет сражался за неё... Мне будет легче..., — его речь теряет внятность, похоже, Риман даже говорит с усилием, но продолжает упрямиться. — Идите, Шелли. Считайте, что это мой вам королевский указ.

Угу, бегу, теряя тапки.

— Не слышу приказ. Уж простите за прямоту, ваше величество, слышу откровенный бред.

Риман хмыкает, не сердится, не пытается настоять на своём. Видимо, переутомление у него страшное.

Пожалуюсь учителю и попрошу поставить барьер, чтобы ни один адъютант не прошёл.

— Идите на диван. Ваше величество.

— А если нет?

— Что за ребячество?

— Наябедничаю учителю, он за стенкой.

— Да вы шантажистка, Шелли, — Риман поднимается.

До дивана я его веду. Риман плюхается, кое-как стаскивает обувь. На большее его не хватает. Я сама расстёгиваю пуговицы, отбираю камзол. Риман не протестует. А вот когда добираюсь до рубашки...

— Ч-что вы делаете?

— Надо полагать, помогаюсь.

— Что?

Отвлекаю. О чём бы Риман ни думал, пусть переключается.

— Ваше величество, вы привлекательный мужчина, но конкретно сейчас вы на мягкую Лягушку похожи.

— Что?

Я пожимаю плечами, отбираю-таки рубашку. Ради сохранения психики его величества, на брюки не покушаюсь, приношу подушку, одеяло, и Риман ложится, позволяет себя укрыть. Я устраиваюсь рядом, призываю нут, а параллельно отвечаю на вопрос:

— У меня в детстве была игрушка. Пошитый из велюра и набитый гречневой шелухой ростовой Лягушонок. Я так и звала его — Лягушонок. Использовать его как подушку было здорово, а больше, как и вы сейчас, он ни на что не годился.

— Шелли...

— Кто вам ещё правду скажет, если не я?

В каталоге я выбираю копеечный шарик благовоний, стоит каких-то семнадцать карат. Что-то вроде освежителя воздуха, уж точно не снотворное, никакого прямого действия на организм нет, но всё же с успокоительным эффектом. Я бросаю шарик у дивана. На пальцах остаётся запах шалфея с лёгкой примесью других трав.

Шарик довольно быстро испаряется, а по спальне плывёт тонкий аромат.

— Своему Лягушонку, чтобы он скорее заснул, я рассказывала сказки, как в далёкой стране за горами и морями было у старика три сына. Два старших родились умными, а третий — дураком...

Риман слушает, но постепенно его глаза закрываются, дыхание меняется.

Я продолжаю говорить, но чуть тише, а минут через пять замолкаю.

Риман заснул.

Я бы, если честно, не отказалась прикорнуть рядом, тем более я привыкла к режиму, но, увы, нельзя — я обещала присмотреть за её величеством. Отослав ноут, я достаю из поясной сумочки яйцо, привычно зажимаю между ладонями и направляю в него поток энергии. Пока есть время, надо заняться.

Яйцо поглощает первую порцию без остатка, а вот вторую — только на треть, и дальше скорлупа не пропускает. Магия выплёскивается наружу, обжигает ладони. Я прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть. Чудом удержала и не разбила. Я осторожно пробую ещё раз подкормить яйцо, но оно почему-то больше не хочет принимать магию.

Изнутри раздаётся стук.

Два лёгких удара, на скорлупе появляется крошечная трещинка, и всё стихает.

Оно... вылупляется?!

Вау-у-у...

Руки чешутся помочь малышу выбраться, но я сомневаюсь, что это принесёт пользу. И вообще пора вспомнить, что в каталоге были руководство по содержанию экзотического питомца. Ни Риман, ни учитель, ни все маги мира не расскажут мне, что делать с малышом, когда он появится. Чем кормить? Выгуливать как собаку или приучать к лотку как кошку?

На шестьсот с хвостиком карат не разгуляться. Поколебавшись, я исключаю электронные пособия. Да, уж если я трачусь на учебник, хотелось бы сохранить его навсегда, на будущие перерождения в том числе, но «бумага» во сто крат дешевле. В конце концов, всегда можно перепечатать, а то и сфотографировать страницы. Выбирать надо прежде всего по содержанию.

Уточнив запрос, я отсекаю краткие и однобокие руководства, останавливаюсь на двух вариантах. Вся разница в иллюстрация — чёрно-белые или полноцветные. Разница не так велика, чтобы жабиться, и покупаю более дорогое.

Который раз за день скручивается воронка, проносятся в бешеной круговерти звёзды, и иномирная служба доставки выбрасывает мне в руки томик в твёрдом переплёте.

— Тюк-тюк, — малыш время от времени пробует скорлупу на прочность, но пока с ленцой, будто сомневается, стоит ли из надёжного домика выбираться в большой мир.

Я открываю книжку.

Мда... Текст довольно мелкий, читать в тусклом свете ночника — глаза портить. Я перебираюсь ближе к ночнику и открываю содержание, нахожу раздел, посвящённый вылуплению дабра из яйца. Просматриваю по диагонали, выбирая самое основное, полноценно читать буду при свете дня. Насчёт того, что малышу помогать нельзя, я угадала. Кормить? Первые сутки не нужно, а вот окутать в момент появления магией — да.

— Пи-ить...

Королева проснулась.

Я откладываю пособие:

— Я здесь, ваше величество.

— Я тебя не знаю.

Королева выпивает воду до последней капли. Крошечное усилие, но она уже задыхается.

— Ваше величество, вы знаете, что ваш сын взойшёл на трон? Я с вами по его приказу, — я заканчиваю фразу, но вряд ли королева меня слышит, он снова спит.

Я стряхиваю с подушки несколько седых прядей. За прошедший час королева стала выглядеть ещё более чудовищно, в пору намекнуть Риману, что не для его глаз зрелище. Ну так не послушает...

В тишине слышно глубокое дыхание её величества и редкие удары клювом по скорлупе. Встав, я подхожу к окну, но в последний момент вспоминаю, что в доме Лара запрещала открывать шторы. На дворец запрет тоже распространяется? Пожалуй, да. Пока Риман не наведёт порядок — точно.

Чем бы себя занять?

Спасть хочется...

Поупражняться бы в магии, но подпитать яйцо было из категории «надо», а чисто для себя сил нет, моральных. Надо же, я тоже устала...

Со стороны дивана раздаётся стон.

Я бросаюсь к Риману и почти рефлексивно накрываю нас пологом тишины, чтобы не помешать королеве.

Риман ворочается, слепо шарит ладонью по краю дивана. Он всё ещё крепко спит. Похоже, Риман видит кошмар.

— Нет, не надо, нет, — он окончательно сбрасывает одеяло, вцепляется в обивку.

— Ваше величество!

Я наклоняюсь, трогаю его за плечо, чтобы разбудить, а в следующий миг... Слишком быстро, настолько быстро, что я даже осознать не успеваю. Вот я едва касаюсь кончиками пальцев обнажённой кожи, и в следующий миг я оказываюсь лежащей на диване, Риман сверху, а шею колет лезвие кинжала. Откуда только выхватить успел? Я замираю, боясь спровоцировать.

Взгляд Римана обретает осмысленность.

— Шелли?

— Мне показалось, вам снился кошмар, ваше величество.

Риман убирает кинжал, отпускает меня, устало проводит ладонью по лицу:

— Шелли, вы рисковали.

А должна была оставить его мучиться в ночных кошмарах? Следующий раз буду аккуратнее. Хотя нет, надеюсь, следующего раза не будет, обойдёмся без страшных снов.

— Простите, я не ожидала, что вы так отреагируете. Не подумала.

— Шелли, вы не пострадали?

— Нет.

Риман помогает мне сесть, как-то само собой мы оказываемся плечом к плечу, и Риман обнимает меня. У меня складывается впечатление, что жест у него вышел бессознательный. Риман прижимает меня к себе.

Я не решаюсь нарушить повисшее молчание, хотя, возможно, имеет смысл предложить чаю, но постепенно Риман начинает клевать носом, и от идеи ночного чаепития я отказываюсь. Я сдвигаюсь, помогаю Риману снова лечь, подтягиваю одеяло.

Риман ловит меня за руку. Слова, которые вряд ли бы он произнёс днём, он произносит сейчас:

— Шелли, не оставляйте меня, пожалуйста.

Звучит трогательно-беззащитно.

Я провожу пальцами по его волосам, и Риман закрывает глаза. Он снова похож на кота, даже не на кота, а на лаещащегося к руке котёнка.

— Я буду рядом, ваше величество. Обещаю. Я буду беречь ваш сон.

На его губах появляется улыбка.

Риман снова засыпает, но теперь — спокойным сном. Я практически чувствую, как утекает напряжение.

И именно этот момент дамп выбирает, чтобы расколоть скорлупу, и встать на грудё осколков.

Глава 43

Я однажды видела в Сети фотографию лысого попугая. Вот это вот оно. Костлявый, обтянутый синюшной пупырчатой кожей цыплёнок. Только ноги длинные как у страуса. И клюв мощный. Не удивлюсь, если со временем станет как отбойный молоток.

— Кр-ря! — громогласно оповещает птенец о своём рождении.

Чудо, что полог тишины ещё держится, Риману птенец не помешал.

Вспомнив указания руководства, я наклоняюсь вперёд, чтобы дотянуться до птенца.

Я не встаю, но Риман всё равно чувствует моё поползновение прочь. Не просыпаясь, он поворачивается на бок, на удивление точно хватает мою ладонь и утягивает под щёку. Рассказ про Лягушонка не остался безнаказанным, меня превратили в плюшевую игрушку.

— Кря!

— Ничего смешного, — фыркаю я.

Извернувшись, я всё-таки дотягиваюсь до птенца и направляю на него слабый поток магии.

Птенчик наклоняет голову словно прислушивается. Переступив с ноги на ногу, он делает шагжок вперёд. Кожу царапают коготки. Птенчик цепляется за палец, сдавливая неожиданно сильно. Вроде и новорожденный, а ноги мощные.

Я переносу птенчика к себе, опускаю руку на колени и направляю в ладонь магию.

— М-м-м..., — возражает Риман, то ли ему снова мерещится что-то дурное, то ли подспудно чувствует, что я отвлеклась. — Шел...

Спит Риман беспокойно, поворачивается, обхватывает меня за талию.

— Ты не спишь?!

Воображение рисует, как Риман приоткрывает один глаз, хитро прищуривается в стиле тигра, закогтившего добычу. Но Риман, если он и притворяется, то не признаётся.

— Шел...

Вырываться не вариант, и единственное, что остаётся — сдаться на милость победителя и лечь, благо птенец порцию магии получил, синюшный оттенок лысой кожи сменился здоровым розоватым.

Риман для надёжности на меня ещё и ногу закидывает. Встать к королеве я уже точно не смогу, а ведь она скоро проголодается и проснётся. Вздохнув, я устраиваюсь поудобнее, так, чтобы Риман дышал в шею, а не прямо в ухо.

Мысленно извинившись перед Ларой, отправляю крошечную искорку — Лара обязательно почувствует, проснётся и придёт проверить.

Зевнув, я закрываю глаза и больше не сопротивляюсь усталости.

В объятиях Римана спится сладко. Настолько, что никакой рассвет, и никакая привычка не могут меня разбудить. Когда я просыпаюсь, в комнате светло.

— Доброе утро, Шелли.

— Оу...

За ночь мы поменялись местами. Засыпала сбоку, слегка придавленная к дивану, а проснулась сверху. И надо признать, получилось удачно, иначе, боюсь, Риман бы удрал, а так он послушно исполняет роль матраца.

— Доброе утро, ваше величество, — странно обращаться к нему по титулу после совместной ночи. Как по мне, совместный сон куда более интимен, чем физическая близость. Но я жду, когда Риман предложит обращаться к нему по имени.

— Шелли, составите мне компанию за завтраком?

Риман тонко намекает, что пора его выпустить? Поднимаясь, я непроизвольно морщусь. Всё тело затекло, а платье только добавило неудобств, особенно перекрутившийся рукав.

В ванной наскоро смыл сонливость, я приглаживаю волосы, восстанавливая подобие причёски, в зеркале отражается уже не чучело, а просто не слишком опрятная особа. Но на глаза посторонним лучше не показываться, пока полноценно не причешусь. Хотелось бы принять душ и переодеться, но я не уверена, что найдётся сменная одежда.

Пока я плещусь, лакеи накрывают на стол.

Риман мог бы начать без меня, но он терпеливо ждёт. Хм, а когда он успел привести себя в порядок? Не нужно даже приглядываться, чтобы заметить, что я слегка помята, но про Римана нельзя сказать ничего подобного. Бодрый, свежий, готовый к новым свершениям.

Я подхожу, и Риман галантно отодвигает для меня стул.

— Как себя чувствует ваша мама? — в спальне появилась расписная ширма, скрывшая кровать от взглядов.

— Без изменений. Учитель говорит, что через несколько дней мама будет в полном порядке.

— Рада это слышать.

— Шелли, мне неудобно просить после всего, что вы для меня уже сделали.

Хм?

Я невежливо перебиваю:

— Ваше величество, как насчёт того, чтобы обойтись без подсчётов? Я убеждена, что между настоящими друзьями бухгалтерии, кто сколько для кого сделал, не место. Я бы хотела быть вашим другом.

Улыбка на лице Римана гаснет.

— Только другом? — хрипло переспрашивает он.

— Почему же «только»? Остальное зависит от вас, ваше величество.

Риман качает головой:

— Нет...

— М?

— Не от меня, Шелли, а от нас.

— Вы правы, ваше величество, — хмыкаю я.

Я догадываюсь, что имел в виду Риман. Любые отношения: романтические, дружеские, семейные — строят оба, иначе получается неустойчивая болезненная конструкция, такая, как, например, безответная любовь. Но я убеждена, что именно Риман должен сделать первый шаг навстречу. Неужели его не царапает, когда я обращаюсь к нему по титулу? Самовольно обращаться к королю по имени — преступление.

— Шелли...

— О чём вы хотели меня попросить, ваше величество?

— Побудьте с моей мамой? Я приставил доверенную охрану, но мне будет спокойнее, если я буду знать, что вы здесь.

— Ваше величество, я же обещала.

Разговор сходит на нет, Риман довольно быстро съедает свою порцию, залпом выпивает две чашки чая подряд. Сейчас он сбежит по своим жутко важным королевским делам... Риман быстро наклоняется, приобнимает меня и целует в щёку:

— Потерпи немного, я закончу с делами.

— Хм, разве проблемы когда-нибудь закончатся? Они не бесконечны?

— Надо разгрести хаос и навести хотя бы подобие порядка. Шелли, если сейчас я этого не сделаю, то страну раздерут на части.

И Римана вместе со страной. Возможно, даже буквально.

— Я понимаю, — вздыхаю я.

Честное слово, понимаю. И даже не буду скучать — мне, вон, учебник нужно прочитать от корки до корки. Ха?! А куда делся цыплёнок?! Ох, я так привыкла, что яйцо смирно лежит там, куда я его положила, что я совершенно забыла... Точно помню, что переманила цыплёнка на руку, дала ему магии. Сутки он будет адаптироваться, так что время на поиски у меня есть. Когда Риман утянул меня под бок, цыплёнок был на ладони, я пересадила его на подлокотник, чтобы случайно не раздавить.

Риман целует меня в макушку и сбегает.

Я встаю из-за стола, обхватываю себя руками:

— Удачи.

Дверь закрывается.

Я бросаюсь к дивану.

Естественно, птенец куда-то удрал.

Окно закрыты, двери — тоже. Искать надо в спальне.

Я заглядываю за ширму. Королев спит, Лара развлекает себя вышивкой. Впервые вижу её с иголкой и ниткой.

— Леди, доброе утро.

— Доброе, Лара. Как её величество?

— Просыпалась около четверти часа назад, поела, снова уснула.

Отлично, хоть здесь без проблем.

Я ещё раз обхожу спальню, прислушиваюсь и даже заглядываю под диван, проверяю все щели. Влететь он точно не мог, а вот вскарабкаться на карниз по шторе... Я беру пособие, открываю, перечитываю. Вчера я поняла всё правильно: маленький дамп, узнав магию, которой его «кормили», признаёт мага своей мамой и папой вместе взятыми. Удрать — против его инстинктов, но почему-то птенца нигде нет. Я ещё раз залезаю под диван.

Мои поиски не остаются незамеченными. Лара, отложив рукоделие, выглядывает из-за ширмы:

— Леди, вы что-то потеряли?

Если бы он шуршал, Лара бы заметила.

В спальню без стука входит учитель.

— Дитя, я слышал, мой старший ученик уже ушёл.

Неизменная алая тога, легкая улыбка, взгляд отстранённого зрителя.

— Кря! — из складки на плече выбирается мой птеник и громко здоровается.

— Моя прелесть...

— Кр-р-р-ря! — бодро соглашается птеник.

— Дитя, рано утром я заходил проведать мать моего старшего ученика и увидел, что твой питомец пытается расклевать корону. Я забрал его. Надеюсь, ты на меня не в обиде.

— Спасибо, учитель!

Птеник охотно спрыгивает ко мне, но на плече не остаётся, а перебирается в волосы. Надеюсь, он не станет вить себе гнездо у меня на голове? У меня там и без него... гнездо.

— Рад, что всё в порядке.

Да, в порядке.

Если не считать повисшей между мной и Риманом неопределённости.

Риман пропадает до вечера, возвращается, как и вчера, ближе к полуночи, уставший, измотанный, с

чёрными кругами под глазами. Я уже знаю что делать — молча указываю ему на диван, помогаю раздеться, и Риман почти мгновенно проваливается в беспокойный сон. Но стоит мне погладить переносицу, пропустить пряди волос между пальцев, Риман успокаивается. Как и вчера, он поворачивается на бок, подгребает меня к себе и для надёжности закидывает сверху ногу.

Я уверена, что для Римана я стала очень близким человеком, иначе бы он не нуждался во мне так остро, не бормотал во сне моё имя, не успокаивался бы, когда я рядом. Но в то же время... Почему он не хочет прояснить наши отношения? Может быть, потому что я просила не говорить о нас, пока между нами беспокойство о здоровье её величества?

Как бы то ни было, Риман отмалчивается почти неделю.

Глава 44

— Это действительно я?

Раньше я отвечала, но на тысячный раз до меня дошло, что вопрос её величества либо Риторический, либо адресован не мне, а зеркалу. Овальное, в кружевной бронзовой раме и на длинной ручке — королева с ним не расставалась.

И я её понимаю. Прожить больше десяти лет в чудовищных условиях с осознанием что будущего нет, сына уже никогда не увидеть, жизнь кончена, и есть лишь ожидание старости и смерти, и вдруг обрести вторую молодость. Королева, как и обещало описание эликсира, не просто помолодела внешне, её тело действительно стало двадцатилетним. Что там, если не знать, кто она и поставить её рядом с Риманом, то заподозрить в ней мать просто невозможно, однозначно сестра, причём... младшая.

Я уже потом прочитала мелкий шрифт. Тело, увы, смертно, сколько магией ни накачивай, каждый раз эффект будет слабее и короче, даже если найти более мощный эликсир. Но первое применение розового искушения превратит даже седую старуху в девочку.

— Кря-р!

За прошедшую неделю птенчик окреп, покрылся лёгким едва заметным золотистым пушком и пристрастился разговаривать со своим отражением.

Стоило королеве убрать зеркало, птенец громко возмутился, демонстративно обиделся и поковылял через стол ко мне. Я протянула руку и привычно пересадила птенчика к себе в причёску. У кого-то шпильки с цветами из драгоценных камней, а у меня — живое украшение.

Королева хмыкает и отворачивается.

— Ваше величество, вас что-то беспокоит?

— А вас нет, Шелли? Та графиня... Шелли, вы ведь не можете не понимать, что Риман дал ей власть хозяйки дворца. У графини внучка вашего возраста...

— Леди Айяна? Да, мы ровесницы. Мы едва ли виделись один раз, мне, к сожалению, нечего о ней сказать.

— Я слышала, она невеста Римана.

— Неофициальная. Помолвки не было.

— О вас тоже говорили, как о неофициальной невесте.

— Брак со мной был бы довольно бессмысленным, не находите, ваше величество? Связь с внучкой графини — это укрепление отношений с дашальской аристократией. За мной нет никого.

— Вы смешная, Шелли. Вы так серьёзно говорите, как будто я не вижу, какими глазами мой сын смотрит на вас. В любом случае, я полагаю, было бы надёжнее, если бы Риман передал управление дворцом мне. Шелли, что скажете?

— А что я могу сказать?

Королева расплывается в улыбке, и сходство с Риманом усиливается. Она будто его сестра-близняшка.

— Что вы согласны поддержать мой маленький заговор против графини.

— Простите, ваше величество, но я доверяю вашему сыну. Если он передал власть графине, значит, так нужно.

— Повезло ему с вами, Шелли.

Очередная проверка?

Да надоело! Но мать Римана не та, на кого можно позволить себе раздражаться. К счастью, лакей докладывает, что прибыла — легка на помине — графиня. Дождавшись разрешения королевы, графиня входит, приседает в безупречном реверансе. Королева незамедлительно приглашает гостью за стол, и не скажешь, что всего минуту назад королева предлагала устроить против неё заговор. В шутку или всерьёз предлагала, не знаю.

— Графиня, что вас привело к нам? — мило улыбается королева.

— Ваше величество, леди Тинс, я взяла на себя смелость лично доставить программу завтрашнего дня.

Графиня вручает каждой из нас по тонкой папке.

Завтра коронация.

Было бы странно, если бы Риман остался простым королём Лависа. Завтра он примет титул императора, и на политической карте мира возникнет Дашальская империя. Риман взял название страны своего деда по материнской линии.

Размах пугает. Империя объединит не только запад континента, а именно территории Вигении, Каранса и Лависа, не только исконные острова Дашаля, но и Окраинный архипелаг, и даже Лериат. Удержать земли вместе, как по мне, нереально, но Риман намерен жёстко перемешать аристократию, как в буквальном смысле — устроит великое переселение, так и в переносном — свяжет семьи брачными узами. Ну и магию нельзя забывать. В своё время именно магия привязала дашальцев к Риману.

— Спасибо, графиня, — королева быстро перелистывает бумаги, цокает языком. — Графиня, вы уверены, что здесь нет ошибки? Почему принц и принцесса Великой Солнечной империи не возглавляют делегацию империи, а получают места, предусмотренные для членов королевской семьи?

— Ваше величество, ошибки нет. Это приказ государя.

— Занятно...

Королева досматривает программу до конца, уточняет ещё несколько малопонятных мне деталей и отпускает графиню. Я делаю вид, что увлечена чтением программы. Обсуждать с её величеством Солнечную принцессу я точно не хочу. Что я могу сказать? Единственная причина, почему принцесса может находиться в месте, предназначенном для членов королевской семьи — её будущий брак с Риманом. Ничего удивительного, если честно. Только жаль, что Риман почему-то молчит. Почему?

Вечером Риман приходит раньше обычного, впервые ужинает с нами. И впервые же не остаётся со мной на ночь. Риман провожает меня до выделенных мне покоев, напоминает, что завтра будет тяжёлый день, советует хорошо отдохнуть, желает доброй ночи и уходит.

Мда...

Ну и к чёрту! Конечно, возможно, мы с Риманом просто не поняли друг друга. Если после коронации Риман продолжит молчать, я задам вопрос сама, и тогда уже...

Почему мне больно от одной мысли, что Риман предложит мне стать второй? Когда я успела влюбиться, прикипеть душой? Как я смогу жить без его насмешливой ухмылки, без хитрого прищура, без «Шел», хрипло произнесённого в ночной тишине? Без его надёжных объятий, полных нежности поцелуев, без его сказок?

Я ложусь, кручусь в холодной постели, и не могу заснуть без его убаюкивающего тепла, без мерного ритма его сердцебиения. Я кручусь, пока не получаю по темечку клювом.

— Кря! — заявляет птенец.

— Извини, что мешаю.

Утром я встаю невыспавшаяся, с синяками под глазами.

Ну и что? Косметика прекрасно скроет следы бессонной ночи. Только горничные со мной почему-то не согласны. Они набросились на меня целой стаей. Незнакомые лица, одинаковая форма — сколько их, десять, двадцать? Я спросонья настолько оторопела, что могла лишь моргать и вяло брыкаться.

Горничные, непрерывно щебеча, утаскивают меня в ванную, раздевают, несмотря на сопротивление и возражения, что я привыкла справляться сама. В пахнувшей травами ванной плавают, наверное, целый стог сена. Девушки хватаются за мочалки.

После ванной кожу успокаивают лёгким бальзамом, и я блаженствую, а затем пытка продолжается. Меня усаживают на пуфик и чешут, заплетают, завивают, закалывают. Птенчик, несмотря на отчаянные протесты, обзаводится пышными бантами на обеих лапках. Не мне одной страдать...

Наконец, горничные приносят гору взбитых сливок, в которой я с трудом опознаю платье. Мягкий сливочный цвет и кружево-кружево-кружево. Кажется, платье целиком состоит из кружева.

— Вы хотите превратить меня в торт?

— Леди..., — горничные замирают испуганными изваяниями.

— Я что-то не так сказала?

Отвечает самая бойкая, я её выделила, когда она ухитрилась затянуть на птенчике первый бант:

— Леди, это платье из королевской сокровищницы. Именно в нём короновалась великая королева Тарина.

Что-то я перестаю понимать...

— К платью полагается накидка, расшитая тремя тысячами шестьюстами семьюдесятью двумя бриллиантами, леди! — хвастливо встревает другая горничная, будто имеет к этим бриллиантам непосредственное отношение.

Хотя, возможно, она действительно горда, что ей доверили прикоснуться к такому чуду.

— Моя леди, какие туфли вы хотите померить первыми?

— Семь... Восемь пар?

— Леди, мастер снял ваши мерки, но он ещё не знаком с вашей стопой, поэтому подготовил несколько вариантов.

— Вон те, без каблука.

— Прекрасный выбор, леди.

К началу церемонии я чувствую себя расплюснутым пирожным. пышная юбка плавно переходит в трёхметровый шлейф, и он волочится за мной по ковровой дорожке. Я с лёгким ужасом думаю о том, как кто-нибудь на него наступит. Идти далеко. Точнее, ехать. Церемония пройдёт в главном столичном храме, и надо дотянуть кружево от спальни до парадного выхода из дворца, забраться в открытую коляску. Мне выпала честь ехать сразу за королевой.

К счастью, её величество облачена в не менее роскошное платье — мы сталкиваемся в холле. Королева слегка выгибает бровь и переводит полный задумчивости взгляд на девушку, одетую в традиционный наряд Великой Солнечной империи. Рядом с девушкой стоит похожий на неё юноша. Должно быть, принц и принцесса.

Я приветствую королеву реверансом, она отвечает величественным кивком. Ко мне она не обращается, и это правильно, сегодня у неё особая роль — принять от сына корону императрицы-матери.

— Доброе утро, леди, — со мной здоровается жена посла Великой Солнечной империи.

— Доброе утро, госпожа.

— Кря! — высовывается из причёски цыплёнок.

— Надеюсь, однажды мне выпадет возможность пригласить вас, госпожа.

— Леди, я буду рада, если вы навестите меня в резиденции посольства.

Пока мы обмениваемся вежливыми, малозначащими фразами, принц, и принцесса подходят к нам в сопровождении посла.

Я невольно напрягаюсь, но принцесса выглядит дружелюбной. Я исполняю реверанс, она — принятый в империи поклон. И снова ничего не значащие фразы, взаимная вежливость.

— Леди, — внезапно наклоняется к моему уху принцесса, — разве у его величества есть сестра? Господин посол об этом ничего не знает. Простите за прямоту, но она помолвлена?

— Цинная!

Принц тщетно пытается остановить сестру.

Принцесса закатывает глаза:

— Брат, я же видела, та особа вам понравилась! Она словно вышла из легенды о небесной красавице.

— Циная, я обязан принимать во внимание достоинство своей будущей супруги.

— Ха! Брат, очнись, пока официальной помолвки не было, всё можно изменить. Жениться на сестре императора не так престижно, зато она молода и хороша собой.

Они спорят, и я не могу слова вставить.

Да и не хочу, если честно.

— Циная!

— Брат, на что будет похожа твоя жизнь, если ты действительно свяжешь себя с женщиной в три раза старше тебя? Оглянись! Её величество до сих пор не появилась. Возможно, она...

— Осторожнее в словах, принцесса, — вмешивается уже посол.

Принцессу несёт:

— Я слышала, королева последние годы жила в монастыре. Тяжёлые условия, возможно, уже разрушили её здоровье. Брат, ты не должен становиться консортом при императрице-матери, ты не должен себя хоронить! Я уверена и отец-император, и его величество Риман поймут и одобрят твой брак с сестрой его величества.

Кажется, молчать дальше просто нельзя.

— Принцесса, та особа не сестра его величества.

— А кто же она?

— Она и есть королева-мать.

Глава 45

Процессия тащится по улицам черепашым шагом, и я тихо радуюсь, что моя коляска не в «хвосте». Люди толпятся вдоль улицы, теснятся в окнах и на балконах. Гвардейцы с трудом сдерживают уличную давку.

Всё повторяется, как и в прошлый раз.

Риман едет верхом под цветочным дождём. Королеве и мне тоже достаётся, но традиция коробит. С одной стороны, мало ли что могут бросить. Хорошо, если тухлый помидор. А если отраву или бомбу? С другой стороны, смотреть на растоптанные, погибшие под копытами коней цветы неприятно. Но моё мнение никто не спрашивает, и я стараюсь делать то, что от меня ждут — сидеть с достоинством и иногда улыбаться..

Храм меня не впечатляет.

Белокаменное, увенчанное куполом прямоугольное здание, единственным украшением которого служит пояс витых колонн. Ни архитектурных, ни декоративных изысков. Впрочем, Лавис, я успела заметить, не религиозен. К богам обращаются в редко — благословить новорожденного, отметить совершеннолетие, связать пару узами брака, проводить умершего в последний путь.

Риман спускается с пегаса на нижнюю ступеньку лестницы и первым входит в храм. Аристократам предстоит войти в строгой очерёдности и занять заранее установленные места. Права присутствовать на коронации удостоились далеко не все. Точнее, присутствовать дозволено всем желающим, а вот войти в храм смогут лишь избранные. И я в их числе. Остальные же будут ждать саружи с простолюдинами.

— Да здравствует его величество Риман! — скандирует толпа.

Меня встречает храмовая прохлада, крики остаются позади.

Время близится к полудню. Церемония должна начаться вот-вот. По плану Риман станет императором в тот самый миг, когда солнце достигнет наивысшей точки, а тени исчезнут.

Я, стараясь скрывать свой интерес, осматриваюсь.

Леди Айяна стоит подле графини. Девушка не выглядит особенно счастливой, но и грустной её не назвать. Видимо, поняла, что Риман ей не перепадёт ни при каких условиях, смирилась. По крайней мере я на это надеюсь. Отчасти её даже жаль — она ведь не на пустом месте грезилась о троне, её аппетит успешно подогревали.

Принц Великой Солнечной империи поедает королеву глазами. В любовь с первого взгляда я не слишком верю, я бы поставила на изрядную долю расчёта. Но кто сказал, что династический брак, в котором супруги сознательно ищут, как поладить, не может со временем стать по-настоящему счастливым?

Принцесса Циная поглядывает на Римана, но мне в её взглядах мерещится безысходность, и я перевожу взгляд дальше. Прибыл посол Северного союза — подтянутый седой мужчина, щеголяющий меховой накидкой. Он не сварится?

— Боги, благословите его величество Римана Победителя, принёсшего нашим землям мир и славу! — жрец низко кланяется Риману.

Я про себя фыркаю — Риман принёс войну. Да, у него не было выбора, он защищал свой народ, но говорить о мире несколько... лицемерно?

Коронация началась, и в отличие от королевской, императорская коронация обещает быть более зрелищной.

Вперёд выходят представители павших Каранса и Вигении. Оба на вытянутых руках несут бархатные подушки, на которых лежат короны. Мужчины опускаются перед Риманом на одно колено, склоняют головы и продолжают удерживать короны перед собой.

Риман их игнорирует и следит за приближением церемониймейстера с точно такой же подушкой в руках. Но пустой. Церемониймейстер третьим опускается на колено, вытягивает руки. Риман снимает с головы корону Лависа и опускает на подушку. Хм? В программе, которую принесла вчера графиня, таких подробностей не было.

Наконец, вперёд выходит сразу группа аристократов, возглавляемая как раз графиней. С поклонами, но без коленопреклонения, они просят Римана принять корону Дашаля. Риман принимает венец, поднимает вверх, словно демонстрируя зрителям. Аристократы дашаля отступают

и вдоль стены незаметно отходят в сторону.

Я ожидаю, что Риман опустит корону себе на голову, но он этого не делает, вместо этого опускает её на ту же подушку, где лежит корона Лависа.

Корона Дашаля начинает светиться. Сияние огненное, я даже вижу язычки живого пламени, бегущего по венцам и... Магия расплавляет короны? Нет, сплавляет! Свет бьёт по глазам ослепительной вспышкой.

Когда зрение восстанавливается, я вижу, как Риман поднимает корону. Сказать, что два артефакта слились в один не совсем верно. Корона Дашала попросту поглотила корону Лависа.

— Боги, благословите Римана Победителя, — затягивает храмовый хор.

Риман поглощает корону Вигении, последней — корону Каранса.

Короны Лериата почему-то нет. Наверное, у них нет такого артефакта. Иначе бы правитель не потерял силу так быстро, а страна не превратилась бы в сборище пиратских шаяк, верно? Как бы то ни было, Риман снова поднимает корону высоко-высоко и медленно опускает на свою голову.

— Да здравствует его величество император Риман Победитель!

— Слава императору!

— Тысячи лет жизни императору! — вклинивается принцесса с нетрадиционным для запада приветствием.

Риман принимает поздравления, жрецы поют благодарственный гимн и зажигают свечи.

Главная часть церемонии подходит к концу.

Вперёд выходит королева:

— Ваше императорское величество, я поздравляю вас с восшествием на престол. Вы принесли мир нашим землям и подарили народу надежду на лучшее будущее. Правьте мудро.

Королева исполняет реверанс.

— Ваше величество императрица-мать, я буду хранить ваш совет в своём сердце.

Риман опускает на голову матери усыпанный драгоценностями венец. Не знаю, артефакт это или просто ювелирное украшение...

Аристократы поздравляют теперь уже императрицу, продолжать называть её королевой неверно. Я присоединяюсь к поздравлениям, но в первые ряды не рвусь. Мои мысли уходят в сторону. Мне до ужаса надоело молчание Римана, и либо он заговорит сегодня, либо я сама спрошу. А затем... Чем мне заняться? Переписывать из Сети полезную информацию — это работа. Учиться магии и вообще учиться — необходимость, хотя не могу не признать, необходимость очень приятная. Но ведь должно быть что-то ещё — для себя, для души.

Рисовать?

Точно!

«Искусство создания магических картин» всё ещё ждёт меня.

Из храма я выхожу в приподнятом настроении, мысленно я уже стою с кисточкой за мольбертом и набрасываю морской пейзаж. Может быть, рвануть с Безумным капитаном в экспедицию? Тайком от Римана, естественно. Послать потом сообщение, поставить перед фактом. Ха!

Но прямо сейчас мне придётся вытерпеть праздничный обед.

Глава 46

Обед плавно перетекает в ужин, за которым следует торжественный приём в тронном зале. Лично у меня окончательно угасает весь интерес к происходящему — с непривычки торжество кажется слишком утомительным, и о том, что празднование продлится не меньше недели, я думаю с лёгким ужасом.

Хорошо птенцу. Дамр окопался у меня в причёске и давно дрыхнет.

Наконец, Риман покидает тронный зал вместе с императрицей-матерью, и это знак, что можно расходиться. Только не совсем понятно... Чем выше статус, тем раньше можно уйти. Я даже смутно не представляю, на какой ступеньки иерархии я оказалась. С одной стороны я всего лишь сирота довольно низкого происхождения, с другой — на мне платье великой королевы. Хм?

Самой ломать голову не приходится.

— Леди Тинс, — ко мне подбегает мальчишка в знакомой военной форме, один из гвардейцев Римана. — Его величество ожидает вас.

Вот так.

Странно, пока Риман был кронпринцем, меня подобные вызовы не беспокоили, а сейчас раздражает. Но что я могу изменить? Император изволит звать. Я хмыкаю и следую за гвардейцем.

Очень быстро мы догоняем Римана и его маму, гвардеец откланивается, а Риман протягивает мне руку так спокойно и естественно, будто между нами нет никакого молчания. Я даже начинаю подозревать, что оно существует лишь в моей голове. Но это же неправда.

Риман держит под правую руку маму, меня — под левую.

— Сынок, я слышала, ты нашёл себе отчима?

Кажется, я поспела к самому интересному.

— Мама, из всех принцев Великой Солнечной империи этот самый лучший, умный, покладистый, не амбициозный. Что важно, слуги относятся к нему с почтением, но не боятся.

— Хм? А если я против?

Риман скептически щурится, но подносит мамину руку к губам, целует.

— Мама, брачная церемония продлится всего несколько часов. Я верю, что ради блага Дашаля вы не откажетесь посетить храм.

— Несколько часов? — делано изумляется она. — Никогда не слышала о столь скоропостижных браках. Мне казалось, обычно браки длятся всю жизнь. Даже мой почти неудачный брак продлился несколько лет.

Как по мне, императрица-мать права. Брак, пусть он и политический — это долгоиграющий союз. Понимаю, что отказать правителю Великой Солнечной империи Риман, наверное, не мог, но...

— Мама, я прошу вас позволить этому мальчику сопровождать вас во время торжеств, ничего более. В конце концов на севере Солнечной империи, на границе с Эпсой, проживает малый народ, у которого принято многоженство. Что касается принца, то он не будет вам докучать, я планирую поручить ему открытие школ для одарённых детей.

— Ты лишишь меня общения с моим будущим мужем?! — интонация моментально меняется, императрица-мать праведно возмущена.

Риман устало вздыхает:

— Мама, вы бы определились, хотите вы с ним общаться или нет.

Мы останавливаемся перед покоями королевскими покоями. Риман снова целует маме руку, а заодно ловко освобождается из её хватки, одаривает хитрым прищуром. Императрица-мать отвечает точно таким же взглядом.

— Доброй ночи, мама, — Риман лично распахивает для матери двери.

Фыркнув, она проходит в будуар:

— Шелли, подумайте. Если вам понравился имперский принц, я не стану возражать, если вы

выйдете за него вместо меня.

Пфф, так я и поверила, что обмен возможен.

— Мама!

Ой, а чего Риман так побагровел?

Дверь захлопывается с громким стуком.

Риман подхватывает меня под руку и тянет за собой. Успеть за его шагом просто невозможно, да ещё и платье. Заметив, что я торможу, Риман подхватывает меня на руки, прижимает к себе:

— Вы устали, Шелли?

Откуда столько нежности?

Неожиданно для себя самой я киваю. Да, устала, но дело не в самой усталости. Так приятно оказаться в объятиях, на руках... Хах, кто ещё может похвастаться тем, что его император лично нёс в спальню? Только почему-то не в мою. Неделю Риман игнорировал свои покои и приходил в выделенные мне.

Гвардеец распахивает двери.

— О...

Вместо обычных магических светильников повсюду горят свечи. Помещение украшено цветами и лентами.

Риман опускает меня на диван, сам присаживается на корточки и избавляет меня от туфель, пробегает подушечками пальцев по стопе. От его касания разливается приятно тепло. Это же... легкая целительная магия? Ох... Риман поднимается, протягивает руку, и птенчик послушно спрыгивает с моей головы в его ладонь. Хмыкнув, Риман сажает птенца на столешницу тумбочки, где уже рассыпаны семечки и стоит плошка с водой.

— Кря! — одобряет птенчик.

Риман забирает у меня расшитую бриллиантами накидку, небрежно отбрасывает в сторону, его руки оказываются на моей спине, и Риман ловко распускает шнуровку, стягивает с меня платье. Я чуть напрягаюсь. Я девочка взрослая, понимаю, к чему идёт, но, во-первых, между нами всё ещё молчание, во-вторых, я действительно устала.

Нижнюю сорочку Риман не трогает, разбирает причёску, и мои волосы рассыпаются по плечам. Голове становится легко-легко. Риман, заметив мою реакцию, касается затылка и мягко массирует голову, шею, плечи.

— М-м-м..., — стону я.

— Шелли, в ваших мыслях сейчас только я?

— Да...

— Как и в моих — только вы.

Угу, прекрасно, только не останавливайтесь, ваше величество. И виски, да, как хорошо...

Но всё же массаж заканчивается, Риман отходит в сторону и возвращается с чашкой бульона:

— Хотя бы два глотка, Шелли.

Я выпиваю бульон до дна. Риман оставляет её в сторону, садится рядом. Я сама, по собственной инициативе, не слишком осознавая, что делаю, тянусь к нему, устраиваю голову на его плече и засыпаю.

Даже сквозь сон я чувствую его объятия. Утром, когда я просыпаюсь, я совсем не удивляюсь, что лежу в его постели, в кольце его рук. На мне по-прежнему сорочка, Риман полуобнажён, оставил только спальные бриджи.

Остатки сна слетают мгновенно.

Вау, какой рельеф... Так и хочется протянуть руку...

Над ухом раздаётся смешок, Риман ловит меня за пальцы и притягивает к себе.

— Вы не спите, ваше величество?

Риман не отвечает, тянется к прикроватной тумбочке:

— Вот, Шелли.

— Что это?

Крошечная деревянная коробочка, покрытая орнаментом морской тематики, в единый узор переплетаются рыбы, осьминоги, морские звёзды. Я открываю коробочку. Внутри отделка из белого бархата. И на бархате лежит перламутровый шарик размером с вишню.

— Шелли, вы забыли, зачем вы отправили меня в Великую Солнечную империю? Вы сказали, что я должен показать глубину своих чувств, достав для вас со дна жемчужину, как сделал посол империи для своей жены. Я достал, — самодовольство брызжет из всех щелей.

— Вы нырнули?!

— Нырнул, — Риман довольно щурится. — Шелли, вы удовлетворены?

— М-м-м...

Риман становится серьёзным, проводит по моей щеке:

— Шелли...

— Да... ваше величество?

Риман вдруг отстраняется:

— Леди Тинс, я полагал, что хотя бы сейчас вы назовёте меня по имени.

Что? Я всё не так поняла? Я была уверена, что должна получить разрешение. Хах, как глупо. Я ждала, Риман ждал...

Он на глазах каменеет, того гляди превратится в ледяную статую. Чёрт! Объясниться можно и потом. Я кидаюсь к нему, беру его лицо в свои ладони. У Римана расширяются зрачки, он прерывисто вздыхает и замирает не дыша. А я не придумываю ничего лучше, чем поцеловать со всем жаром, на который способна. Риман вздрагивает. На поцелуй он не отвечает, но его руки ложатся на мою талию, и я понимаю — не отпустит.

— Риман, — выдыхаю я ему в ухо. — Я просто сомневалась, что тебе понравится. Котик...

— Ах...

— Скажи «мурр».

Я не перегнула?

Риман совершенно ошалел, я же чувствую, как меня постепенно отпускает напряжение. Молчание между нами было всего лишь недопониманием. Нам надо просто поговорить.

— Шелли...

— Я.

— Шелли, я знаю, ты ценишь свободу, а я отныне и до своего конца привязан к трону. Я не смогу последовать за тобой. Это эгоистично с моей стороны, но... раздели со мной мою судьбу? Только ты можешь быть моей императрицей.

— Я люблю тебя, Риман. Я согласна. При одном условии.

— Да?

Эй, зачем делать такое серьёзное выражение лица, как будто я могу потребовать что-то серьёзное.

Я улыбаюсь:

— Видишь ли, я тоже эгоистична, и одной жизни с тобой, Риман, мне мало. Раздели мою судьбу в этом и следующих перерождениях?

— Если бы это было возможно, Шелли, я согласен быть с тобой вечность.

— Это возможно, — я нашла такую услугу в каталоге «Системы». — Римап, можно вопрос?

— Конечно.

— Почему ты молчал о своих намерениях всю эту неделю?

Римап хмурится:

— Шелли, но ты же сама сказала, что не хочешь обсуждать будущее, пока я не разберусь с проблемами.

Э-э-э?

— Ох, не стоило понимать настолько буквально...

— Я люблю тебя, Шелли.

Глава 47

А можно мы никуда не пойдём? Нельзя? Очень жаль.

Я всё ещё в нижней сорочке — платья в гардеробной моих покоев, а одеваться в мужскую одежду, чтобы стать главной героиней сплетен, глупо. Слуги принесут подходящее платье, и тогда я смогу выйти, а пока я сижу на стуле и с удовольствием наблюдаю, как Риман застёгивает парадный мундир.

Форма ему идёт. Впрочем, Риману всё идёт. Особенно отсутствие любой формы... От картин, которые рисует воображение, кровь приливает к щекам.

Риман бросает взгляд в зеркало, поправляет на голове корону. Я поднимаюсь со стула, подхожу. Риман быстро целует меня, замирает, не хочет уходить.

— Я буду ждать, — улыбаюсь я.

— Шелли...

Быстро поцеловав меня, Риман уходит. Сегодня его ждёт первое заседание Совета, а во второй половине дня состоится суд над бывшей королевой Элизанной и принцем Дораном. Делиться подробностями Риман не захотел, а я не стала настаивать. Приблизительно я догадываюсь, каким будет приговор. Казнь — слишком громко, скорее всего бывшую королеву либо заключат в тюрьме для аристократов, либо отправят в монастырь, что почти одно и то же. Дорана, вероятно, тоже ждёт заключение. И вот его бы я не пощадила — вручила лиоруанский яд. Не из мести, а чтобы вырвать змее зубы. Пока Доран может претендовать на трон, он остаётся угрозой.

Отца Риман вроде бы собирается пощадить — отправить в отдалённую загородную резиденцию. Хотя по сути это тоже самое пожизненное заключение, но всё же с комфортом.

Больше всех повезло принцессе Оливии. Или не повезло. Ей предстоит отправиться в Великую Солнечную империю, и дальнейшая её судьба будет зависеть от её удачи и воли императора, возьмёт ли он её в свой гарем, передаст одному из принцев или вовсе подарит какому-нибудь чиновнику... В любом случае для неё это второй шанс.

Дверь открывается, но входит не горничная с моим платьем, как я ожидала, а императрица-мать.

— Доброе утро, ваше величество.

— Шелли, ну же, порауйте меня!

— Ваше величество?

— Шелли, скажите, что Риман сделал вам предложение!

Я оглядываю комнату. Ленты все ещё висят, а от свечей остались огарки.

— Ваше величество, это вы...?

— Я посоветовала ему быть решительнее. Что же, имперского принца я тебе, извини, не отдам. Я долго думала и решила, что он мне даже нравится, милый мальчик, не амбициозный, поможет Риману открыть школы магии... Шелли, не мучайте меня, скажите, что вы станете моей невесткой!

Императрица-мать требовательно смотрит на меня.

— Да, я согласилась.

Не могла не согласиться...

— Ох, Шелли! — императрица-мать налетает на меня как ураган, звонко чмокает в щёку и возмущается. — Где горничные? Почему мы должны ждать. У нас столько дел!

— Ваше величество?

Императрица-мать достаёт из сумочки фигурный ключ и подбрасывает на ладони:

— Вчера у Римана забрала.

— Могу я узнать, что это?

— Ключ от сокровищницы, — легко отвечает императрица. — Пойдём. Ах, да, сперва дождёмся ваше платье.

— Но...

— Никаких «но». Шелли, неужели вам действительно не нравятся ювелирные украшения?

— Если украшение дорогое, то о нём невольно беспокоишься, и портится всё удовольствие, а дешёвка и есть дешёвка.

Императрица-мать выразительно морщится:

— Шелли, вы хотите убедить меня, что вас совершенно не любопытно побывать в сокровищнице? А уж перенесёте вы все сундуки в свои покои или часть оставите не так уж и важно, — и улыбка тигриная.

Я про себя вздыхаю. Опять проверка? Я допускаю, что императрица-мать вполне искренне предлагает мне украшения, но одновременно она будет оценивать мою реакцию. Уже оценивает. Обижаться на это глупо. С тем же успехом можно обидеться на солнце за то, что летом оно светит слишком жарко. Это часть её натуры.

Уверена, Риман тоже постоянно меня оценивает, бессознательно.

Горничная приносит несколько нарядов, и я выбираю муслиновое платье цвета кофе с молоком. Золотая вышивка добавляет роскоши, но в то же время платье не выглядит помпезным, в отличие от вчерашнего.

Императрица-мать ждёт, и не похоже, что её это хоть сколько-нибудь напрягает. Пока я одеваюсь, она играет с птенцом, пытается предложить семечки, но цыплёнок упрямится. В пособии сказано, что до месяца ему можно давать твёрдую пищу один раз в день, а в остальное время подпитывать магией. Недели через две птеник подрастёт и сам научится собирать магию в окружающем пространстве.

— Ваше величество, я готова.

— Шелли, что же вы как неродная? Наедине зовите меня «мама». Кстати, Шелли, помогите мне пожалуйста, придумать имя вашей будущей сестрёнке. Имя — это очень важно!

— Мама, вы ещё не вышли замуж.

— Полагаю, Риман официально объявит о моей помолвке с имперским принцем на праздновании вашей с ним помолвки. Эта череда праздников — такая нагрузка на казну.

— Это временно. Риман умеет создавать богатство, — иначе и не скажешь. Ведь сумел же открыть свою судовую компанию, разбогатеть. Да, не без начальной помощи дашальцев, но их участие ни капли не умаляет его достижений.

Я уступаю напору императрицы-матери, и вместе мы спускаемся в сокровищницу. Императрица-мать полна энтузиазма, и я начинаю подозревать, что ещё одна из причин, почему она ведёт меня к сундукам с золотом и бриллиантам — это её подспудное желание ощутить себя возродившейся королевой, теперь уже императрицей. Её пальцы перебегают с шкатулки на шкатулку.

В сокровищнице не оказалось никаких золотых гор. Едва тяжёлая дверь отошла в сторону и на потолке вспыхнули магические светильники, я увидела лишь ряды пронумерованных сундуков, стеллажи с ларцами и шкатулками, шкафы, в одном из которых, наверное, хранится коронационное платье великой королевы Тарины.

На украшения я смотрю равнодушно.

Точнее, я искренне восхищаюсь роскошью и изяществом работы, но примерить, а тем более забрать себе не тянет.

— Шелли, мне кажется, вы так увлеклись учёбой, что утратили умение наслаждаться приятными вещами.

— Я так не думаю.

Просто предпочитаю наслаждаться Риманом...

Открыв очередной шкаф, я натыкаюсь на собрание книг. Первый же фолиант, который я вытаскиваю — это сборник боевых заклинаний. Я перелистываю на первую страницу и погружаюсь в текст.

Сокровищница воистину полна сокровищ!

А можно я перекопирую все книги в свой ноутбук?

Я проглатываю страницу за страницей.

В какой-то момент на краю сознания начинают бубнить. Я слегка раздражённо дёргаю плечом. Если там не прекратят, может, опробовать одно из новых заклинаний? Только какое? Они все такие интересные...

— Сынок, она уже два часа так сидит, и даже бросила в меня серёжками, которые я пыталась предложить ей примерить.

— Мама, зачем вы сорвали обед? Я хотел провести время с вами и с Шелли.

— Риман...

Жёсткий шкаф исчезает, я ощущаю на спине тёплую ладонь. Я перелистываю следующую страницу:

— Котик, тут ещё одна глава, и всё. Хорошо?

— Мурррр.

Эпилог

Я стою с кистью и направляю магию через кисточку в краску и на полотно.

Мне нравится рисовать, а уж совмещать приятное с полезным сама Система велела. Я почти не задумываюсь, кисть движется сама по себе, и линии сливаются в очертания танцующей пары. Он и она кружат в бальном зале, и никто из тысяч зрителей не смеет присоединиться к танцу.

В левой части картины вырисовывается возвышение. Троны императора и императрицы пусты, ведь мы танцуем. На высоте, над залом, остаётся величественная императрица-мать. Её поза преисполнена величия, но в уголках губ скрывается совсем не императорская, а тёплая материнская улыбка. Императрица-мать не одна, за её троном стоит её муж, принц-консорт. Брак, начавшийся, как политический союз, стал тихой семейной гаванью. Между императрицей-матерью и её консортом, возможно, нет жгучей страсти, зато есть взаимоуважение, тепло и трогательная забота друг о друге. А любовь? Мне кажется, она уже расцвела между ними, иначе почему на картине принц-консорт не следит за нашим с Риманом танцем, а с нежностью смотрит на супругу?

Но на картине нет и не будет отца Римана. Бывший король живёт в загородной резиденции и наслаждается покоем домашнего ареста. Вечного. Иногда он присылает поздравительные письма. Чаше отвечаю я, Риман писал в ответ дважды. Пока они не готовы встретиться лицом к лицу, но я верю, что что-то будет. Прощение? Наверное... Не все в королевской семье рождаются королями, способными управлять страной. Прощение не отменит арест, нет, но станет мостом между отцом и сыном. В конце концов, плохо, бездарно, но по-своему король пытался защитить маленького Римана.

На картине не будет павшей королевы Элизанны, не пожелавшей провести остаток жизни в монастыре и принявшей яд. Не будет принца Дорана, последовавшего за матерью. Решение очень тяжело далось Риману. Всё же младший брат... Когда я напомнила, что этот так называемый брат без колебаний и сожалений прислал Риману браслет, пропитанный соком лиоруанских цветов, Риман только вздохнул. Принц Доран, не утративший амбиций, оставался бы слишком опасным и притягательным для всех, кто желает свержения власти Римана, поэтому... он не мог оставаться в живых. Не только он. Монахиня, отравившая в монастыре мать Римана, была казнена, но по-своему Риман всё же проявил к ней милость — отложил исполнение приговора на время расследования трагической гибели её сестры и позволил девушке присутствовать на казни настоящих преступников.

На картине не будет принцессы Оливии. Она вошла во дворец императора Великой Солнечной империи и стала одной из многих красавиц, украшающих его гарем.

Принцесса Циная на картине будет. Циная составила счастье молодого канцлера, таланта из, как ни странно, Вигении. Будучи сыном опальной семьи, он не мечтал о государственной карьере, и вдруг вознёсся на небывалую высоту. У Римана чутьё на таланты... А Циная пообтесалась, перестала считать себя дочерью избранника богов в стаде дикарей, лишилась прежнего высокомерия и оказалась весьма милой девушкой.

Среди зрителей величественной осанкой выделяется графиня. Рядом с ней её внучка с женихом. Айяна несколько болезненно пережила осознание, что трон, о котором она грезилась, достался мне. К чести Айяны, проблем она не доставляла, лишь поглядывала на мою корону с тщательно скрываемой тоской, пока в её жизни не появился молодой капитан, герой войны. Сейчас девушка счастлива, что осталась свободной и с нетерпением ждёт свадьбы.

На картине не будет опекуна Шелли и его семьи. На нашей свадьбе лорд с семьёй присутствовал, не прийти он не посмел. Но изображать его мне совсем не хочется, как не хочется вспоминать о том, что в честь свадьбы милостью императора ему всё-таки сократили установленную судом заоблачную компенсацию до приемлемой суммы, и теперь лорд Зеер ничем не примечательный разорившийся аристократ. Его сын был уволен на службы и пребывает в свободном поиске себя. Авось, однажды найдёт.

— Шелли, отдай кисточку или хотя бы смени полотно.

— О? Какое полотно?

Если бы я не была так увлечена, я бы не попала на провокацию.

— Разве Солнечный посол не подарил тебе книгу об искусстве росписи по коже? И краски он тоже тебе подарил. Так зачем ты тратишь время на мольберт, когда у тебя есть муж?

Риман расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки, и я невольно слежу за медленным движением его пальцев. Риман нарочно медленно подбирается ко второй пуговице, обводит контур круга, расстёгивает. Кисточка выпадает из пальцев. На мраморном полу останется клякса, но меня это ни капли не волнует. Мрамор не ковёр, горничные протрут. Риман обнимает и целует:

— Шелли, войди в моё положение. Если ты будешь только рисовать, империя не будет успевать строить картинные галереи.

— М-м-м...

— Мурр, — хмыкает Риман, подхватывает меня на руки и похищает из моей мастерской.

— Что-то хорошее случилось? Ты подозрительно доволен.

— Пришла весточка от Безумного капитана. Завтра наша экспедиция возвращается с победой.

— Да?! Ура! — я подпрыгиваю, забыв, что Риман держит меня на руках.

К счастью, муж у меня сильный во всех смыслах, мои попытки уронить нас, он не замечает, аккуратно усаживает меня на диван и принимается обратно застёгивать пуговицы рубашки.

— Эй, так не честно! — возмущаюсь я.

Риман хохочет, падает в кресло, закидывает ногу на ноги и смотрит на меня самодовольным взглядом победителя. Вот кошак он и есть кошак, ничего не изменилось. Его взгляд становится лукавым, а я прищуриваюсь. У меня есть, чем удивить и сорвать это выражение превосходства. Одна фраза, и уже я буду смотреть на Римана с превосходством.

— Ах так? Тогда я не скажу тебе, что скоро мы станем родителями, — и выразительно кладу ладонь на свой живот.

Вся показная игривость с Римана слетает. И Риман сам с кресла тоже слетает, опускается передо мной на колени:

— Шелли?

Смотрит на меня со смесью счастья и недоверия, будто боится, что я пошутила. Риман протягивает руку, но замирает, так и не коснувшись меня. По его мнению, я вдруг стала хрустальной? Меня накрывает волной нежности, я наклоняюсь вперёд, провожу по его волосам, и Риман жмурится от удовольствия, как котёнок, и совсем не важно, что для других он матёрый хищник. Я ловлю Римана за руку и опускаю его ладонь на свой живот. Риман прислушивается к ощущениям, постепенно начинает дышать ровнее.

— Шелли...

Я не даю договорить, целую.

Риман срывается. Подхватывает меня на руки, кружит по комнате, держит крепко и в то же время бережно. И, наконец, позволяет мне встать:

— Шелли, я попрошу учителя больше не оставлять тебя ни на шаг, пока ты без меня.

Что?

После коронации Римана учитель мог вернуться на родину, но, таинственно улыбнувшись, учитель отрицательно качнул головой и продолжил цедить чай. Сколько он захочет оставаться с нами? Лично я надеюсь, что он выучит не только наших с Риманом детей, но и внуков, а пока что учитель мучает Лару. Она-таки взяла его измором и добилась согласия принять её в ученицы.

— Котик, ты ведь понимаешь, что это безумие? Материнство — естественное состояние для женщины.

— Шелли, мне так будет спокойнее.

И все мои возражения разбиваются.

От того, что учитель присмотрит, хуже уж точно не будет.

— Сам его убеждай.

— Легко! — усмехается Риман. — Заметь, я не прошу тебя бросить работу.

Я не сильна ни в политике, ни дипломатии, ни в военном деле. Я взяла на себя традиционно «женскую» сферу — медицину и образование. Сплавив воедино исторический опыт государств моего родного мира и опыт Великой Солнечной империи, мы втроём — императрица-мать, принц-консорт и я — выстраиваем двухвекторную социальную программу. С одной стороны, мы делаем образование и медицину доступными всему населению, с другой — ищем и продвигаем таланты.

Даже ребёнок последнего нищего сможет подняться до невиданных высот, если у него есть ум и трудолюбие.

Ну и мой персональный проект — постепенное, исподволь, шаг за шагом, с малого, уравнение в правах женщин и мужчин.

— Риман, я обещаю быть внимательной и беречь нашего малыша, себя и... тебя.

Я не знаю, сколько я уютно молчу в его объятиях, а Риман гладит меня по спине, целует в макушку. Нам давно не нужны слова, мы научились понимать друг друга без них.

Час проходит, два? Вряд ли столько. Я поднимаю голову:

— Ты сказал, Безумный капитан возвращается?

— Да, завтра в полдень он войдёт в главный порт, и мы торжественно встретим победителя. Он открыл оба континента, и вместе с ним к нам прибудет посол с материка, который ты назвала Северным.

Нас прерывает дробный стук в стекло.

Я понимающе хмыкаю, а Риман распахивает окно:

— Налетался?

— Кря-карр!

Дамр окончательно вырос и превратился в покрытый золотым пухом шар, из которого торчит широкий ярко-жёлтый клюв.

— Кря! — повторяет теперь уже не птенец, а Птиц.

Как-то так получилось, что я перебирала имена, никак не могла выбрать, какое подходит больше, и к питомцу приросла временная кличка. Ни на что другое вредный Птиц отзываться больше не соглашался.

Я чешу подставленный подбородок, Птиц млеет и топорщит пух.

— Шелли, ты думаешь о том же, о чём и я? — спрашивает Риман, целуя меня в макушку.

— Да.

Выбрать имя ребёнку во сто крат сложнее, чем цыплёнку. Кажется, пора начинать перебирать варианты прямо сейчас.

Конец